

Marginalia ad SkWb

Евгений Хелимский, Гамбург

Эти заметки представляют собой маргиналии к прекрасному новому селькупскому словарю, изданному в 2004 г. Ярмо Алатало (SkWb). Соответственно, они опираются на номера статей в этом словаре и на приводимые в этих статьях формы (часто не цитируя эти формы – особенно если речь идет о формах в очень осложненной диакритиками записи – а а заменяя цитаты их словарными «адресами»¹). Речь в заметках идет очень часто о составе отдельных статей и соотношении между разными статьями словаря (возможность переноса, объединения, разделения), о дополнениях на основе известных мне селькупских материалов (особенно из ССС и ГХ), но также о комментариях к непереведенным или не вполне удачно переведенным текстам из Доннера, к предложенным Алатало общеселькупским архетипам, к этимологиям и т.д.

Полагаю, что эти заметки могут быть использованы, разумеется, в нашем INTAS'овском проекте, но, пожалуй, в ещё большей мере – при дальнейшей работе над лексическим материалом селькупского языка, отчасти – над селькупской этимологией, при составлении будущего диалектологического и этимологического селькупского словаря, отличную основу для которого уже сейчас предложил Алатало. Основываясь на моем – достаточно долгом – опыте работы с селькупскими материалами, я дополняю или уточняю предложенные в словаре решения, но столь же часто вступаю в полемику с автором словаря. Поэтому следующее обращение адресовано непосредственно автору SkWb:

Jarmo,

I think that when reading these notes you will just at the first glance agree with maybe one half of my suggestions and accept them. And then, after checking data and curcumthinking, you'll be ready to accept also another half of what remained. Then, if we go on with this counting, will remain the last quarter – my motes which won't be acceptable for you, will raise your objections. Well, opinions do differ – and I'd think that perhaps, after all, still another half of what remained in this last quarter is also correct. On the whole this means that approximately 7 of 8 comments and notes that I suggested here, can be useful for improving the lexicographic picture of Selkup – and this is not so little! So please be attentive – and, if necessary, patient: some of my comments may sound ironical (but, after all, am I not a Jew?), malicious are they not.

¹ В случае, если мои Маргиналии будут публиковаться, «адреса», конечно, можно заменить самими формами.

И вообще, SkWb – прекрасный повод поразмышлять о селькупском языке, поделиться тем, что я о нем знаю – или кажется, что знаю. Тем более, что мои заметки включают в себя не только непосредственные комментарии к SkWb, но и соображения, возникающие у меня по ходу ведущегося параллельно составления ССС на основании моих тетрадей с экспедиционными материалами и др. источников – полностью отграничить друг от друга два этих занятия последних месяцев я, конечно, не могу.

Может случиться так, что Ярмо Алатало и Надежде Кузнецовой придётся без моего участия решать вопрос о судьбе и возможности использования этих маргиналиев. Во многих комментариях речь идёт о предложениях, которые при их реализации ведут к изменению нумерации статей в словаре Алатало и к, порой существенному, переносу материала из одной статьи в другую; об объединении или (реже) о разделении статей. Мне хотелось бы подчеркнуть, что в первую очередь я составляю эти заметки (первоначально надиктованные на диктофон) для фиксации своих идей, представлений, этимологических предположений в связи с селькупской лексикой – и совершенно не настаиваю на том, чтобы даже наиболее бесспорные из моих замечаний непосредственно вели к подобным изменениям в нумерации и составе статей словаря Алатало, который мы – кстати, по моему предложению! – приняли за основу нашего совместного проекта. Скорее я полагаю, что мои соображения могут и должны быть приняты во внимание в какой-то более отдалённой перспективе, возможно – при составлении большого селькупского словаря, (важный шаг к которому делается в рамках нашего INTAS-проекта), с охватом практически всех имеющихся селькупских материалов и по своему характеру и виду еще больше напоминающего DEWOS Штейница, нежели словарь Алатало.

Моё **очень настойчивое пожелание** состоит в том, чтобы ценнейший материал, собранный Дульзоном и продолжателями его дела в Томске, был приведен в этом будущем большом селькупском словаре не в сокращённой и отчасти искажённой форме, как в словаре под редакцией Быкони (СРДС), а в наиболее близком к оригиналу виде. В частности, с сохранением ряда диакритических обозначений, обозначения ударения (это **очень важно**) и с чёткой диалектной привязкой не только форм, но и значений слова, чего нет в СРДС.

К словоупотреблению: думаю, что имеет смысл, как я это делаю в последние годы, писать не о послелогах, а об адвербиалах, относя к этой категории также и часть наречий, особенно таких, которые оформляются суффиксами адвербиальных форм локативных падежей. Это сокращённые

формы суффиксов, в частности, для латива это либо *-ä-* с геминацией предшествующего согласия, либо часто *-tə* (**-ntə*) с усечением предшествующей основы до последнего согласного (как в **pārə* - **pārtə*; возможно, прасамодийский архаизм, ср. **iŷ:lə* - **iŷ:tə*) для локатива это *-n₂*, для элатива это *-nə*. Адвербиалы часто имеют двойную или даже тройную функцию: наречий, послелогов, превербов. Использование обозначения «адвербиалы» позволяет избежать сложностей отнесения тех или иных слов либо к послелогам, либо к наречиям, тем более что в очень многих случаях эти две функции совпадают. Какое-нибудь слово-основа со значением «зад» *ši:pə* в адвербиальных формах может выступать и как наречие «сзади», и как послелог в конструкциях типа «сзади чего-то, позади кого-то».

Замечания к вокализму тазовского диалекта

Эта запись не является комментарием к словарю Алатало, а связана с моими интенсивными занятиями селькупским языком в последние месяцы. Я делаю эту запись 12.01.07. Вчера и сегодня, составляя словарь тазовского диалекта селькупского языка, очень внимательно посмотрел весь материал по передним нелабиализованным гласным.

В первую очередь – в связи с проблемой противопоставления так называемых напряжённых и ненапряжённых гласных, которое я постулировал для тазовского ещё в своей дипломной работе 1972 г., посвящённой фонологической системе тазовского диалекта селькупского языка, и описал в соответствующих разделах «Очерков по селькупскому языку».

Продолжаю придерживаться того мнения, что противопоставление по напряжённости для *e* и *ɛ*, соответственно для *i* и *ɨ*, как для кратких, так и для долгих соответствующих гласных является в тазовском и фонетической, и фонологической реальностью (но, видимо, не морфонологической – см. ниже). Однако теперь я вполне убедился в том, что это явление – чисто инновационного характера и искать за ним какие-то глубинные исторические причины нет оснований. Видимо, с исторической неправомерностью разграничения напряжённых и ненапряжённых гласных преднего ряда было связано неприятие моей фонологической трактовки финскими коллегами, в частности, Юхой Янхуненом, с чем в течение долгого времени мне трудно было согласиться.

Повторяю: фонетически и фонологически противопоставление реально, но исторически без него можно обойтись, а, следовательно, можно выбрать такой способ описания селькупского языка, а именно – описания на уровне глубинной морфонологии, при котором различие напряжённых и ненапряжённых гласных из описания исчезнет. Некоторые

распределения, которые позволяют это сделать, были ясны достаточно давно, например, то обстоятельство, что в положении после *tt* встречается только ненапряжённый *i* и не встречается напряжённый *i*, позволяют считать, что ненапряжённый *i* является просто реализацией фонемы *i* в положении после *t*. То обстоятельство, что в положении после *č* встречается и напряжённый *i*, и ненапряжённый *i*, но зато не встречается гласный *i*̣, позволяет считать ненапряжённый *i* в положении после *č* вариантом фонемы *i*̣ и т.д.

Кроме того, следует считаться ещё, по крайней мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, это присутствие ненапряжённого гласного *i* в таких словах, как *kjkä* «ручей» или *illä* «вниз» (в данном случае речь идёт о специальной реализации *i*̣ в положении перед *ä* следующего слога). Наконец, есть ещё явление вторичного характера, связанное с тем, что русские заимствования, которых в тазовском достаточно много и без учёта которых фонологическое описание тазовского диалекта будет неполным, создают дополнительную оппозицию. А именно – в заимствованных словах русские *e* и *u* передаются в селькупском языке как напряжённые *e* и *i* даже в таких позициях, где собственно селькупские слова могут содержать только ненапряжённые *ε* и *i*. За счёт этого возникают и присутствуют такие оппозиции, как, например, минимальная пара *merka*, «мерка для пороха» из русского языка и *merka* «ветрит, дует ветер».

Список такого рода примеров можно продолжить. Однако на уровне исторической интерпретации от результатов морфонологических процессов и, тем более, от результатов присутствия иноязычных заимствований можно абстрагироваться и обойтись без разграничения напряжённых и ненапряжённых гласных. В составляемом мною тазовско-селькупском словаре я в основном сохраняю привычные орфограммы слов, которые были использованы в «Очерках по селькупскому языку» и во многих последующих моих селькупских публикациях, и лишь в нескольких, немногочисленных случаях, с учётом выявленных и уточнённых мною распределений чуть-чуть модифицирую орфографию. В частности, эта модификация состоит в том, что несколько слов, которые я раньше писал с *ε* после *n'* (напр. *n'ennä* «вперёд» или *n'ε:ny-* «утолстить»), я пишу сейчас через *ä* вместо *ε* – учитывая, что, судя по выявившейся вариации реально зафиксированных написаний, фонологической оппозиции между *ε* в этих словах и *ä* в таком, напр., слове, как *n'ärqu* «красный», не существует.

Благодаря этому орфографическому нововведению, случаи с *n'ε* в первом слоге вообще исчезли. Та же участь постигла и очень маленькую группу, буквально 2-3 слова, где я раньше писал *ε* после *č* - опять-таки, из-за того, что, посмотрев ещё раз свои материалы, удостоверился в неустойчивости написаний, я констатировал, что реально оппозиции между *ä* и *ε* в первом слоге и положении после *č* не существует. Не исключая, что, может быть, принятую в «Очерках по селькупскому

языку» и других публикациях тазовско-селькупскую орфографию можно и дальше несколько модифицировать в сторону её отдаления от фонетики и приближения к фонологии, но пока воздерживаюсь от подобных изменений. Тем не менее, я готов оговорить, что в принципе вполне готов принять такой вариант тазовско-селькупской орфографии, который будет более глубинно-фонологическим, который будет игнорировать некоторые особенности произношения заимствованных из русского языка слов и не будет содержать букв *ε* и *ι* за счёт того, что, напр., *ι* в положении после *t* будет заменяться на *i*, а в положении после *č* будет записываться как *y* (*iʕ*).

Вероятно, если бы я составлял описание фонологии тазовского диалекта и писал бы главы «Очерков по селькупскому языку» сейчас, а не 35 лет назад, то я бы с самого начала принял подобное решение. Однако, 35 лет – срок большой, и я за это время (что могут подтвердить те, кто меня знает) довольно заметно эволюционировал от традиций московской и, в какой-то мере, ленинградской фонологической школы в направлении генеративной фонологии.

Ещё одно замечание: как, наверно, смогут заметить компетентные специалисты, такая усовершенствованная фонология тазовского диалекта селькупского языка и тот способ записи, который я бы стал использовать сейчас, фактически очень мало отличаются от принятой в словаре Алатало фонологизации общеселькупских архетипов. Ещё один интересный и не вполне ясный для меня вопрос, которым я, может быть, если успею, ещё займусь (когда материал в словаре, с этой точки зрения, будет более обозрим), – это проблема соотношения долгот и краткостей и, соответственно, фонологичности долготных противопоставлений в зоне передних гласных *ä*, *ö*, *ï*. Материал показывает, что здесь особенно часты колебания по долготе и, особенно у *ö*, очень велика, почти автоматична зависимость долготы-краткости гласного от открытости- закрытости слога, в который этот гласный входит. Проблема осложняется тем, что далеко не все записи с точки зрения фиксации долготы надёжны. Часто то, что реально слышалось, было полудолготой, которая интерпретировалась и записывалась то как долгота, то как краткость, были другие проблемы такого рода, ну а сейчас я, конечно, не имею возможности этот материал проверить. Не думаю, что, применительно к 3 названным гласным можно будет полностью устранить оппозицию по долготе из фонологической системы (а словарь Алатало имеет такую тенденцию, хотя мне позиция Алатало в том вопросе до сих пор не вполне ясна). Тем не менее, это противопоставление должно быть сохранено и является актуальным лишь в определённых типах слов, во многих же позициях мы реально имеем дело с фонологическими архетипами *Ö*, *Û*, *Ä*, которые, в зависимости от фонетических условий, реализуются то как долгие, то как краткие гласные.

(Конец «Замечаний к вокализму тазовского диалекта».)

На всякий случай продиктую в очень коротком виде список, к которому, быть может, вернусь. Речь идёт о том, что пока еще я не нашёл ни в дополнительном списке (№№ 3000-3018), ни в самом словаре ряда основ, которые представлены, по крайней мере, в двух диалектных областях, чаще всего в диалекте Нижней Чаи (обском) у Григоровского и в северноселькупском. Хотя их нет в материалах Доннера и др., они заслуживали бы, на основании тех же критериев, внесения в дополнения. На самом деле, конечно, этот список гораздо длиннее, и я знаю, что Алатало сейчас сам работает над его дополнением. Итак:

- 1904: только в порядке сравнения приведен архетип *q̄iə ʔq̄ə* «шаг». Несомненно, он должен быть выделен в качестве отдельной статьи.

- Обь (ГХ) *мы̄рыльджигу* «утешать ребенка» ~ Таз *m̄rəltə*-«успокоить (накормить младенца)»

- Обь (ГН, № 217) *кáннин-* и др. «прогнать» ~ Таз *kunəltə-*

- Обь (ГХ) *кел-* «однократно, в один прием» ~ (CL 41) NP *qööl* «einmal» и др. См. также комментарий Х. Каца (воспроизведен в ГХ).

- Обь (ГХ) *ко̄вула* «пещера» ~ Таз *kuməla* «ямка, углубление»

- Обь (ГН, № 373, ГХ) *кондегáн* «черт» ~ сельк. южн. *комдегам*.

- Обь (ГХ), s.v. *ме̄ндалгу* «положить на плечо»: речь идёт о новой самодийской этимологии: < сам. **minte-* и др. «носить (на себе при ходьбе)»

- Обь (ГН, № 716) *нáрку-* (или *нáркват-*) «растопыриться» + Таз

Обь (ГХ) *нэмба* ‚полынья’ ~ Таз *n’empə*

- Обь (ГХ) *ню̄кь* «вершина (дер/ева/)). Кстати, это слово опущено, хотя здесь есть интересные этимологические возможности и мне приходилось писать об этимологии северноселькупского *n’u:qə* «поверхность, покрытие, кожа» – вероятного источника русского слова *нюк*

- Обь (ГН, № 732b)

- Обь (ГХ), s.v. *ургыль*.

- (CL) *ural* «ровный».

1 ā Interj. (,так, niin, vai niin, ja’): (A) Das Wort kommt auch im Norden („P“) als *aa’* ‚да’ (OSJa I: 153, 330, 332) vor. (B) Das Stichwort sollte eher als *a’* oder *aa’* angeführt werden: der Glottalverschlusslaut [ʔ], der eigentlich zum „normalen“ Phonemsystem des Sölkupischen nicht gehört, stellt – wie die Angaben zeigen – einen ständigen Bestandteil dieser Interjektion (s. dazu OSJa I: 153). (C) NA *a* [und] wäre als ein separates Stichwort zu behandeln: es ist eine Entlehnung (< russ. *a*), die sporadisch in mehreren sölkupischen Mundarten als Konjunktion verwendet wird (vgl. Katz 1979: 185, Helinski 1983: 56).

13 **ī** ‘Sohn’: (A) Unter den Ableitungen wird “**īŋa** ode **īl’a** Dim. ‘Kind’“ angeführt. Richtig wäre **īa** (> **īŋa**, **īja**, mit Konsonanteneptthese) ‘Kind’. Das **-a** ist kein Dim.-Suffix, sondern wahrscheinlich mit dem Stammbildungselement (Suffix) der Nomina animata **-a** (s. \$\$\$) identisch. Die unter diesem Stichwort angeführten zahlreichen Formen mit Hiatus (TyM *īa*, TaU Akk. *īam* usw.) sollen primär, und die Formen mit *-ŋ-* oder *-j-* (aber nie mit einem *-l’-*, auch in den Dialekten denen der Übergang *l’ > j* fremd ist! Vgl. auch die echte Dim.-Form: Tas *ījal’a* ‘Kind, Baby’) sekundär sein. (B) Keine Ableitungen von diesem Stamm sind **il’mat** ‘Kind’ (Tas: ‘Jugendlicher’), **il’matəl** ‘jung’, vgl. auch Tas *il’matal’* *p□□rā* ‘Jugend’, Gr. *инма□дымь а□сь ко□кудь* ‘неплодная женщина’, *инма□дыргу* ‘забеременётъ о жив[отных]’, *ийма□тла* [дети]). Es handelt sich um eine Entlehnung aus ev. *ilmakta* ‘молодой; юный; только что вставший’ (~ even. Armin. *elamat* ‘подросток, юноша’, weiter zu tung. *İll-* ‘aufstehen’, s. TMS I 302-303, Benzing 1955: 21). Eine sekundäre (volksetymologische) Annäherung zum Stamm **ī** kann jedoch nicht ausgeschlossen werden.

16 **appa** ‘Vater (Kinderspr.)’ >> **apa** wegen Ty. *ав□, ара, аба* (anders als bei den Ty. Vertretungen von *-pp-* in 35 **ippi-** ‘liegen’ oder 2770 **lappa** ‘Schaufel’).

18 Ty. *āpər* ‘ловкость, Gewandtheit’ (< ch. *āpər*), *āpərsəməl* ‘ловкий, gewandt’. Merkwürdig ist das *l-* im TasM Stamm mit derselben Bedeutung: *lapər* ‘ловкость’, *lapəral’*, *lapərsəməl’* ‘ловкий’, *lapərkətəl’* ‘неуклюжий, нерасторопный’. Eine Kontamination mit TasM *lapər-* ‘дергаться, трепыхаться – zucken, zappeln (z.B. Fisch im Netz)’?

31 Ty. *e□paj pō* (Holzstück, mit dem man Felle zusammenpresst, niederdrückt): >> **īpaj pō**, identisch mit TasM *īpaj* ‘деталь ружейного затвора, прижимающая капсюль с гильзой’ und abgeleitet von 18 **īp-**, **īpa-** ‘drücken’. Das Verhältnis zu 32 **ēpuj** ‘насторожка у черкана, Holzstück an Hermelfalle’ ist semantisch offensichtlich, phonetisch aber unklar (wegen **īp** : **ē**). S. dazu KU 366.

42 **āwər** ‘Halfterkette, Zügel, Faden’ (wo *-w-* für **m*, **w* oder **ŋ* steht, s. SkWb XIX): wahrscheinlich >> 216 **anər** ‘Angelhaken’ (Grundbedeutung: ‘lange Leine mit einhakendem Teil am Ende’).

43 TaU *amərkəja* (>> **amərkīa**) ‘mythologisches Wesen (irdisches, der Unterwelt), Monster’: vgl. dazu Gr. *а□ургъ* (= **amərkə**) ‘Norden’ und die ständige Verbindung “Norden – Unterwelt” in den mythologischen Vorstellungen der Selkupa (MC 273). S. auch MC 104 sub **Амыркīя** (wo leider das Material sowie die Interpretation des Wortes unsicher und z.T. entstellt sind). Es ist wahrscheinlich, daß **amərkə** (und weiter **amərkīa** = **amərkə** + **īa** 13 ‘Sohn’) von 37 **amər-** ‘essen, speisen’ abgeleitet sind, wie es auch Alatalo vermutet, vgl. die Vorstellungen über den Norden (oder Osten, Nordosten) als die gefährliche, „fressende“ (seelenfressende, mörderische) Himmelsrichtung, s. MC 273, ОчСЯ II: 8-9. Der böse Geist des Nordens,

таккыль амыты ('die nördliche Mutter', MC 273), und *amərkiā* gehören offensichtlich zur selben „Geisterfamilie“.

50 *āmtəp*: *āmtəp qōŋ* ‚Kaiser‘: eher zu 49 *āmti-* ‚sitzen‘ (haplogisch aus *āmtətəp qōŋ* ‚sitzender Herr‘; eine ähnliche Ableitung stellt ewk. *tegemēr* ‚Zar, Kaiser‘ von *tege-* ‚sich setzen‘ dar) als zu 47 *āmtə* ‚Horn‘.

54 *omtal-*: Die Bedeutung dieses nicht übersetzten Wortes ist sicher ‚sich verbeugen, anbeten‘ (wie aus den Kontexten folgt; vgl. auch Gr. ο□мдалгу ‚кланяться‘); zu 53 *omtət-* id.

55 *umtə* ‚Bart‘: Die von Alatalo (und von manchen früheren Forschern, nicht aber von Janhunen) postulierte Zugehörigkeit zu PS **munt'ojt'szn* id. (SW 96, MS 702 und 703) stößt auf zahlreiche phonomorphologische Schwierigkeiten.

58 *emnəčä* ‚Schwiegertochter, Schwiegersohn (usw.)‘: Als Stichwort sollte man das morphologisch einfachere und besser belegte Wort *emnä* id. bevorzugt haben.

72: auch N *oattə-* ‚караулить, стеречь‘.

75 Ča. *ātaŋp* ‚Rentierkalb‘ gehört zu 159 *ātəčä* (Alatalo *āčətä*, s. unten) / *ātä* ‚Rentier‘ (Ča. *āte*, aber Gr. *áдыча*). Die belegte Form beinhaltet das Dim.-Suffix *-aŋ* (wie in \$\$\$) und das Px *-tə*.

79: auch N *we%ətə-* ‚собирать (ягоды)‘

85: auch N *otəl laka* ‚чага, нарост на березе‘, *otəl' č'oarə* ‚табак из чаги и золы (ненецкий)‘

86 *ottal-* ‚in den Mund fassen‘: vermutlich auch *otal-*, vgl. Gr. ο□далгу ‚хлебнуть‘.

90: Das Stichwort *ūtəp' pō* kann als sicher (*ūtəp' pō*) gelten, da TasM *ūtəp' pō* ~ *ūtəp'o* auch die Bedeutung ‚Instrument, Gerät‘ hat. Hierher vermutlich auch TasM *ūtaŋ* ‚вещь, Ding‘.

94 *e□ŷčə-* ‚lauten‘: Eine interessante semantische Entwicklung dieses Wortes (durch Spezialisierung) sieht man in TasM *e□ŷtə-* ‚lauten, schreien (von brünstigen Rentierbullen)‘ und ‚brünstig sein, sich paaren (von Rentieren)‘.

98 *ŷčča* ‚Falke, коршун‘: auch phonetisch modifiziertes N *-ētə* in *se%ŋkētə* ‚ястреб, коршун‘ (in Zusammensetzung mit 2634 *se%ŋkə* ‚Auerhahn‘)

99 *ŷttə-* ‚sich verstecken‘: Belegt sind Ča. Ty. N *ŷttə-* (immer mit einer Geminate!) sowie K *ŷttəptə-*.

103-105: Alle unter diesen Nummern angeführten Formen und Beispiele repräsentieren denselben Stamm *ečča* (~ *eččə* ?), dessen Bedeutung die Zeichnung ziemlich genau wiedergibt. So sieht das Hinterende des Pfeils, das an der Bogensehne anliegt (104), aus; vertikal gestellt mit der Gabelung nach oben dient als Saitenheber (103), als Stellpflock des Stellbogens (103) oder als stützende Stange (105); mit ganz kurzem Schaft wird zu Karten-♥ (104).

104 Höchst wahrscheinlich ist die von Alatalo stammende neue samojedische Etymologie: sk. *ečča* ~ nen. *hit'i□* ‚unteres, zweizinkiges Ende des Pfeiles‘: PS **eččz-* (im Nen. Umlaut *e > i* unter dem Einfluß des ursprünglich

langen engen Vokals der 2. Silbe). (In welchem Verhältnis zu diesem Stamm steht jedoch en. T eĻa ‘Gabelung’ (auch *uda eĻa* ‚Finger‘)? Das enzische Wort könnte u.a. auf PS *eĉma oder *eĉwa zurückgehen.)

106 **öŋtəräspälökku-** ‘sich vermehren (Kont., Inch., Frequ.)’. Der schwach belegter Stamm **öŋtər-** wird weiter bestätigt durch Gr. ёŋдырзу ‘плодиться’.

109 **ütə** ‘Frühling’ (aber TaU *ǖ^ot^lt^l* weist auf **üttə** hin; vgl. auch TasM *üttə*, mit positionell bedingter Vokalkürzung: die Langvokale **ǖ** und **öŋ** kommen im heutigen Tas-Dialekt vor geminierten Verschlusslaute so gut wie nie vor). Das Wort bedeutet eigentlich nur den Spätfrühling, die Hochwasserzeit (vgl. TasM

111. Слово «бежать». Оформлено суффиксом *i* и образовано с помощью этого суффикса от № 110 «отправить, пустить». Поскольку общее значение суффикса *i* возвратное, то мы имеем то же семантическое соотношение, что и между русскими «пуститься» или «пустить».

112. Хочу обратить внимание на интересный способ словосложения. Он распространен и в Таз., хотя встречается только с определенными основами. Словосложение состоит из второй основы имени и второго компонента. В данном случае это *üt:təri*: «тополь». Сложение из, как пишет Алатало, из *üt* «вода» и *ri*: «осина». В действительности точнее будет сказать, что первым компонентом является *ütə*, вторая основа к слову «вода». В Таз. весьма распространены подобного типа словосложения, в которых первым компонентом является вторая основа слова «чум» *moatə*.

113. Это обозначение растительности на низменных мокрых местах является производным от «вода», – генитив слова «вода», а дальше – слово «дерево», буквально – «дерево воды».

113 *ütət-pō* (KeM ‚Wald, in dem es sumpfähnliche Stellen gibt’): Kompositum aus 107 **üt** : **ütə-** ‚Wasser’ und 372 **pō** ‚Baum, Holz’.

116 **ütər-** (eher **ütər-** ~ **ütər-**) ‚ziehen’ ist eine Ableitung von 9 **ü-** ‚ziehen’; die genaue nenzische Entsprechung ist (Salm.) *nyúdyer-* ‚тащить за собой, волочить’ (PS *üter-)

116. Производные от № 9 с тем же значением.

117. Тоже производное от основы «вода».

118. Конец статьи – снабжённый «?» абзац со словами для обозначения «в июне, в конце июня». Вопросительный знак уместен, т.к. эти слова не имеют никакого отношения к № 118 «маленький, молодой», а имеют отношение к № 109 «весна, период половодья».

123, 124, 125. Все эти слова, хотя они имеют отчасти сепаратные самодийские параллели, содержат один и тот же корень.

126. Перевод у Доннера неясен, дан здесь с вопр. знаком. Похоже, что это какой-то гибрид, путаница номеров 125 и 130.

129 и 130. Думаю, что это – результат семантического расщепления одного и того же слова, хотя есть и в энецком языке семантическое соответствие 129 *edo* «радость, радоваться», но похоже, что всё идет к одному корню. Кстати, к его форме в

конце мог быть и **лабиализованный** гласный, – в частности, у Григоровского корень в 129 зафиксирован, по-моему, как анту.

139. Приводимое для сопоставления тазовское veʔntəʃ- «приставать» есть производное от 136 veʔntə «лицо». Здесь та же семантика деривации, что и, напр., в русских фразеологизмах типа «мозолить глаза». По-видимому, производным от того же 136 является и заглавное слово статьи 139.

146. Интересный и симпатичный случай. Я имею ввиду слово iʔntä «самострел». Похоже, что суффиксом a~ä, который в данном случае, почему-то, выступает в форме ä, а не в форме a, а суффикс этот, вообще говоря, для одушевленных существительных, в данном случае оформляется самострел для того, чтоб отличить его от обычного лука, т.е. получается, что семантический признак *активность* выступает в качестве коррелята семантического признака *одушевленность*.

152. Последний абзац. Я хочу прокомментировать, что здесь содержится такое словосочетание nu:n üntəl leʔ «надбровная кость Бога или неба». И вот герой посмотрел как раз на это надбровье.

156, 160, 161. Думаю, что эти **oralverter** для обозначения различных категорий родства, связаны друг с другом.

157. Я бы снабдил этот номер перекрестными отсылками с 307 и подумал бы об их соотношении.

159. Это название оленя. Мне, когда я смотрю на реконструкции архетипов, не хватает еще и других архетипов. С одной стороны, a:təc'ä, – метатезой по сравнению с **имеющейся здесь формой**, а с другой стороны – вариантом с ретрофлексным твердым ʃ вместо мягкого c'.

171 и 172. Одно и то же слово, которое я немного комментировал в своей статье 1983г., которая воспроизведена в черной книге. Сюда же, видимо, относится и 173.

175. Есть и у Григоровского.

Общее замечание. В словаре, похоже, вообще не нашло отражения слово из Таз. iʔ:n'ə «смирный, спокойный», являющееся прямым этимологическим соответствием, напр., ненецкого ÷yi с тем же значением (см. SW стр. 25).

183. Весьма вероятно – к № 8.

184. Последний полуж. архетип: l' мне кажется совершенно излишним.

197. Для предпоследнего полуж. слова в первом столбце на стр. 34 я не вижу никаких оснований, кроме, разве что, системных и не вполне убедительных, для того, чтобы усматривать здесь генитив и вводить в архетип элемент эп. Вполне достаточно реконструкции архетипа okkəgʂa ÷, кстати, с кратким a в последнем слоге.

199. Судя по данным Таз., следует считаться ещё и с 2-мя архетипами, где отличные количественные соотношения в сфере вокализма, а именно – словами uko:n и uko:l' (см. мой «Северноселькупский словарь»).

203. Очень яркий пример того, к чему ведёт увлечение реконструкцией дополнительного второго слога. Для русского по происхождению слова «уклад» Алатало предлагает архетип, хотя и с поставленным в скобки, вторым слогом kə, что, с точки зрения этимологии, ни в какие ворота не лезет.

207. Это слово с уникальным анлаутом – дифтонг уэ в анлауте – отражено у Григоровского в 2 сильно различающихся диалектных вариантах: как ввејго□сь и как ё□гоъ.

210. Это тоже, как и 116, производное от № 9.

212. Это тымское слово, которое Доннер пишет как öks, а Алатало архетипизирует в виде üksə «комолый, безрогий олень». Слово напоминает тюркское «бык, вол» üküz или öküz. Надо посмотреть, при каком опросе Доннер получил это слово, но думаю, что это тюркизм.

216. Это слово следует объединить с № 42.

225. В Таз. названия подушки очень похожи, но выступают с конечным l' вместо s'.

229. Думаю, что эта частица «не» имеет тунгусское происхождение, см. нашу с Аникиным работу.

233 и 267. Хочу обратить внимание на элементы параллелизма или, возможно, контаминации отдельных слов, относящихся к этим 2 статьям. В особенности в 233 обращает на себя внимание неожиданное появление варианта с неэтимологическим г иэrs'э- «подняться» вместо ожидаемого иэс'с'э-. Это г вызывает какие-то ассоциации с 267, где наоборот, возникают неожиданные варианты с ёк вместо ожидаемого и тоже присутствующего rk. Об этом пункте следует подумать.

236. И у Григоровского есть заимствованное из русского языка слово «остров», которое он, однако, по-селькупски пишет с г в конце, т.е. какая-то контаминация со словом «острог».

241. Непонятно из приведенного материала, что означает это слово в анатомическом плане. Оно напоминает тазовско-селькупское iʔsakiʔ «самая середина, центр» при том, что kiʔ – это «середина».

245. Esu- «стать». Я подробно писал о самодийской и уральской этимологии этого слова, которое нельзя напрямую связать с е: «быть». Оно восходит к самодийскому *es-. Моя работа на эту тему опубликована в «???» – материалы будапештского этимологического симпозиума, статья № 2.193.

247. Я бы предположил связь с № 252.

260. Учитывая поперечное расположение ключицы, могу предположить, что обозначение ключицы здесь содержит в качестве 1-го элемента слово a:rut «поперек» из № 253.

262. Это тоже производное от основы в № 253. Краткость гласного – либо вторична, либо проистекает из неточности записи.

264 и 267. Этимологически эти глагольные основы связаны друг с другом.

266. Понятно, что заглавное словосочетание в этом номере значит «большое брюхо, большой живот». Оба слова «большой» и «живот» хорошо известны.

267. Я уже комментировал в связи с 233 и 264.

Мне пришла в голову важная, можно сказать – центральная, этимологическая идея. № 269 слово от «сила», соответствие в маторском языке. Я думаю, что это та же самая основа, которая известна по SW как общесамодийское *ar «величина». Перед нами – селькупско-маторское производное, которое исходно имело, видимо, вид *arom и подверглось в маторском языке известному ассимиляционному преобразованию oгом

«сила». Развитие в селькупском вполне нормально и регулярно и для исходного ag, и для исходного agom. В этом контексте следует интерпретировать и № 272, и № 269, и, возможно, материалы ещё нескольких статей в этой части словаря.

272. Здесь также следует иметь ввиду многовариантность в рефлексии самодийского а. Т.е. а может отражаться и в селькупском і как о, ъ, и как и:, и как ѱ и т.п.

276. Я не могу предложить конкретную этимологию, но, учитывая, что у нас есть, по крайней мере, 2 слова, которые кончаются на as или ras, которые тоже обозначают какие-то бугры, и которые имеют енисейскую, кетскую, этимологию, думаю, что за 274 кроется какой-то енисеизм.

275. Несомненна связь с 281a и 281b.

276. Производным от этого глагольного корня, несомненно, является название проруби в 278.

285. В этом случае материалы Таз. очень убедительно доказывают правоту Алатало, который для глагольных основ типа йгсә- «потерять» предполагает исходность трехсложных структур типа йгирсә- с тем же значением.

286. Никакие отдельные камасинские и тюркские сопоставления не нужны, слово «умереть» является одним из частных семантических случаев омонимичного слова «исчезнуть, потеряться». Гласный в конце основы «умереть» тоже должен быть, разумеется, и.

293. Интересное чередование і с е.

295. Учитывая всю совокупность форм, думаю, что первоисточник слова кроется в тунгусском, эвенкийском, а не в кетском. Труднее сказать, откуда туруханское слово – из кетского или тоже напрямую из эвенкиского.

297b. Пояснение к нечеткому среднему абзацу. Там под вопросом тымский algae:g «лезет». На самом деле здесь должно стоять «лезет шкура, облезают волосы» и буквально это слово означает «лезть слабым», т.е. волосы на шкуре держатся слабо.

302. Надо считаться с существованием варианта с кратким а. Не вижу, что говорит в пользу долгого а в качестве архетипа.

306. Тазовские данные указывают, что надо считаться с обоими вариантами для «упасть» – a:lс'ә- и alc'ә-.

307. Заслуживают внимания перекрестные отсылки и изучение соотношения с № 157.

312. Словообразовательно интересно ola «голова» от olә «голова». Та же проблематика суффикса а ä для одушевленных активных существительных.

314. Для слова olanәl' «оловянный» нужно предполагать русскую, а не хантыйскую этимологию.

316. Эта основа напоминает № 912 molmä. Возможно, начальный m оказался случайно опущен?

321. Похоже, в словаре вообще не отражено и не комментируется другое название льда, которое тоже объяснимо из енисейского, – qulqa в Таз.

321. Я говорил, объяснение на енисейской почве заслуживает не только архетип в 321, но и вариант слова «лёд», представленный в Таз., – qulqa или qulqo, который отличается от 321 присутствием q в начале. Возможно, путь к объяснению лежит в

учёте енисейских фактов, а именно – того обстоятельства, что довольно неожиданным образом в **оринском** языке название воды имело вид не ul или ug, как в кетском и др. енисейских языках, а kul. В этом объяснении меня смущает то, что форма, которая в селькупском носит ярковыраженный диал. характер и не распространена, должна оказаться весьма древним заимствованием из **оринского** языка, который, если и имел контакты, то с крайним югом селькупской языковой области. Если же учесть, что соответствие **оринский** k-0 в прочих енисейских языках всё-таки, вопреки Старостину, атипично, нерегулярно, (в данном случае я готов придерживаться мнения Вернера, соотв. данные можно найти у него в словаре) то, возможно, следует подумать о том, что и в кетском языке когда-то существовала форма, сходная с **оринской**. Тогда это даёт объяснение специфическому тазовскому варианту.

334. Следует связать с № 333.

339. Излишен знак вопроса в первой строчке. Конечно, e:lä – это герундий e:- «быть», который употребляется в Таз. в значении «в сторону», «в общем направлении туда-то». Исходное этимологическое значение – «будучи».

342. Возможно, путаница или недостаточная компетентность информанта, который «не уверен», что это не «мох на деревьях», а «древесный сок» из № 341.

346. Думаю, это просто 345 и означает что-то типа «туда поднимать, туда подниматься».

347. К 345 «поднимать, подниматься». Это явно веревка для того, чтобы что-то поднимать.

373. Слова здесь действительно неясны, но мне кажется, что ссылка на 940 «хвоя» является излишней, потому что название хвои tu:l' ro: просто содержит номер 372 «дерево, хвоя», буквально – «перистая древесина».

374. Это семантический дериват номера 372 «дерево» в специальном значении «гроб». Причём это особенно очевидно в первом примере статьи в Тым. tãmd' «он похоронил ребёнка», буквально «он сделал ребёнка в дерево». Мне приходят в голову виденные мною на Верхнем Тазу детские захоронения, которыми служат дупла деревьев, т.е. «положить ребёнка в дерево» и «похоронить ребёнка» – это одно и то же.

375. С высокой долей вероятности это тоже следует считать семантическим вариантом номера 372 «дерево». Значение здесь – «дух», демон. Я уже упоминал, что у нас есть явно неслучайная в 2-х случаях полисемия названий духов и обозначений деревьев. Наиболее характерно это в 853 «кедровая сосна» и 854 «лесной дух». Точно такое же соотношение между 372 и 375.

378. Алатало не эксплицирует соображений, которые побудили его объединить со знаком вопроса обозначения изогнутой части ножа и конской гривы. Могу предположить, что в обоих случаях он видел базисную семантику типа «задняя часть», – грива сзади у лошади, выпуклая часть ножа – задняя часть ножа. Если это так, тем больше оснований возводить этот корень рi к именному корню *риэ в SW стр. 129, корню, который представлен и в 379. Пу «грива» есть и у Григоровского.

380. Это ри: «перейти, перплыть, переправиться на другой берег». И здесь следует серьёзно подумать о связи с той же самодийской основой риэ, на этот раз в глагольном употреблении и в соответствии с № 379. Обращу внимание на одно обстоятельство, которое не давало мне возможности рассматривать этот глагол

«перевезти» ru: в Таз. и адвербиальную основу наречия ru: «после» отдельно. Дело в том, что от глагольной основы ru: «перевезти» образовано в Таз. диалекте деепричастие ru:lä, которое, сочетаясь с деепричастием основного глагола, играет роль вспомогательного деепричастного элемента «после», – amərlä «принимая пищу, кушая», amərlä pu:lä «после того, как поел». Соответственно, ru:lä означает «после того, как сделал что-то», а ru:n означает «после, позже». Это заставляет задуматься о связи 379 и 380. Максимальная гипотеза состоит в том, что все 3 номера, 378, 379, 380, не просто омонимичны, а восходят к одной самодийской основе *ruə SW стр. 129 в ее, соотв., именном, адвербиальном и глагольном употреблении.

384. Последнее полужирное слово должно, на мой взгляд, записываться не с ä, а со э на этом месте, и та форма, которая приводится в словаре, содержит э, и у Григоровского находим глагол пе□рынджигу.

387. Боюсь ошибиться и не стану сейчас искать, но похожее название овода есть в северносамодийском.

395. Это не отдельное слово, а сложение 394 «сразу» и 322 illä «вниз». Форма, которая приведена как «крутой», буквально означает «сразу вниз оборвавшийся».

399. Обращу внимание на 1 фонетический и 1 семантический варианты этого слова. В Таз. «кукла» riŋra, у Григоровского пу□ба «ребенок».

402. И селькупское слово, и слово кетского языка представляют собой русские заимствования. Их источником является русское слово «память» в специальном значении «ключица». О распространении этого русского заимствования в языках Сибири и о специальных семантических факторах, которые обуславливали такое специфическое семантическое употребление и заимствование слова, можно подробно прочесть у Аникина в «Словаре русских заимствований в языках Сибири».

410. Если 1-е слово в этой фразе действительно означает «темный, темнота», то напрашивается сравнение с основой «тёмный» в северносамодийских языках, – проивожу по памяти формы: ненецкое певдя, энецкое реі, нганасанское хојмі, все они отражают какую-то форму типа *pVjmV и имеют уральское происхождение, будучи далее связаны с финским riŋeä и т.д.

412 __ 1756

416. Обращу внимание на то, что, судя по переводам в статье, так называемый «красный карась» является отнюдь не красным, а, как там пишется, «черно-желтый, коричневый такой». Перед нами обозначение этого вида карася по цвету, и само слово «карась» 416 является производным от 415 patəl', – название цветов типа желтого, зеленого и т.д. В название карася входит также суффикс названий одушевленных предметов а, о котором писал Кац. – Здесь фигурирует ещё русское слово «паташка», заимствование из селькупского языка, которое может заинтересовать Аникина.

418. Раčəl' «желтый» следует отнести к 415. Č на месте t, конечно, создает проблемы, – либо здесь ошибка записи, либо явление, связанное с č-t чередованием в крайне южных селькупских диалектах.

419. Это название демонического существа известно и северным селькупам. Насколько я помню, на севере эти ведьмы называются ratəja÷ и летают. – Этимология неясна, но облик слова с j и с вариантами, где j отсутствует и которые должны

интерпретироваться как *raĩa*, указывает на то, что вторым компонентом входит *i:ja ~ i:a* «ребенок».

422. Название латуни *ratərkä* является также производным от цветообозначения в 415. Латунь имеет желтый цвет. Интересен суффикс *rkä* или, если учесть Таз. форму, *rka*, – явно тот же самый уподобительный суффикс, который известен ненецкому языку и встречается и в других северносамодийских языках. Этот пример указывает на то, что в принципе этот суффикс не чужд и селькупской почве.

423. Напрашивается гипотеза, что это просто № 499. Для этого, однако, надо допустить, что 2 раза – Доннер и 1 раз – Кузьмина допустили одну и ту же ошибку: пропустили обозначение мягкости после *t*.

432. Семантика указывает на то, что эта именная основа является производной от глагола в 431 «ставить сети, класть в воду». Прорубь для невода – это прорубь, через которую опускают под лед сети и протягивают их от одной проруби до другой так называемым «норилом».

433. Это еще одна невыявленная самодийская этимология, селькупское слово имеет непосредственное соответствие в северносамодийских языках. Это в ненецком глагол *roda-* «просочиться, протечь». Другие производные от данного корня в ненецком означают также «пройти, пропустить насквозь». У слова есть соответствия в энецком языке, в частности, я вспоминаю энецкое *rodi* «ворота, через которые должен пройти излечиваемый в ходе шаманского камлания» и т.д. Самодийская этимология налицо, самодийская праформа, скорее всего, *roša-*.

438. Приведенный при статье рисунок хорошо показывает, что это слово является именным производным от основы 433 «пройти насквозь». Видно, что в этой верше есть стрелочка, которая ведет к точке, где должна проходить насквозь рыба.

442b. Название таволожника наверняка является производным от 442 «внутренность, полость». Не знаю, как устроен таволожник, наверно, это полое растение типа тростника. Хочу обратить внимание ещё на то, что этот пример указывает на то, что обсуждавшийся несколько комментариев назад выделенный Кацем суффикс *a* используется не только для обозначения одушевлённых предметов, но иногда и для образования одних неодушевленных предметов от других. В данном случае мы имеем *ru:čə* с этим суффиксом дает *ru:ča* и далее, возможно, *-ro:* «таволожник». Другой пример такого рода из Таз. Там «нары» *paŋə* это чурка, короткая палка, которая используется для метания в качестве биты, а производное от этого *paŋa* или, чаще, *paŋaro* – это **корей** для погоняния оленей. Возможно, неслучайно, что и в том, и в другом случае за этим суффиксом *a* обычно следует компонент *ro* или *ro:* «дерево».

444. Это то же производное от 442, что и 442b, да и выглядит слово точно так же. Здесь зафиксировано в значении «желудок», но, видимо, как обозначение полого внутри внутреннего органа. Как отмечает Алатало, к той же основе относится и № 445.

447. Готов согласиться с Алатало, который дает от этого слова отсылку к № 448 с идентичной семантикой, несмотря на то, что эти слова расходятся в отношении согласного: *č* в 447 и *t* в 448. Поскольку речь идет об основах *ru:ča* и *puta*, то говорить о каких-то метатезах *t-č*, как я это делал применительно к словам типа *tača – čata* нельзя. Тем не менее, какие-то колебания между *č* и *t* (кстати, возможна просто неточная

запись) имели место и в этом случае. Если это так, то обращаю внимание ещё и на то, что записанное под № 441 слово *pu:tə* «почка» может быть сопоставлено с № 444 и далее 442.

460. Это селькупско-камасинское сопоставление рассматривается и в пока еще неопубликованной, но имеющейся у меня в рукописи, статье Айкио „*Old and new samoyed ethymologies part 2*“ (снято при публ.?). Айкио вполне убедительно реабилитирует старую этимологию, связывавшую эти слова с их финноугорскими соответствиями, в первую очередь – с финским *ruutää*. Коснусь ещё одного момента. В любом случае мне бы крайне не хотелось отрывать № 460 от № 457, поскольку совпадение семантики «следовать, преследовать» и семантики «быть похожим, следовать кому-то во внешности» указывает на общую принадлежность этих слов. В то же время, для 457 имеется самодийская этимология с *j*,- **rujta*, тогда как и Алатало, и Айкио постулируют, на основе камасинской формы, прасамодийской праформе для № 460 согласный *÷* – *ru ÷ətə*. Решение этой проблемы предложить не могу, но оно должно быть. Можно спасти уральскую этимологию, и в то же время – не отрывать уральские слова со значением «преследовать» от группы самодийских слов «быть похожим на».

462. Одним из полужирных слов этой статьи является *pitəgəsan* «то, с помощью чего мнут шишки». Несомненно именно к этому слову относится в Таз. название селезенки *pitərsa(n)*. Мотивация не ясна, но, скорей всего, связана с этнографией. Возможно, что из селезенки (оленья) готовится мазь, используемая для разминания. В соответствии с семантикой заглавного слова в 462 *pit*- «мять».

465. Самодийская этимология, предложенная в SW стр. 122, сомнительна.

467. Скорее всего – заимствованное русское слово «бедовый». Но возникает ещё 1 версия. Поскольку это, судя по всему, *pitəraaj* – включается в контекст «проклятие ворон, *pitəraaj*, воронов, *pitəraaj*, олы», то это может означать «бедовая голова ворон, бедовая голова воронов», но, может быть, речь идет и о гнездах ворон и воронов, тогда это первая часть 463.

468, 469. Полагаю, что эти статьи можно объединить. Мне известно Таз., глагол *pi:təg*, с довольно сложной семантикой. У меня записаны его переводы «не пускать, не давать, жалеть, беречь, защищать». В общем, это сводится к единому семантическому компоненту – охранять свою долю, свою часть. Это и есть то, что мы имеем в 469 – «оспаривать что-то друг у друга» и то, что мы имеем в 468 «жалеть, защищать». С этим согласуется и семантика ненецкого соответствия в 469, глагол *pidä* «делить, оспаривая друг у друга долю чего-либо».

470. Алатало справедливо делает ссылку на 515 с отличающейся фонетикой, поскольку соответствием тымского ономастопозитического глагола из 470 в Таз. является слово *pičələmpə*- «блестеть, сверкать».

473. Во многих отношениях интересная и сложная статья. Во-первых, в начале второй колонки на стр. 71 я вижу обозначение *n*□, которое в других местах в словаре не встречается и которое Алатало не оговаривает. Возможно, это остаток какой-то рабочей версии, но, если правильно понимаю, то за этим обозначением стоит идея о том, что в селькупском языке также существовал **какуминальный**, или ретрофлексный *n*, который известен хантыйскому языку. Я упоминал, что мне эта идея тоже близка, во всяком случае, материал статьи 473 может служить убедительным аргументом в пользу

данного решения. В данном случае мы имеем необычное чередование между п и ретрофлексным какуминальным ѣ, причём пара полужирных слов ра̣ѣл- в Тым. и рап̣ѣл- в Кет. с одинаковыми значениями, указывает на то, что переход группы п̣л̣ в ѣ̣ осуществлялся примерно в той же диал. группе, где происходил и переход -ѣ в qq. К этой же статье: у Григоровского имеется слово с основой па̣т- «плести». Возможно, впрочем, это обратное образование от глагола па̣ткыл-. Поддерживаю предложенное Алатало сравнение 474 и 475 с № 473, далее, вероятно, производным отсюда же может быть и № 478. Если предположить специальную семантическую девиацию, то и 481. Наконец, последнее. Для меня выглядит странным предположение о том, что включенная в эту же статью основа раг- , которая тоже имеет близкое значение «завивать, плести» и производные этой основы действительно представляют собой развитие из более раннего *пан̣г-. Каковы бы ни были фонетические свойства ретрофлексного п, довольно трудно предположить, что этот согласный мог полностью утрачиваться. Я, применительно к материалу Таз., где основа раг- в виде ее производных также представлена, либо просто считал бы это отдельной основой, хотя и семантически близкой к рап-, ра̣-, в 473, или же попытался связать основу раг- с большой группой слов с той же основой раг-, которые приведены в 634. Т.о., ставится вопрос – слова на раг- это действительно часть статьи 473, или же это независимая основа, или это должно быть отнесено к № 634. – О рефлексах основы раг- в Таз. Непосредственно эта основа не зафиксирована, но мы имеем интересный комплекс слов в Таз., выглядящий след. образом. Это существительное рагрэ «незаплетенная коса», старинная мужская прическа или «колтун в волосах» и, далее, слово рагрэл' «спутанный (о волосах)». С точки зрения современного языка и с учетом этой семантики, рагрэл' является производным от рагрэ, однако исторически можно постулировать другой сценарий. От несохранившейся в Таз. основы раг- было образовано по нормальной модели причастие рагрэл', но после утраты глагольной основы само слово рагрэл' «скрученный», по-видимому, перестало восприниматься как причастие, что дало возможность для обратного словообразования, а именно – для появления слова рагрэ «скрученная, недоплетенная мужская коса», и слово рагрэл' стало восприниматься как адъективное производное от рагрэ. Наконец, ещё одно замечание. Если мы принимаем раг- «закрутить, запутать, заплести», то открываются возможности для объяснения географического названия – названия реки **Parabel**. Эта река в старых источниках (у Фишера, у Миллера) называется **Parpel** или **Parbel**, «запутанная, закрученная река», что соответствует **орографическим** особенностям Парабели. Мне кажется, что я уже эту историю рассказывал, прошу при редактировании найти и свести эти 2 комментария воедино.

476. Мне представляется, что реконструкция архетипа рап̣э̣- недостаточна, поскольку не даёт объяснения формам Таз., где сосуществуют формы типа рап̣и̣ш- и ра̣и̣ш-. Следует думать об исходной для обоих вариантов основе типа ра̣ј- или, более раннего вида, рап'-.

Сходная ситуация с сосуществованием вариантов имеет место и у глагола «сходить за чем-то» в Таз. қоп̣и̣ш- или қо̣и̣ш-. Этот глагол из 2002.

485. Достаточно вероятно, что слово ро:ntälə «прошлый (год)» может быть разделено на ро:n , генитив к слову «год», и täl- № 1152 «вчера, вчерашний». При этом

надо думать, что другие, более редкие, чем ро:ntälə, формы со значением «прошлый год», – сюда же может быть отнесено и ро:ndu у Григоровского, представляют собой результаты вторичных преобразований конца этого сложного слова.

486. Это слово, скорее всего, является производным от обозначения внешнего пространства, т.е. от основы ро:- № 376.

491. Ко второму от конца первого столбца стр. 74 полужирному слову должно быть отнесено слово под № 492. Налицо фонетическое тождество, но в контексте № 492 может речь идти о том, что «ветер не сгибал 7 раз вершины деревьев, а их семикратно складывал». Согласен также с отнесением к № 491, глаголу «класть», номера 497.

509. Меня удивляет форма, в которой слово «вагина» записано у Доннера, ри:č'ə, поскольку в наших материалах это слово всегда встречалось в форме риša.

517. Ещё один пример субституции типа **так называемый** ə передний в хантыйском и селькупском языках. Пример этого подтверждает те коррективы, которые **Ендлаталаш** и я ввели в хантыйскую реконструкцию Штайница, и которая предусматривает реинтерпретацию переднего ə как исторически краткого i.

519. Второй компонент слова «тень» – это № 518 «женщина, старуха». Это слово раја часто встречается в качестве второго элемента сложений, причем с самой неожиданной тематикой. В № 519 выступает некая тень-старуха, тень-женщина.

527. Обращу внимание, что тазовским соответствием слова «портянка» является форма раš, т.е. форма, в которой, по сравнению с формой кетского диалекта, отсутствует срединный j и последующий гласный.

528. Это слово «вилять» надо объединить с 527 «оббивать». Обращу также внимание на непоследовательность у Алатало. Он, на основании форм Тым., воспроизводит в полужирной форме l'q, хотя, практически тождественные с точки зрения фонетики, формы в № 527 возводятся к архетипу с jq.

530. Можно объяснить странную форму у второго полужирного слова этой статьи, где вместо ожидаемого о: представлен а: в Кет. Думаю, что форма ра:ja:l «приданое» в Кет. – это гибрид или результат контаминации заглавной формы «придание» и № 518 «женщина».

534. Отчётливо выделяется суффикс одоративов глаголов со значением восприятия запаха -n'i-. Не вполне ясно, как следует интерпретировать 1-ю часть, к которой присоединен этот суффикс ри:. Думаю, что эту 1-ю часть можно связать либо с № 381, либо с № 378. Во втором случае это образование типа «дуть с запахом, доносить запах по ветру», 378 – это именное продолжение самодийской основы «находя то, что находится сзади», соответственно, ри:n'i- – это «пахнуть задним».

535. Я уже сказал, что № 528 должен быть объединен с № 527, поэтому сравнение 535 с 528 неправомерно.

538. Напомню удачное этимологическое объяснение, которое в своё время для слова рija «сова» предложил Хартмут Кац. Это производное от слова «ночь» с так называемым «звериным» суффиксом а или ja.

539. Речь идет о барсуке. Это название известно в Таз., но барсук настолько редкое и малоизвестное животное, что лишь очень немногие информанты знают это слово, и к сожалению, данные неоднозначны. Есть записи и с q и с k – роаqə или роакə.

542. В Таз. имеется слово *paqqəlal'* «деформированный, с неровной поверхностью» и это слово, несомненно, относится к глаг. основе «ковырять, копать» № 540. То же верно и для № 542, где кетская форма переведена как «неровная болотистая земля». Скорее всего, к 542 и, далее, к 540, относится также и название «лягушачьей травы» в 549.

546. На самодийском уровне слово является изолированным, однако, помню, что имеется старая и неплохая уральская этимология этого слова – оно связывается, в частности, с венгерским *fut* «бежать».

551. Думаю, что название седла *paqsan* представляет собой сокращение более раннего *pakktəsan*, имени инструмента от основы 546 *paktə*- «прыгать, скакать». На самодийском уровне, насколько я помню, это селькупское слово сравнивалось с ненЛІ словом типа *poχosov*. Если последнее не фикция (по-моему оно ни в каких источниках толком не встречается), оно может быть селькупским заимствованием.

555. Тазовские данные подталкивают к тому, чтобы воспродуцировать архетип этого слова только с одним *q*, т.е. в виде *po:qə*-. Сравнение с 380, как у Алатало, я не могу принять, но мне кажется, есть все основания объединять это слово с 376 «внешняя часть, внешнее пространство». Это особенно хорошо это видно в тазовском: мы имеем, например, относящееся к 376 прилагательное *po:qəl'* «внешний» и глагол *po:qətə*- «переходить через водораздел, переваливать через водораздел», т.е. выходить во внешнее по отношению к бассейну реки пространство. Более того, я готов предположить, что в глаголе 555 суффикс *-qə* это тот самый знаменитый коаффикс локативных местных падежей (самодийский и селькупский).

561. Вполне согласен с Алатало, который делает отсылку этого слова к 546, т.е. мы имеем ситуацию, когда вместо этимологического *a* в Тым., после *p* и перед *q* у Доннера неожиданно встречаем *o*. Аналогичную ситуацию мы имеем и в случае с 553, есть все основания видеть в 553 тоже какую-то неточную запись или фонетический вариант слова из 582, которое в других случаях в Тым. фиксируется с *paq*, а в № 553 – с *poq*.

562. Тымская форма выглядит как-то уж очень по-хантыйски. В хантыйском языке мы находим, по крайней мере, слово *poγall* в восточных диалектах «запруда, устраиваемая в **живунах** (**видимо, где ключ, источник из земли** – Аникин)». В селькупском это, судя по переводам, «бухта и озеро». Может быть, всё-таки, перевод неточен, и слово действительно представляет собой хантыйское заимствование? Тогда возникает следующий вопрос – относится ли сюда же форма в кетском диалекте? Над этой этимологией и над хантыйской версией надо подумать.

563. Сравнение с ненецким языком вызывает у меня некоторые сомнения. Мы имеем несколько названий лёгких (анатомическое), а также плавательных пузырей с начальным *p*-. Я бы, всё-таки, скорее допустил, что 563 *pu:qa*- может быть именным производным от глагольной основы 381 *pu*:- «дуть».

564. Интересное дополнительное производное от этой основы со значением «шишка» содержится без перевода и интерпретации в 2042. Там это слово записано как *pu:gä:rba*, что, по-видимому, является глагольной формой «шишкой стал, шишкообразный стал». Вся загадка в целом интерпретируется таким образом: «надводное шишкообразным стало, выглядит шишкообразно» и, конечно, разгадка это *qa -ar* «верша».

567. Хантыйско-селькупское сравнение вызывает сомнения из-за расхождений в ряде гласных: заднерядность в селькупском и переднерядность в хантыйском. Зато я бы объединил 567 в селькупском с 571.

568. Здесь стоит *piʃkal'* «мягкий» (например, о снеге), а в тазовском диалекте зафиксировано слово *pika* «глубокий, рыхлый снег». Думаю, что это связанные друг с другом формы, речь может идти о чередовании сегментов *pi* и *piʃ*, которое типологически распространено и присутствует, в частности, в ненецком языке.

575. Представленный глагол «играть в жмурки» является производным от основы 390 «шарить, искать наощупь».

576. Несомненно, к 577.

581. В связи со второй полужирной формой хотел бы обратить внимание на показательное сохранение фонетического различия между словом «кровь» и прилагательным от этого существительного у Григоровского (2007), где мы имеем, с одной стороны, *ka□мь* «кровь» и, с другой стороны, *ki□унь ne□нгъ* «жила».

582. Это слово обозначает продолговатую часть предмета, в частности – рукоятку, голенище, поэтому сюда же относятся и формы, приведенные под 583. Видимо, речь идёт о гриве, полосе леса, гряде холмов и т.п.

593 и 594. Это одно и то же слово. Переводы в 594 верны, а вот в переводе «волокно дерева» в 593 можно усомниться. Легко можно было чего-то не понять в объяснениях информанта, который говорил не о волокнах, а, скажем, о трещине, которая появилась на том месте, где волокна разошлись.

601. Слово есть и у Григоровского (2007): *наска□* «грязь». Думаю, что предположение о связи с 599 излишне. По-моему, где-то в уральских языках я встречал слова ономатопоэтического характера с очень сходными фонетикой и семантикой.

602. Перекрёстные отсылки между этим номером и 685 у Алатало, несомненно, справедливы. Мы имеем и в словаре Григоровского (2007) зафиксированные формы с одним и тем же значением от обеих основ 602 и 685, у него это *пальдя□ть* и *насза□ть* (= ? *паеза□ть*). Формы у Григоровского, конечно, имеют разнодиалектную природу. Видимо, мы имеем дело с различными диалектными продолжениями какого-то общего для 602 и 685 архетипа **rajCa*.

611. Согласен с тем, что слово заимствовано из хантыйского, и далее восходит к коми источнику, однако, на его форму, а именно, на наличие согласного *š* вместо согласного *š̄*, который следовало бы ожидать, вероятно, повлияло русское слово «пушка». Здесь мы имеем дело с контаминацией форм из разных языков.

614. Названия насекомых в этой статье явно являются производными от 613 «пепел». Хочу напомнить о широко распространенном в селькупском фольклоре сюжете, в котором различные вредоносные кровососущие насекомые возникают из пепла сожжённого злого демона. Этот миф прекрасно известен по всей Сибири.

618. Примеров такого рода в словаре великое множество, я уже это упоминал. Мне не кажется правильной реконструкция трёхсложных основ, как в третьем от конца полужирном слове *parəkku-*. По-моему, вполне можно было обойтись архетипом *parku-*. Не думаю, что единичным формам типа отмеченной здесь кетской формы *parakkuŋ*, следует придавать решающее значение. Думаю, что это в кетском диалекте вставка гласного в трёхконсонантной группе *rkk*, которая, однако, возникла по правилам чередования ступеней, т.е. *parku-* даёт в определенных позициях *parkku-* и далее сложное сочетание согласных разбавляется гласным. Такая схема объединения более естественна, чем предположение о втором слоге, который, повсеместно выпав, сохранился в этой кетской форме. Думаю, что Ярмо Алатало заведомо не готов принять весь комплекс замечаний такого рода, ведь таких реконструкций в словаре очень мало, но в перспективе может быть согласится с моим, фонетически более естественным решением.

624. Думаю, что запись с *a:* у Доннера ошибочна, потому что в современном тазовском это слово хорошо известно, причём только с нормальным, кратким *a*, а не с *oa*, как рефлексом долгого *a*.

627, 633, 639. Думаю, что можно не просто ограничиться ссылками, а объединить эти статьи, которые, по крайней мере на уровне самодийских прототипов этимологически едины.

628. Мы имеем дело с русским заимствованием. По русски «сверло» называется *парье* или, чаще, *напарье* (диалектное название).

631. К № 630, русскому заимствованию. По-моему, эти река и озеро в районе Турухана по русски называются *Парусовая* и *Парусовое озеро*.

632. Второе полужирное слово этой статьи записано с *a:* и со знаком вопроса явно потому, что приведенные формы содержат гласный *o* в первом слоге. Тем не менее, верхнеобские формы в этой статье верны. Так и у Григоровского – *порол-* «вернуться» Т.е., это либо другая основа, нежели 632 *pa:rəl-*, либо результат специального фонетического развития.

636. Статья содержит замечательный рисунок. Изображённый Доннером лабаз *po:rə* потрясающе похож по форме на созвездие Большой Медведицы. О названиях Большой Медведицы, в частности, в связи с названием лабаза, писал Аникин. Хорошо бы обратить его внимание на

этот рисунок (см. Хелимский Компаративистика. Уралистика. 2000: 118-124).

637. Здесь записано тымское словосочетание, причём уже второе слово в этом словосочетании означает в тымском «замок». Так что, всё вместе вряд ли означает «замок», скорее, «замок лабаза, амбара», т.е. первая часть – это 636.

641. Любопытно, что в моих материалах зафиксировано на Тазе название колонка *po:raka*, т.е. без *m*. Но это очень малоупотребительное название, так что не исключена ошибка.

644. Самодийское соответствие приведено в SW на стр. 117, а не 166.

645. Перед нами две записанные под вопросом кетские формы из текста, причём в одном случае стоит не *o:*, как в заглавном слове, а *u*. Думаю, что эти слова следует отнести к 661b или 662.

648. Селькупское название сверла *pur* является заимствованием из хантыйского *põr*. Фонетика, как и в других случаях, о которых я говорил, связана с тем, что так называемый и представленный в крайних восточных диалектах хантыйский *õ* – это исторически *ÿ*.

652. Не знаю, откуда взял Алатало для прилагательного перевод «*fischlos*», «безрыбный», но это явное недоразумение. Само заглавное слово статьи 652 означает «неплодный, стерильный», но применительно к озеру слово *pu:ral'* означает «бессточный», «бессточное озеро». Как раз подобные озёра очень богаты рыбой, что правильно подчёркнуто в переводе примера у Доннера, «озеро, в котором водятся окуни, щуки, караси и т.д.». Так что «бессточное озеро» – это богатое рыбой, а не безрыбное озеро. Богатство рыбой связано именно с бессточностью озера, – рыба входит в него и задерживается, размножаясь и нагуливая жир, не имея выхода в какую-нибудь реку по стоку.

661. Несомненное хантыйское заимствование.

662. Тымская форма во втором абзаце, «буран», конечно, относится к 661 и представляет собой то же русское заимствование.

663. Для реконструкции архетипа слова полезна форма таз. *purqan²* для **ненычан** для подготовки железа перед ковкой.

664. По-видимому, это обозначение медведя связано с тазовским ономатопоэтическим словом *piʁn'al'* «косматый».

667. Это неясное слово интерпретируется с помощью данных Григоровского. У Григоровского (2007) имеется *су□ри не□рчиса зво□зь* «рогатина медвежья». Само слово 667, таким образом, должно быть отнесено в качестве производного к 665 в связи с глаголом *perčə-*.

671. Конечно, к прилагательному «высокий» в статье 677.

674. Обращу внимание также на форму у Григоровского *пю□рчигу* «сучить нитки».

678. Почти наверняка к 677.

683. И в этом случае основания для реконструкции трёхсложной структуры с гласным второго слога *ə*, утраченным практически во всех диалектах, кажутся мне недостаточными.

686. Наверняка неточно записанный или полузабытый информантами перевод слова, которое идентично слову 685, которое, в свою очередь, отождествляется в качестве диалектного варианта с 602.

688. Русское заимствование из «валёк». Фонетическая субституция та же самая, что, например, и в 719.

690. Снова тот же вопрос. Трёхсложная структура и гласный *ə* в срединном слоге (даже в скобках) представляются излишними для архетипа.

691. Основа слова – оноματοпоэтическая и зафиксирована, например, как таз. *palšənpɾə* – «шлѣпаться, болтать, бормотать». Что касается семантики слова, то это тот же семантический переход, что и, скажем, в русском слове *болтать*, которое означает и «разбалтывать, размешивать», и «трепаться, разговаривать».

694. Могу предположить, что интерпретация глагола как «тупить, сглаживать», которая то ли принадлежит самому Доннеру, то ли была названа ему информантами, неточна. На самом деле в приведенной в статье загадке искомая глагольная форма означает «глотает» и относится к статье 693. Вся загадка выглядит тогда таким образом: «один мнѣт другого, а другой глотает первого» и речь идёт о долблении льда пешней. Пешня мнѣт лёд, лёд поглощает пешню.

696. Предложенное Алатало отнесение к 698 справедливо, тазовскому диалекту тоже хорошо известно использование заглавного слова статьи 698 «калёный, закалённый» в переносном смысле передачи сильных качеств человека. Например, *pol'čət qum* означает «человек сильного характера, удалой».

704. Должно быть отнесено к 381. Глагол со значением «пернуть», как и в тазовском – это форма интенсивноперфектной совершаемости к глаголу «дуть», т.е. «сильно дунуть». В тазовском это глагол *pul'čə*-. Насколько я помню, этот глагол имеет значение и «ужалить» (о пчеле). В этом употреблении отражено известное не только селькупской, но и русской народной традиции представление о том, что пчѣлы, осы и т.п. жалят задом, жопой, и обозначение «ужалить» как «пернуть».

705. Соответствием в таз. является, по-видимому, слово *pulsan* «размягчѣнные и почерневшие кусочки древесины в воде», так называемая «древесная вата». Не исключаю, что эта тазовская контракционная форма также как и 705, являются производными от глагола «дуть» 381.

713. К 3-му по порядку полужирному слову в этой статье у меня то же самое замечание – срединный гласный *ə* и трёхсложная структура представляются излишними. Ориентироваться, как и в других случаях, на данные именно диалекта NP вряд ли стоит.

715. Думаю, что, в отличие от 713, действительно самодийского происхождения, слово со значением «половина, сторона» представляет собой хантыйское заимствование. – Неясный кетский пример в самом конце страницы 101. Вторую и третью фразы этого примера стоит интерпретировать как «дневной половины – половина года, ночной половины – половина года». Скорей всего, это фигуральное обозначение лета и зимы. Лето – дневная, полуденная половина года, зима – ночная, полуночная.

720b. Естественно было бы предположить здесь русский источник типа «плетюха» или «плетюка», но, к сожалению, в доступных мне источниках (в СРНГ и др.) я такого русского диалектного слова не нашёл. Но это очень вероятно, поскольку речь идёт о ленте в заплетённой косе.

736b. Явно означает «безумие», от известной в тазовском, но не вошедшей в словарь Алатало глагольной основы *тоат-* «сойти с ума, обезуметь». Сама глагольная основа *тоат-* обнаруживает дальнейшие связи, а именно – со словами, приведенными в словаре Алатало в 773 и 814. Во всех этих случаях мы имеем одну и ту же связанную и первичную исходную основу **та:-* со значением типа «безумие, заблуждение», которая отражена в производных в 736b, а также *та:на* «сумасшедший» в 773 и *та:qəl-* «заблуждаться» в 814.

738. Возможно, фонетическая (не)регулярность в развитии этого селькупского слова из его самодийского прототипа связана с контаминационным влиянием слова *ти:пэ* «палец», под влиянием которого и мог появиться неэтимологический согласный *т-* в начале слова. С другой стороны, у этого слова имеются и нерегулярные фонетические варианты, например, в верхнетазовском говоре не *тиmpəl'*, а *тиʒmpəj*, в чём, может быть, могла проявиться контаминация ещё с одной основой, а именно – *тиʒка* «иголка». Речь идёт о названии напёрстка.

740. Тождество со словом 739 «дом, чум», которое предполагает Алатало, вряд ли может вызывать сомнения. Основа 739 имеет и более общее значение «помещение», а в 740 речь идёт об отверстиях, которые служат вместилищем, помещением для крепления лыжных ремней.

741. В конце этой статьи форма, которую Алатало обозначает как неясную, хорошо известна тазовскому диалекту. Это глагол *маттар-* «обладать способностью, свойством резать, быть предназначенным для резки». В самой статье стоит причастие от этого глагола.

742. Обращу внимание на некоторую нерегулярность подачи материала. Название «двери» в 742 дано в виде сложения *та:та*, хотя совершенно идентичное по внутренней структуре сложение со значением «шест чума» в 1744 приведено под его вторым компонентом. Если следовать этому решению, то 742 следовало бы переместить в самое начало словаря и давать как основу *а*. Не помешали бы и в статье 739 *та:t* «чум, дом» отсылки к статьям 742 и 1744.

742. Это замечание касается принципов размещения материалов внутри словаря.

744. Думается, что тазовские данные вполне однозначно указывают на то, что селькупский архетип следует писать с кратким, а не с долгим *a*. В значении «кол запора» тазовскому диалекту известно только *matər*, а не *moatər*.

746. Эта глагольная основа является производной от названия чума в 739, что, кстати, упомянуто в SW. Отношение производности между словами «дом, чум» и «просить, побираться» сохраняется и на уровне селькупского языка.

747. Непонятно, зачем вообще это слово отделено от 741. И по фонетической форме, и по значению «резать, отрезать» оно полностью соответствует статье 741.

748. В качестве перевода заглавного слова к статье не вполне удачно выбрано слово «мелкий», что, возможно, и помешало правильной этимологической идентификации основы. На самом деле те формы, которые упоминаются в статье, характеризуют состояние песчаного дна, когда глубокие участки чередуются с мелкими, т.е. когда дно под водой имеет крутой, обрывистый характер. Это отражено в нескольких переводах. В статье это отражено и в соответствующей форме у Григоровского (2007) *ma□чень* «крутой», сюда же относится таз. *matə* «обрыв». Значение и перевод «мель» появляются здесь лишь постольку, поскольку при подобном обрывистом состоянии дна реки можно с глубокого места, по которому нормально плывёшь на лодке, неожиданно напороться на мель. Если учесть семантику «крутое место, обрыв», становится очевидна связь этой основы в 748 с глагольной основой «резать» в 741. И в тазовском слово *matə* имеет значение не только «обрыв», но и «разрез».

750. Собранные Алатало в этой статье данные заставляют (в семантическом плане) усомниться в правильности принятого в SW решения, хотя Янхунен тоже приводит селькупское слово лишь в порядке сравнения. Данные статьи 750 очевидно указывают, что речь идёт об области гениталий, а никак не о пазухе.

751. Я вполне согласен с хантыйской этимологией слова. И тем не менее, все селькупские данные, как приведенные у Алатало, так и известные мне данные тазовские, указывают на то, что селькупским архетипом является *miš*, а не *mič*.

753. Я бы предпочёл приводить, по крайней мере, 2 варианта заглавного слова – с *-ə* в конце и с согласным в конце, т.е. *mi:čə* ~ *mi:č*.

760. Почти наверняка глагол со значением «смазывать» является производным от слова «печень» 757. Такое употребление связано с тем, что содержащая много жира печень широко используется в традиционных технологиях в качестве смазывающего вещества, например, при размягчении шкур. Различия по долготе гласных – ср. 757 *miʕtə* «печень»

с одной стороны, и, с другой стороны, 760 *miʃat-* «мазать, смазывать» – обусловлены, вероятно, тем, что в самом слове «печень» *-ə* в положении конечного гласного исходит, а в глаголе восходит к более раннему гласному полного образования в словообразовательном суффиксе типа **-at-*. Т.е., речь идёт ещё об одном проявлении установленной мной закономерности развития долготы гласных в селькупском языке.

769. Это слово должно записываться как *mitəʃ'*ə- и должно быть отнесено к 766. Фразеологическое употребление глагола «достигать» в 766 в том же контексте, что и в примере из чаинского диалекта в статье 768, известно и тазовскому диалекту, и отражено, например, в словаре Erde & lyi в 1969. Здесь на стр. 138 находим 2 примера типа *keʃitiʃ mieiʃa* «у него перехватило дыхание» и *keʃitiʃ mitiʃ'impa* «у него перехватило дыхание».

771. То же явление, о котором я говорил в комментарии к основам «ты» и «вы». Речь идёт о том, что основа двойственного и множественного числа в определённых ситуациях склонна подменять собою основу единственного числа. В данном случае основа местоимения «мы» в некоторых случаях подменяет местоимение «я».

773. Эта основа уже комментировалась в связи с 736b.

780. Очень интересное фонетическое явление. Хотя это, как будто, противоречит нашим представлениям о селькупской фонотактике, похоже, что здесь на общеселькупском уровне присутствует последовательность согласных *ntʃ*, т.е. кластер из трех согласных без гласного *ə* между *t* и *ʃ*, как это предполагает реконструкция архетипа для 780 у Алатало. Дело в том, что мы имеем приведенную в конце статьи форму в тазовском, в таком виде слово известно и мне. В тымской записи тоже нет никакого следа гласного между (в данном случае) *d* и *ʃ* и, наконец, у Григоровского имеется форма *манчо* □л- «вырваться».

783. Вполне возможно, мы имеем дело с производным от статьи 782 *mi:nə* «палец» и мы имеем дело с тем, что верхние рёбра обозначаются как «пальцы», видимо, по какому-то сходству очертаний рёбер с растопыренными пальцами.

784. Во-первых, это, несомненно, самодийское слово. Самым прямым соответствием является ненецкое слово *mun* «кусок», и этимология эта отражена в SW: 96. Тазовско-селькупское слово обозначает явно не «кусок» в смысле «часть», а кусок в смысле «порция пищи» и слово это обозначает (что зафиксировано в тазовском) не только «кусок», но и «глоток». Поскольку речь идёт не о «куске, глыбе, части», а о «куске, порции пищи», вряд ли может быть принято предлагаемое Алатало отнесение местоимения *muntən* «весь» к этой статье. Видимо, 2 полужирных слова статьи 784 этимологически друг с другом не связаны.

789. Тазовским соответствием является *niʃtaltə-* «объяснить, разобраться с чем-либо». Считаю достаточно вероятным, что через цепочку суффиксальной деривации это слово в конечном счёте связано с

местоименной глагольно-именной основой *mi* «вещь, нечто» 731. Такое предположение позволяет постулировать промежуточную семантику типа «каузировать, воспринять нечто» или «каузировать реакцию на что-то».

790. Ещё легче формально и семантически обосновать связь с 731 для 790.

791. Во-первых, мне кажется, что приведенные кетские формы позволяют думать об архетипе с гласным *i*, а не только с гласным *e*, как это дано в словаре. Во-вторых, весьма вероятно связь с 788 с глагольной основой «гнуть». № 791 обозначает опору для ноги на лыжах. Насколько могу припомнить, как раз в том месте, где нога опирается, у лыж есть специальный изгиб кверху. Тот, кто лучше разбирается в конструкции лыж, может подправить эту формулировку.

793. Селькупское слово в этой статье, несомненно, связано с финским названием сосны *mänty*, однако, связь эта имеет место не на уральском уровне, а всего лишь постольку, поскольку селькупское слово является заимствованием из русского *мянда* «сосна», которое, в свою очередь, является финнизмом. Это русское слово можно найти в словаре Аникина (2000: 383.384).

796. Я бы не исключил, что слово со значением «старый» (о вещах), рассматриваемое в этой статье, является производным от глагола «миновать» в 794. «Старый» – это «миновавший», такой, время которого миновало, прошло мимо. Правда, здесь есть фонетическая тонкость – все примеры, приводимые Алатало, содержат долгий гласный *e*, и поэтому он вполне правомерно записывает этот долгий *e* также в архетипе статьи 796, тогда как в глагольной основе 794 гласный *e* краток. Всё же отмечу, что из тазовского диалекта слово «старый» мне знакомо только в виде *mental'* с кратким *e*.

798b. Возможно, гидроним относится к приведенному в статье 736 старому причастию *mintal'*, известному и в тазовском со значением «острый». С другой стороны, смущает русское параллельное название *Мендель*, а не *Миндель*. Возможно, моя этимология ошибочна.

799. Подразумеваемое в конце первого столбца стр. 119 объяснение формы из Григоровского несомненно верно. Я в своей книге 1983 года колебался между разными толкованиями этого примера из Григоровского, но сейчас безоговорочно принимаю трактовку Алатало.

799b. Это слово, как, вероятно, вначале и сам собирался написать составитель словаря, представляет собой наречие, производное от 799. По распространённой модели образования наречий с помощью суффикса *-ä*, перед которым происходит геминация согласного.

803. В тазовском диалекте глагол, приведенный в качестве заглавного слова этой статьи, имеет *a* в конце основы, а именно – выступает как *то:č'a-*. Также должен выглядеть и заглавный архетип статьи. Чаинская и верхнеобская формы такой реконструкции архетипа никоим образом не противоречат.

805. Это то же самое, что № 804, применительно к глазу. Различие в долготе гласных, как это показано в словаре, явно фиктивно. Что касается семантики, то слово в статье 805 означает не «глаз хлопнул» и не «глаз ослеп», а «глаз заплаыл, оплыл», как это происходит, например, при образовании бельма. Поэтому связь с глаголом «подниматься воде, заливать берега» становится вполне очевидной.

807. Неплохо было бы объяснить, что означает слово *Senker* у Сирелиуса. Вероятно, речь идёт о грузиле сети или удочки, хотя, вообще говоря, это немецкое слово имеет ряд значений. Если действительно слово означает «грузило», то приходит в голову ассоциация, а может быть даже этимологическая связь с ненецким *маня пэ* «очень тяжёлый твёрдый камень».

813. Вероятно, Алатало всё-таки прав, когда доверяет переводу Сирелиуса и не доверяет известному для кетского диалекта ещё со времён Кастрена значению и переводит слово как «тесло», а не как «молоток». Тем не менее, позволю себе напомнить о том, что уже давно в ряде работ кетское слово *rakka* «молоток» сравнивалось с нен. *та* «молоток» **и считалось его производным с уменьшительным суффиксом**. Хотя я обратил внимание на то, что Алатало в статье 729 предлагает совершенно иную этимологическую связь для ненецкого названия молотка и его северносамодийских соответствий в селькупском языке.

814. Слово со значением «ошибаться, заблуждаться» уже упоминалось в связи с 773 и 736b.

815. Спонтанное, но, может быть, заслуживающее разработки этимологическое предположение: не может ли слово *takka* «холм» в 815 содержать диминутивный суффикс и быть связанным с уральским названием земли (фин. *таа*).

818. Основа *тоqə* «спина» присутствует в качестве второго компонента также в названии бурундука из второго абзаца № 1378. Вопреки предположению Алатало, это название бурундука буквально означает «пёстрая спина». Более чем логичное название для бурундука, и состоит оно из двух частей, о второй я уже сказал, ну а первая – это 1387 «пёстрый».

819. Это слово, точнее – его первая часть, должно быть отнесено к 818. Объяснение этого названия повивальной бабки даёт параллельное образование, зафиксированное у Григоровского (2007) – *о□тонь ко□мь пая□* «повивальная бабка». Вторая и третья части названия практически тождественны тому, что мы находим в № 819. Что касается первой части, то это – генитив от слова «рука» 87, точно также как первая часть сложения в 819 это генитив от слова «спина» 818. Т.е. пропорция такова: «повивальная бабка» у Григоровского так относится к SkWb 87, как SkWb 819 «повивальная бабка» относится к SkWb 818.

820. Здесь нужно некоторое уточнение. Слово означает не «весло» или «два весла», а «двойное, двустороннее весло», и архетип должен

воспроизводиться без мягкости *moqol laru* или *moqal laru*, буквально – «спинное весло». Это такое весло, у которого рабочими являются обе стороны лопасти. Сравни в тазовском *larən moqal* «тыльная сторона лопасти весла». В заглавном слове 820 тыльная сторона лопасти весла также является рабочей. Я увлекаюсь этнографическими комментариями, но это вполне соответствует задачам, поставленным в нашем проекте INTAS.

831. Видимо, это название зайца буквально означает «игольный глаз». Мотивация мне не ясна.

833. Гипотетическое предположение: а что если, как нередко бывает, перевод у Доннера не совсем точен, и слово обозначает не птенца, который только что вылупился из яйца, а отверстие в яйце, которое проделано вылупляющимся птенцом? Если так, то перед нами диминутив к 734.

834. Это слово «родимое пятно» с высокой надёжностью может считаться диминутивным образованием от 734 «отверстие, дырка».

841. Слово, конечно, ономатопоэтическое, есть и другие фонетически сходные образования в селькупском, например, таз. *piŋkol'čə-* или *püŋkol'čə-* «катать, катить». Вообще же слова сходного характера имеются очень во многих языках. Где-то я видел слово «шарф» типа *moŋgolčə*, но в каком языке – вспомнить не могу.

841b. Возможно, гиперкорректная форма во втором абзаце под влиянием 841.

843. В связи с этим словом хочу привлечь внимание к «Этимологическому словарю русских диалектов Сибири» Аникина, где есть статья *Му□ньга* (2000: 395).

844. Очень интересна форма, которая встречается в тазовском наряду с формой *piŋkət*, непосредственно отражающей заглавное слово статьи 844. Эта вторая тазовская форма имеет вид *mi:ŋ*. Одно из возможных объяснений этой второй формы – то, что в форме, которая служит заглавной в статье 844, второй слог переосмыслен как суффикс локатива и отброшен. Т.е., слово «пазуха» воспринято как локативная форма «за пазухой». Таким образом могла непосредственно возникнуть и форма *mi:ŋ*. Есть и другая возможность – то, что селькупским архетипом для названной тазовской формы является *mi:k* и тогда это селькупское слово этимологически связано с таким названием пазухи, как ненецкое *ta''(s)*. И ненецкое слово, и селькупское *ru:k* могут отражать прасамодийское **mak*.

845. Не оспариваю хантыйскую этимологию, ту же фактически, что и для № 846 «узел», но хочу обратить внимание на то, что значение «пуговица» передаётся как *moŋqal'a* 845, так и *mi:lə* 917. Эти две формы могут быть связаны друг с другом, если предположить, что форма 917 возникла из *miŋələ* или подобной формы за счёт выпадения интервокального *ŋ* и стяжения гласных.

849. Перевод «какой-то дух» недостаточен для интерпретации слова, однако позволю себе выдвинуть 2 версии. Одна из них состоит в том, что

849 связано с 854, где фигурирует лесной дух. Другая, не менее вероятная, – форма 849, записанная как *ma:səl'* – это несколько искажённая форма тымского соответствия общеселькупского *ma:ssəməl'* «имеющий дом, обладающий домом». Это слово *ma:ssəməl'* встречается, по крайней мере, в одном из известных мне фольклорных текстов и так там обозначается один мифологический персонаж, в доме которого побывал герой. Так что подобная версия согласуется с данными фольклора.

852. Русский источник – не *мошна*, а *мошня*, что объясняет и форму селькупского слова.

853 и 854. О тождестве этих слов я упоминал в связи с несколькими другими подобными случаями семантической двойственности «дерево» и «дух» в селькупском языке. Кстати, ещё одно культурологическое обоснование для подобного семантического дуализма – это присутствующее и сильно развитое у селькупов поклонение деревьям, которые считаются вместилищами духов и сакральными объектами. – А теперь – к этимологии этого слова. Считаю весьма вероятным, что эти слова связаны и являются производными от 799 *mač'ə* «лес». Что касается фонетической стороны, то *šš*, а в кетском диалекте *ss*, могло развиваться в сложении из 799 и ещё какого-то элемента ровно тем же путём, что, например, у Григоровского *писсук* «обух топора», отражающее *pič'ət šuk*, т.е. *šš\ss* из *čəeš*. И ещё более убедительное свидетельство в пользу связи с № 799 – это слово у Григоровского *масси* «лесной».

856. В тазовском это *то:š* «хвост», без гласного в ауслауте. На самом деле и приводимые Алатало в № 856 формы, за исключением кетских, также указывают на исходность архетипа с конечным согласным.

857. Это слово является всего лишь семантическим дериватом 857. Куски льда, остающиеся на берегу во время ледохода, обозначаются как «хвосты, охвостья» льда.

861. «Ложка шамана». Я не люблю предположений о метатезах и поэтому от сравнения с 2735, как предлагает Алатало, я бы воздержался. Зато мне представляется весьма вероятным, что 861 связан со звукопередающим глаголом в 863b, причём связующим звеном между 861 и 863b служит глагол «звучать», который у Григоровского записан в форме *му□зымбыгу*.

862. И в этом случае предложенное Алатало под вопросом сравнение с 859 представляется мне не очень убедительным. Зато я бы подумал, не является ли глагол 862 «испытывать злобу по отношению к кому-то» производным от существительного «болезнь» *тиš* в 751.

864. Это гапакс и трудно быть уверенным, что, собственно, означает «небольшой островок». Небольшой островок на реке, озере, или, может быть, островок леса? В первом случае я бы не исключил, хотя и не нахожу достаточно вероятным, то, что это диминутивная производная от русского слова «мыс», во втором случае, если речь идёт о небольшом островке растительности, наверно, можно думать о местоименном существительном

«мы, нечто», оформленном типичным суффиксоидом для обозначений рожиц, небольших участков леса *saŋ*. Тогда это «небольшой участок чего-то, какой-то растительности».

866b. По-моему, приводимая в конце форма из «Очерков по селькупскому языку» с гласным *y* в последнем слоге – это результат опечатки. Мне известна только форма *mišaqaŋ* с гласным *a*.

867. Слова в первом и во втором абзацах не относятся друг к другу. В первом абзаце – это действительно слово «больной, болезнь», а во втором я предлагаю переводить непереуведенную кетскую форму просто как «ты мне мешаешь», т.е. это – русское заимствование, то же самое, что в 872.

869 и 871. Конечно, это один и тот же глагол «дёрнуть, потянуть и т.д.», и встречаются как формы с одиночным *ʃ*, и формы с геминацией *ʃ*, которая часто имеет место перед определёнными суффиксами. Эти номера надо объединить. Сюда же относится и 870 – дуративный глагол, переведенный как «плясать». Видимо, исходным значением для «плясать» было «дёргаться».

874. В виде *кыбамарла* имеется и у Григоровского.

875. Несмотря на некоторое расхождение значений, это, по-видимому, то же самое слово, что в современном таз. *moarə*– «загустеть, крепко завариться, прийти в ярость, психануть». Т.о., форма указывает на то, что гласный *a* долгий.

876. Сравнение с ненецким словом фонетически неправдоподобно и, по-моему, излишне. Ненецкое слово, вероятно, всё же находится в какой-то словообразовательной связи с *мя*” «дом, чум».

882. Думаю, что это слово не имеет такого специального и чуждого селькупам значения, как «вымпел на судне», а является каким-то вырванным из контекста случаем употребления существительного *mo:rə* «конец, кончик» из 881. Вымпел располагается на конце мачты.

883. Заново даю комментарий. Заглавная основа этой статьи в чистом виде представлена у Григоровского как *mo□рку* «отломить».

883. У Григоровского есть и просто исходная основа производных глаголов этой статьи в виде глагола *mo□рку*.

888. Основа *tu:rä* ни на что, известное мне в тазовском диалекте, не похожа. Может быть, это просто чуть неточно записанное слово «море»

884. Т.е., птица называется «морским куликом».

891. Ещё один хороший пример **на (не?)** типичное хантыйско-селькупское соответствие, о котором я уже говорил.

893. Думаю, что к 890, а не к 891. Не буду обсуждать семантику, потому что непонятно, о какой именно детали черкана идёт речь. В данном случае более существенна фонетика, долгий гласный *iʃ*. Это соответствует тому, что имеет место в 890. Тазовское слово *miʃr* удлиняет свой гласный во второй основе. Отыменное прилагательное имеет вид *miʃrəl*. Напротив, в слове 891 позднего хантыйского происхождения, как и в

других поздних заимствованиях, для этого явления количественного чередования в именных основах, по выявленному мною законом развития долготы в селькупском языке, предпосылок нет.

894. По-видимому, тоже к 890. Речь идёт о ноже, не имеющем передней части, вероятно, о ноже с обломанным кончиком. Мы видим, что в 890 анатомический термин «передняя часть ступни», как, по-видимому, и другие анатомические термины, может метафорически использоваться и применительно к таким предметам, как нож.

905. В сравнении с 899 я сомневаюсь, зато по-моему, слово можно объяснить из русского заимствования *мало* в 907. Приводимая кетская форма может означать «к малому» и употребляться в (неразб.) значении «почти».

911. Я не понял, к какой самодийской этимологии на стр. 85 в SW отсылает Алатало.

912. Да, формы типа *to:l* являются эллиптическими.

914. Это фольклорное название оружия должно быть отнесено к 728 и, конкретно, к обсуждавшейся форме *to:la*. Оружием, которым сражались богатыри, были по-видимому, суковатые палки.

918. Предположение о заимствовании из хантыйского языка представляется мне маловероятным по 2 причинам. Во-первых, это слово *tułəmpri-* имеет типичное для оноματοпоэтических глаголов оформление, во-вторых, и ханты, и селькупы с достаточным уважением относятся к религиозным обрядам, и поэтому семантическое развитие от «молиться, произносить молитвы» к «болтать» представляется мне мало правдоподобным. Скорее, перед нами действительно оноματοпоэтический глагол, который, возможно, связан с другим оноματοпоэтическим глаголом в 921.

927. В Таз. это прилагательное и ряд связанных с ним слов засвидетельствованы с начальным *w-* — — *wiʃ'al'* «скользкий» и т.д.

935. Можно предполагать, что некоторые формы из 1-го и особенно из 2-го абзаца относятся к *toak* из 1156. Нужно рассматривать каждый пример и семантику каждого употребления отдельно. К *toak* из 1156 относится и прилагательное в 3-ем абзаце этой статьи. Формы в следующем абзаце с полужирным *ta:kka ~ tak*, (хотя, судя по примерам, в первом слове следовало бы перед «~» долготы не ставить) не относятся к рассматриваемому *toak* из 1156. Не очевидна также принадлежность сюда слов из последнего абзаца статьи 935. Хотя нынешние мои комментарии к этой статье носят достаточно предварительный характер. Что касается формы *takka*, то её можно рассматривать как параллельную по отношению к приведенной в статье 961 форме *tiʃkka* (что-то типа *takka* «сюда», *tiʃkka* «туда»). Менее вероятно наличие связи с 1167.

935. Переходя к букве *T*, мне хотелось бы обратить внимание на одно селькупское слово. Оно может оказаться полезным при комментировании, в частности, статьи 935. В тазовском Диалекте оно имеет вид *toam ~ toak*

«принадлежность; то, что относится к...; всё, относящееся к...; всё прочее» (приблизительные значения). В словаре Алатало это слово приведено в 1156, причём, с моей точки зрения, неточно. Оно смешано со словом «товар», содержащим в конце *q*. В данном слове, как будто бы, *k*. В статье 1156 нужно разграничить слово «товар», слово со значением «*tavallinen kangas/gewöhnliches Tuch*» и остальной материал статьи, который относится к обсуждаемому мною слову со специфическим значением. Предполагаю, что для праселькупского языка это слово может быть реконструировано в виде *ta:k*, что это слово самодийского происхождения и может быть сопоставлено с ненецким *ta''(s)* «прибавка». Слово, о котором я говорю, имеет весьма специфическое употребление и часто встречается в таких контекстах, где его довольно трудно опознать. Например, форма *taoktə-* с притяжательным окончанием 3-го лица и со значением «и прочие его». То же слово часто присутствует в выражении, встречающемся в повествовательных фольклорных текстах *ikkər toat čonto:qən* «однажды, и вот, наконец». Это генетив к *toak*, и буквальное значение выражения «в середине одного прочего». Из словаря Erde□lyi известно выражение *či toal' üt* «ведро воды» или «вода в ведре», где та же основа *toak* выступает в адъективной форме. Сложность составляет фонетическое (не этимологическое) тождество рассмотренного слова с основой 1155 *ta:k* «позади», тоже самодийского происхождения. Для некоторых употреблений затрудняюсь провести границу между этими двумя основами. Например, послелог *ta:qqən* имеет значения, которые могут соотноситься как с характеризующим мною словом *toak* из 1156, так и со словом *ta□k* из 1155.

937. Форма *tontə*, судя по данным Григоровского, а также тазовского диалекта, является аблативной, а не локативной.

937b. Здесь, в слегка отличающейся записи, та же основа, которая представлена в статье 946.

938. Следует переместить в № 937, как и предполагает Алатало.

944. Сюда же № 1151.

949 и 961. Можно связать перекрёстной отсылкой, учитывая возможность фонетического чередования типа *ei:* в селькупском языке. Третье полужирное слово в № 949 *te:* действительно параллельно слову *to:* и встречается у Григоровского в качестве проверба с тем же значением, что у *to:* «прочь, от». Высказывавшееся мною в «The language of the first selkup books» предположение о том, что варианты проверба *to* и *te* распределены фонетически, не подтвердилось на материале словаря Григоровского. Это вполне параллельные и не противопоставленные по значению проверки.

950, 1078. Основы в № 950 и № 1078 связаны друг с другом, и здесь отражены интересные и пока невыясненные процессы взаимодействия между **č* и **t*. Известно, что соотношение этих согласных является не таким однозначным, как это рисует упрощённая историческая фонетика. Например, мы находим *č* в слове «жила, сухожилие», хотя, судя по всем

уральским параллелям, здесь следовало бы ожидать *t*. Мне приходилось писать о селькупском слове «шаман», которое и в реконструкции Алатало содержит два *č*, но исторически, по-видимому, содержало *t* в качестве 1-го и *č* в качестве 2-го согласного, на что указывает одно заимствование в эвенкийском языке. С процессами взаимодействия такого рода **связана и пара из слов** в статьях 950 и 1078. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что та же глагольная основа, которая представлена в 1078 в виде *čet*, присутствует у Григоровского с другим порядком согласных *тэ□тдџи-*. По-видимому, сосуществование таких форм отражает результаты разнонаправленных ассимиляционно-диссимиляционных процессов. Замечу также известный факт появления неэтимологического *č* на месте *t* в ряде слов в крайнеюжных селькупских диалектах.

951. Сюда относится одно из двух дополнительно приведенных в конце статьи слов, а именно, *тэ:qа-*. Что касается второго слова, записанного как *tetal-*, то в Таз. оно содержит не гласный *e*, а гласный *eʒ*: и относится к словам, рассмотренным в статье 1058.

953. Не может ли это быть тем же самым словом, которое рассматривается в статье 956?

955. Скорее всего, это просто ошибка записи – опущение знака мягкости у *t*, и тогда № 955 то же самое, что № 1433 «пояс».

957. Интересные дополнительные формы типа *тичоу-* можно найти у Григоровского.

962. У Григоровского засвидетельствовано интересное по суффиксальному оформлению производное *ти□сса* с тем же значением «сажень».

966 *ti-*: «садиться в средство транспорта» не содержит согласного *l*, в отличие от 1322 *telčə-* «грузить», где этот согласный присутствует. Объяснение – в том, что 966 непосредственно продолжает уральскую основу **säl-* (или **säl-*), а 1322 продолжает такой дериват этого уральского слова, в котором присутствовали фонетические условия для сохранения **l* без перехода в *j*.

966 и 1322 __ 1323

966. Полностью обоснованы взаимные перекрёстные отсылки между номерами 966 и 1322. Мы имеем дело с исторически однокоренными словами. Близкое соотношение демонстрируют также номера 958 и 1323. К № 1323 я ещё вернусь, с интерпретацией у Алатало я не во всех пунктах согласен.

972. В связи с селькупско-камасинской параллелью обращаю внимание на название белки в енисейских языках *ti''p*. Наоборот, известное в литературе сравнение селькупского слова с венгерским *evet* «белка» с учётом камасинских данных должно быть отвергнуто.

973. Может быть персонаж фольклорного текста не «сделал огонь», а наоборот – затоптал его, и тогда глагол просто относится к № 968?

978. Женское имя в этой статье образовано от № 977 «нога». Модель образования одушевлённых существительных, в частности – личных имён с помощью суффикса *a*, вытесняющего конечный *ə*, хорошо известна в селькупском языке. Имя *Tora* встречалось у тазовских селькупов и в 70-х годах прошлого века. По объяснениям информантов, это прозвище, которое дают хромоногой женщине.

980. Основа в 3-тнем от конца полужирном слове не *čopərə-*, а *čopərəj-* ~ *čopər-*. Данная морфонологическая особенность той же основы известна и тазовскому диалекту. Мы имеем здесь, с одной стороны *topərəš-* «собирать ягоды», но с другой стороны деепричастная конструкция образуется от основы *topər-*: сравни *topərlä qseʔn-* «пойти собирать ягоды».

981. От основы в этой статье в Таз. образовано слово *tu:pəl'* «ровный» (о числе). С другой стороны, нельзя исключать возможность того, что значение «ровный» (о числе) является лишь семантической девиацией прилагательного из статьи № 982, «жесткий, грубый, тугой».

984. Глаголы с этой основой имеют в Таз. краткий *u*, у Григоровского производные от этой основы записаны с гласным *o*: *čo□бал-*, *čo□па*. Это говорит о том, что основу следует воспроизводить с кратким гласным или, по крайней мере, предусмотреть наличие общеселькупского варианта с кратким гласным *u*.

985. Маленькое уточнение: русское слово «источник» не «дубово□й», а «дубо□вый».

988. У Доннера ошибочно записано таким образом слово *liʔptək* (с *l*, а не *t* в начале слова) «ткань, материя». В словаре Алатало этого слова я не нашёл.

994. В общеселькупском архетипе для слова «брат» (третье полужирное слово в статье) следует вычеркнуть *l'* и воспроизводить *tipi n'a:*. Думаю, что объединение слов из статей 996, 995 и 991b в одну статью – это относительно легко решаемая проблема фонетического характера. При её решении следует использовать установленный мною закон развития долготы гласных в селькупском языке.

998. Топоним, скорее всего, относится к № 994.

1000. В Таз. слово содержит долгий *i*, который должен воспроизводиться и в общеселькупском архетипе. Предположить диалектное сокращение долгого *i* перед группой согласных *ps* гораздо естественнее, чем противоположный процесс удлинения краткого *i* в этой позиции.

1007. Здесь представлено русское имя в уменьшительной форме *Давыдка* и, соответственно, отчество *Давыдыч*.

1008. Перевод «ключ» у Доннера – не ошибка. Значение «ключ» имеет это слово и в современном Тазовском диалекте, хотя значение в языках-источниках «замок».

1012. Хотя один из кеттских информантов охарактеризовал слово *taur* как «не наше», источник его следует искать в селькупском языке. На

это указывают и данные «Этимологического словаря русских диалектов Сибири» Аникина, Слово встречается только в русских диалектах, находящихся в контакте с селькупским языком. Следует иметь ввиду, что общеселькупский архетип с высокой вероятностью имел вид не *tavur*, а *taŋur*. Не исключена связь с одним из слов, которые можно найти у Алатало под номерами 1211, 1214, 1215. Конечно, речь идёт только о возможности отдалённой этимологической связи.

1015. Дополнительный свет на эту основу проливают данные Григоровского, где в значениях типа «утопить, окунуть» зафиксированы *тагы-та-*. Кроме того, сюда же относятся слова, приведенные у Алатало под № 1160. Сравнение же с № 935 представляется мне излишним. К номеру 1160, который должен быть объединён с № 1115: селькупский архетип у Алатало *ta:qə-* вызывает сомнения. Формы, приведенные в статье, могут быть возведены также и к архетипу *taŋə-* или *ta:ŋə-*. Предложенное в № 1160 селькупско-ненецкое сравнение не проходит, поскольку ненецкое слово образовано от основы *тяха* «позади», которое связано с селькупским номером 1155. Дополнение к перечню форм у Григоровского, которые я давал в связи с № 1015: у него есть не только *таге* и *та*, но также и *тави-*. Ещё одно замечание: весьма вероятно, что глагольная форма в № 1168 (ненадёжно переведенные контексты из Тым.) имеет значение «погрузиться, опуститься» и представляет собой производное от основы в № 1160, т.е. принадлежит к группе рассматриваемых мною слов. И, наконец, ещё одно интересное соображение. Я говорил о том, что название рыболовного котца это что-то типа общеселькупского *taŋur* или *taŋər*. Объединённая этимология номеров 1015 и 1160 предлагает вполне разумное этимологическое решение и для слова со значением «котец», поскольку «котец» – это погружённая в воду ловушка для рыбы в рыболовном запоре. Мы можем здесь иметь дело с именным производным от глагола «погружаться, погрузиться». И ещё одно замечание к статье 1015: кеттское слово из последнего абзаца сюда не относится.

1019. В старой литературе фигурировало сравнение этого селькупского слова «род» с ненецким *тэнз* «род, клан», – сравнение, которое Алатало совершенно справедливо не принимает во внимание. В Таз. слово *tamtər* имеет значение как «род, порода», так и «вязка, пучок». Например, *n'u:təl' tamtər* «пучок травы». В связи с этим допускаю непосредственную связь этого существительного с глаголом в № 1004.

1021. Распространённая, в частности – в Сибири, кличка собак «Дамка». Эта кличка связана с полем собаки, кличка суки, но, возможно, отражает и какие-то особенности породы или внешнего вида собаки. Насколько я могу себе представить, все собаки по кличке Дамка должны быть небольшими.

1025. Ещё один случай чередования *t~č* в начале слова.

1026. Что представляет собой кеттская форма в данных Палласа: это описка *tut* вместо *tum* и, может быть, совсем другое слово, например, русское *тут*, *тутовая ягода*.

1030. Слово со значением «загадка» имеет самодийскую этимологию (SW стр. 167, где приведена и кеттская форма). Приведена кеттская форма в скобках. Мне понятны соображения, побудившие Janhunen заключить кеттское соответствие *čumči* в скобки, а Алатало – вообще отказаться от упоминания этого сравнения. Привлечение селькупского слова с его двумя аффрикатами создаёт затруднения для прекрасной уральской этимологии, связывающей самодийское слово с венгерским *tud* и т.д. Тем не менее, принадлежность селькупского слова «загадка» к группе самодийских слов со значением «знать» совершенно несомненна. В частности, от этой основы образовано название «загадки» не только в селькупском, но и, например, в нганасанском языке: *tumtə* или *tumta'a*. Привлекать селькупское слово нужно обязательно, как быть дальше с уральским сравнением – другой вопрос. Ещё один комментарий: дело в том, что слово № 1030 представлено не только в кеттских материалах Доннера, но и у Григоровского. У Григоровского мы находим *тундычигу* «разгадывать загадку», т.е. форму, где на месте обеих аффрикат выступают дентальные смычные. Мне уже приходилось говорить о вероятном источнике подобных пар. Дело в том, что в селькупском языке действовала практически универсальная тенденция, приводившая к тому, что в пределах одной основы не могли встречаться одновременно *t* и *č*. Однако эта тенденция носит, по-видимому, более поздний, чем общеселькупский, характер. Мы имеем примеры, как в данном случае, ассимиляции в разных направлениях. Соотношение кеттской формы у Доннера и чаинской формы у Григоровского указывает на общеселькупский архетип, где качество рассматриваемых согласных было разным. Это было либо *čumtu*, либо *tumči* «загадка». Соответственно, с разными направлениями ассимилятивного взаимодействия в различных селькупских диалектах. С учётом *čumtu* и *tumči* и следует вернуться к вопросу о финноугросамодийском сравнении. Уверен, что и это сравнение можно спасти путём некоторого дополнения и расширения наших знаний о действовавших фонетических процессах.

1035. Заманчивым было бы сопоставить селькупское слово с северосамодийскими словами. Это ненецкое *ta:j* «лоб, шкура со лба оленя» и соответствиями в энецком и нганасанском языках (привожу по памяти): энецкое *tajo* (ненецкое заимствование) и нганасанское *tuod'a*. Селькупское северосамодийское сравнение возможно только в том случае, если записанное у Алатало в этом слове *w* не является исконным и не восходит к *t*.

1041. В одном из слов этой статьи воспроизведено (под вопросом, полужирным) *ta:təŋəl* как архетип для селькупского в диалекте Кети *ta:dul*. На самом деле слово кеттского диалекта содержит тот же редкий, но

интересный суффикс, который можно найти в производных № 494 и № 1097. В двух последних случаях Алатало записывает этот суффикс как – *wəl*.

1042 и 1043 (вновь). Я дополнительно посмотрел тазовский материал. Здесь есть такая пара как *tattə-* «носить, приносить, возить, привозить» и *tattər-* «передвигаться, двигаться» – без различия гласных по долготе. Это существенное подтверждение того, что предложенное в словаре Алатало фонетическое разграничение основ «ходить» и «носить» не абсолютно.

1042 и 1043. Несмотря на то, что мы имеем дело с кратким *a* в глаголе «нести» и долгим *a* в глаголе «идти», связь между этими двумя основами представляется вероятной. Семантически здесь нет особых проблем («носить» и «идти» – это, фактически, залоговая пара, – сравни *передвигать* и *передвигаться*, *перемещать* и *перемещаться*, английское *to move* как переходный и как непереходный глагол). У Григоровского эти основы пишутся одинаково, – и «ходить», и «носить» передаются как *tat-итадыр-*, причём в некоторых случаях, особенно при употреблении в роли вспомогательного глагола в аналитических конструкциях, разграничить «ходить» и «носить» оказывается нелегко. Наряду с 1042 *tat-* и 1043 *ta:t-* есть ещё 1047 *ča:čə-* «ехать» и 1049 *tatač'ə-* «износиться». Непосредственную связь 1047 и 1043 подчёркивает последнее полужирное слово в 1047, где перед нами значение «идти», а не «ехать», и где приведена та же глагольная основа из тазовского диалекта по данным «Очерков по селькупскому языку», что и в 1043 (к сожалению, в «Очерках по селькупскому языку» эта основа записана неправильно, с *o*: вместо *oa*). Что касается соотношения консонантизма 1047 и 1043 *ča:čə-* и *ta:t-*, то здесь мы имеем ту же самую ситуацию, которая обсуждалась в связи с 1030. – Обращу особое внимание на показательную форму из диалекта ОО (Верхняя Обь) по Кастрену – *ta:žan*. Т.о., возможна исходная форма с согласными различного качества в первой и второй позиции, которая и служила основой для ассимиляции в двух различных направлениях. Ущё один убедительный факт параллелизма – это то, что и в статье 1047, и в статье 1049 мы находим явно идентичный, хотя и различающийся с точки зрения присутствия аффрикат дентальных согласных, глагол со значением «терять волосы». В 1047 это «Haare verlieren (Pelz, Fell, Tier)», в 1049 – «verlieren (Haare vom Pelz)». Все эти замечания (их количество можно расширить, привлекая другие данные, например, тазовские) указывают на вероятную историческую связь основ в статьях 1042, 1043, 1047, 1049 и, возможно, в каких-то других. Конечно, эта связь осложнена семантически: значения типа «идти, ехать» и типа «нести, везти, вести», плюс значение «износиться», которое во многих языках связано со значением «носить». Вместе с тем, она осложнена разнонаправленной ассимиляцией в словах, которые изначально содержали последовательность *t...č* или *č...t*.

1044 и 1045. Статьи можно объединить. Оба слова имеют значение «перекладина». Перевод «Ducht», т.е. «скамья для сидения в лодке» верен, но следует иметь в виду, что в селькупских лодках-челноках, обласках сиденьями служат поперечные перекладины. То же слово «перекладина» присутствует в контексте статьи 1045, □ перекладина служила некоторым препятствием, находясь поперёк моста. И у Янхунена в SW: 149 правильно даётся исходная семантика «Querholz, поперечная перекладина».

1050. Предложенные архетипы с гласным *a* не объясняют тазовских форм этой основы, где в первом слоге присутствует гласный *e*ʒ. Это диалектное соотношение требует специальной интерпретации. С высокой долей вероятности к этой же статье следует отнести формы, приведенные в статье 1538. Тымская форма записана там ошибочно с *č*' вместо *č* в начале слова, кроме того, в формах из 1538 мы имеем дело с метатезой из форм типа *čačäk* из 1050.

1051. Хотя переводов не дано, очевидно, что все формы из этой статьи могут быть перенесены в статью 1050.

1052 и 1041. Перед нами ещё один случай разнонаправленной ассимиляции в словах, которые первоначально содержали и согласный *t*, и согласный *č*. Отделять друг от друга слова «прямой, правильный» и «точный, равный» явно нет необходимости, тем более, что приведенные в обеих статьях тазовские параллели, по сути одно и то же слово. То, что в 1052 дано как *toatən* «вместе», на самом деле есть слово *toatəŋ* «целиком, полностью, совокупно». Если данное предположение правильно, то следует отказаться от мысли о том, что слово в статье 1041 – енисейское заимствование. Наоборот, тогда нужно считать енисейские формы заимствованными из селькупского. Не считаю бесперспективным сравнение 1051 и 1052 при предположении, что первоначально это было либо *tač*, либо *čat*, с финским *tosi*. Возникающие фонетические проблемы те же, что и в случае с глаголом «знать», обсуждавшемся ранее. Что касается индоевропейской этимологии финского *tosi*, то я к ней отношусь весьма скептически.

1053. Интерпретация затруднительна. Обращу внимание на ненецкое слово *таддэ*» «застрявший в зубах кусочек».

1056. В русском переводе должно быть не «напирать», а «набирать».

1057. Ещё один пример, относящийся к серии слов с разнонаправленной ассимиляцией *t – č* если принять, что селькупское слово является источником эвенкийского глагола, известного только илимпийскому диалекту эвенкийского языка *dewdžeki-* «камлать, шаманить» (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I: 228). Форма эвенкийского слова с согласными *d* и *dž* может отражать доассимиляционный облик селькупской основы. Последовательность *e...w* в эвенкийском, соответственно, может быть отражением селькупского дифтонга *ia* с метатезой его компонентов.

1062. Возможно, вычеркнутое слово тымского диалекта – это записанное с несколькими ошибками слово из № 1484.

1071. Приведенное слово из данных Сирелиуса совпадает со словом из его же данных в статье 940. Там оно, несомненно, правильно проинтерпретировано как субстантивированная форма глагола *tu:t-* «потерять оперение». Могу предположить, что случай 1071 – недоразумение, и речь идёт не о задней стороне лука из древесины берёзы, а об оперении стрелы. Это просто путаница форм у Сирелиуса.

1072. Вероятно, источником селькупского слова является русское слово *дудка*. Я не смог найти это слово в диалектном значении «ключица», но легко представить, что слово *дудка* используется для обозначения различных полых костей.

1082. В 5-м абзаце нет необходимости интерпретировать тазовскую форму, оканчивающуюся на *-l* (*te:ttəndel*) как сокращённую форму, оканчивающуюся на *-ləl'*. В тазовском диалекте сосуществуют и чётко разграничены как порядковые числительные с суффиксом *-mtäləl'*, так и порядковые наречия с суффиксом *-mtäl*. Слово из Доннера является порядковым наречием и означает «пятый раз».

1086. Можно предположить, что фонетическое чередование в словах, приведенных в этой статье (появление форм с гласным *ü:* наряду с формами с гласным *ö:*), вызвано контаминационным воздействием со стороны слов, приводимых в статье 1088.

1089. Слово известно и в тазовском диалекте – *tütə*.

1092. Скорее всего, к 1088. Можно представить, что если описываемая здесь маленькая речка характеризуется наличием на её берегах железной руды, то вода в такой речке должна иметь ржавый, желтоватый цвет или давать желтоватый осадок. Поэтому сама речка легко может быть обозначена как «дерьмовая речка».

1093. Слово в этой статье представляет собой каузатив к 958 *tü-* или *tü:-* «прийти». Глаголы «сватать, обручить, женить» по форме представляют собой каузатив к «прийти». Иначе говоря, значения «сватать, обручить, женить» вторичны по отношению к значению «заставить прийти, свести вместе».

1093b. Слово имеет самодийскую этимологию, которая рассматривается в SW: 158.

1095. Явно необходимы взаимные отсылки между этим словом и 1520. Статьи по содержанию очень близки, рассматриваемые формы отличаются тем, что в 1095 перед нами формы, в которых 2 раза выступает твёрдая аффриката *č*, а в 1520 дважды выступает мягкая аффриката *č'*. Параллелизм присутствует и в современном тазовском диалекте, где имеются параллельные формы на *č-* и *t-* □ *čyka* и *tyka* «птичка». В связи с этим вряд ли следует так однозначно, как это сделано в 1520, считать селькупское слово хантыйским заимствованием. Слова типа *čičək*, обозначающие «птичку», очень широко распространены во многих языках

Сибири. Кроме того, хантыйское слово вряд ли могло явиться источником 1095.

1098. Это слово должно быть отнесено к 1097, т.е. к глаголу «двигаться против течения». Принципиальной особенностью морды рыболовного запора, о которой идёт речь в 1098, является её расположение против течения, что, кстати, специально отмечено стрелкой на относящемся к статье рисунке. С этой конструктивной особенностью связана и номинация.

1100. Данные из второй части этой статьи, в особенности из тымского диалекта, напоминают ситуацию в нганасанском языке, где основы местоимений двойственного и множественного числа почему-то используются вместо основы местоимения единственного числа, если местоимение единственного числа сопровождается частицами, клитиками. Например, в нганасанском языке *tənə* «я», *miʃŋ* «мы» и при этом *miʃŋ'ianə* «только я», «я-то». **ято**. То же самое и для личного местоимения второго лица. Возможно, мы имеем дело с прасамодийской особенностью. Судя по всему, Алатало рассматривает тымскую форму *teiga* как образование от местоимения «ты». Думаю, что на самом деле *teiga* связано с местоименной основой в 949. В частности, во фразе *teiga qai žənd tadənda?* значение «ты» присутствует в 3-ем слове, а первое слово *teiga* означает, по-видимому, «сюда».

1101. Мне уже приходилось обсуждать с Алатало возможность того, что заглавное слово этой статьи – русское заимствование, отражающее русское «чад, угар».

1102. Слово, приведенное в статье 1985, напоминает результат контаминации, скрещения 1102 с 1984 «сколько».

1103. 4-тый абзац на стр. 164. И у Григоровского то же слово, буквально означающее «ладонью», переводится в словаре как «по щеке». Видимо, функция нанесения пощёчин является решающей для ладони.

1105. Полагаю, что стоящий в скобках *t* в архетипе этой статьи следует просто убрать. Формы тазовского и др. диалектов – это просто *tanəmtə-* и тому подобное, с одним *n*, т.е. без каких бы то ни было следов сочетания *nt*. Это формы со значением «учиться, привыкать». Формы со значением «учить, приучать», типа тазовского *tantaltə-*, являются стяжениями из форм типа *tanəmtaltə-*. Соответственно, мы имеем дело с общеселькупским **tanə-*. Самодийская реконструкция в SW: 147 нуждается в соответствующей коррекции, однако воспроизведение формы типа **tanə-* хорошо согласуется с сопоставимыми актами финно-угорских языков, сравни, например, венг. *tanul* «учиться», *tani/t*.

1106 и 1107. Эти статьи следует объединить. Глаголы «выходить из дома» и «подниматься» с точки зрения селькупского языка один и тот же глагол. Подобная семантика связана с тем, что преимущественным типом селькупских жилищ в прошлом были землянки, из которых выходили, поднимаясь на поверхность земли. Кстати, эта двойственность семантики

учтена в SW: 31, где привлечены селькупские слова с обоими значениями. Далее, я могу предположить, что с этими основами 1106 и 1107 (с точки зрения семантики), в первую очередь – 1106, связано слово, приведенное в статье 1253. Оно в заголовке этой статьи переведено как «шагать», что неточно, на самом деле речь идет о «выходить». При этом, например, тазовский глагол *tantə-* означает «выйти», а *tarə-* означает «выйти на время, выйти за чем-то». В связи с этим возникает ещё один момент. Дело в том, что слово 1253 «выйти, выйти на время» в действительности имеет, хотя это не отмечено в словаре Алатало и не отмечалось в литературе, самодийскую этимологию. В ненецком языке «выйти» □ *tápnǎ-*. Дальнейшее гипотетично, однако, я не стал бы исключать такой возможности и, более того, считаю её наиболее вероятной, □ что в действительности основой со значением «выйти» была очень короткая основа, самодийское **čə-*, производными от которой явились и **čəpnčə-*, и *čarə-*, и их селькупские соответствия.

1113. Возможно, к 1112, если учесть сходство по форме между мочкой уха и мордой рыболовного запора.

1115. Думаю, что здесь недоразумение, и слово должно содержать в первом слоге *a*, а не *o* и являться именем инструмента действия к глаголу в 1107. Т.е., стремя – то, с помощью чего поднимаются.

1115b. Весьма вероятно, – это записанное с фонетическим отклонением производное от слова 1498 «середина».

1134. Наверное, какое-то недоразумение. Мне трудно поверить, что в тазовском могло существовать слово со значением «поднять», полностью омонимичное глаголу со значением «не мочь». Скорее всего – неправильная интерпретация какого-то выражения типа «не может поднять».

1135 и 1138. Есть все основания объединить материалы этих статей.

1137. Отсылка к 1490 у Алатало вполне обоснованна. Видимо, перед нами интересный случай метатезы.

1146. Обращу внимание на уникальность селькупских архетипов *toj-*, *tojǎš* с *-j-*, который, вообще говоря, в таких позициях в собственно селькупских словах встречаться не должен, поскольку самодийский *j* дал в селькупском языке *č'*. Эта уникальная особенность находит вполне разумное объяснение. Дело в том, что прасамодийскую форму данного слова следует воспроизводить как **ton'* именно с *n'* в конце. На этот редкий согласный указывает уже соотношение лесной ненецкой формы с *-j* в ауслауте и тундровой ненецкой формы с *-''/-n* в той же позиции. Следует постулировать, что в то время, как прасамодийский *j* дал в селькупском языке *č'*, а прасамодийский *n'* в селькупском языке в середине слова сохранился, специфическое развитие имело место в позиции конца слова, где самодийский **n'* дал новый селькупский **j*. Уже после этого перехода от основы **toj-* из **ton'*- было образовано производное *tojǎš*, которое и обладает этой уникальной особенностью – *j* в середине слова. Маленькое

уточнение: *j* в селькупском языке давал *č'* в положении перед гласным, в положении перед согласным он, как правило, давал специфические рефлексии, образуя дифтонг с предшествующим гласным.

1152, 1153, 1304. Полагаю, что материалы всех 3-х статей должны быть объединены.

1154. Для меня не ясно, почему Алатало предполагает в названии «тайменя» северосамодийское заимствование в селькупском и как он в этом случае объясняет камасинское название данной рыбы. Думаю, что есть достаточно оснований реконструировать общесамодийское название тайменя, содержащее согласный *n'* в интервокальной позиции. В этой позиции, как уже упоминалось, *n'* в селькупском сохраняется. Сравн., например, статью 2072.

1156. Я уже подробно комментировал материал этой статьи, от которого, однако, следует отделить слово «товар», при обсуждении 935. На всякий случай (если пропустил это там) повторю ещё раз 2 положения: во-первых, общеселькупский архетип должен иметь вид *ta:k*, а не *ta:q*, во-вторых, это селькупское слово со значением «принадлежность, и всё прочее, и то, что относится к» имеет своим соответствием ненецкое слово *ta''(s)* «добавка, прибавка».

1158. Это та же основа, что и в № 1156, и с точки зрения семантики – глагольный аналог существительного «принадлежность и всё прочее». Судя по примерам из тымского диалекта, приведенные там выражения означают что-то вроде «ел и всё прочее» или «поел и сделал всё прочее», «поел и так далее». Интересная вещь с большими потенциальными грамматическими возможностями – это именное и глагольное основание со значением «и так далее».

1159. В 3-м абзаце присутствует слово из кетского диалекта, неожиданным образом имеющее *o* вместо *a* в первом слоге. Возможно, здесь имеет место какая-то контаминация со словами из 1184.

1171. Архетип глагола «собирать» следует воспроизводить как *tak-*, а не *taq-*, на что указывают тазовские формы, а также некоторые производные, о которых ещё пойдёт речь далее. Гемината *qq* характерна только для наиболее распространённого производного данной основы, – глагола *tauqqal-* «собирать», который включает суффикс мультиобъектной совершаемости *-qal-*. В остальных случаях мы можем исходить из основы *tak-* или *takk-*. Последнее, например, в тазовском глаголе *takkə-* «собирать», в существительном *takkərmə* «место собраний», в глаголе *takkoli-* «собратиться» и др. Кроме того, мы имеем относящееся сюда же (и нуждающееся в переносе в статью 1171), слово из 1164, которое не означает «бурундук», а встречается в загадке о бурундуке. По-видимому, это гапакс, продукт случайного образования со значением типа «собиратель». «Собиратель собрал хорошую еду, шишки». Как это правильно отмечено у Алатало, сюда же и 1166. Далее, основа 1171 *tak-* «собрать, собирать» могла контаминировать и в сознании носителей

селькупского языка, и даже в сознании исследователей с глагольной основой *taq-* «закопать, спрятать, схоронить», – основой, которая рассматривается в статье 1157. В частности, продуктом такой контаминации является, на мой взгляд, интерпретация, предложенная в SW: 146.

1176. Это усечённая форма основы из 1273 и (или) 1269, к которой добавлен уменьшительный суффикс *-ka*.

1181. Видимо, просто к 1425. Как это бывает, у Доннера записана твёрдая аффриката *č* вместо *č'*.

1182. Обращу внимание на то, что в тазовском диалекте имеет место семантическая близость или даже полный семантический параллелизм и контаминация образований от данной основы и образований от основы, приведенной в 1165.

1193. Хочу отметить, что мой комментарий, предложенный в издании словаря Мальцева под № 1628, несомненно, ошибочен. Слово вполне реально и означает оно «чесать», особенно – «чесать сено», а не «грести». Хотя есть, как известно, и омонимичный глагол со значением «грести веслом».

1196. Записанный с ошибкой № 2315.

1198. Приведенные здесь формы относятся к 1194 «сушить и т.д.». Это совершенно очевидно, например, для 2-го примера в 1-м абзаце, где речь идёт о судне, которое застряло на мели, буквально «присохло» там. И весьма вероятно – для остальных примеров в 1198.

1199. Тоже к 1194. Это слово известно и в тазовском и буквально означает «сухая кость».

1203 и 1204. Меня смущает, что эти 2 существительных «гусь» и «клин» выглядят в словаре как полные омонимы. В тазовском они чётко различаются: *tō:ka* «гусь», *tōku* «клин». Скорее всего, имело место совпадение в результате вторичных фонетических процессов или контаминаций в кетском диалекте. Менее вероятно и вряд ли может быть обосновано семантически, что слово «гусь» является производным от слова «клин» с суффиксом одушевлённых имён *-a*.

1206. Вероятно, это локативное прилагательное означает «находящийся в огне» или «побывавший в огне» и т.о. речь идёт о побывавшем в огне, закалённом мече героя.

1209. Я бы предложил считаться не только с приведенным Алатало архетипом, но и с архетипом *ti:ka*, с одиночным согласным *k*, как и в тазовском диалекте, где мы имеем *ti:ka* «тень». Сюда же, скорее всего, следует отнести и формы, приведенные в статье 1208. В материалах из 1208 речь идёт о религиозных представлениях селькупов, согласно которым божествам, сверхъестественным существам достаются не сами приносимые в жертву объекты, а их тени.

1210. Скорее всего, название таволожника содержит в качестве первого элемента существительное из № 1212 «хребет».

1213. Заглавное слово с точки зрения селькупской фонотактики выглядит необычно и явно является результатом ошибочной ориентации на форму в тымском диалекте. Тымская форма, приводимая в этой статье, – это, конечно же, сложение со вторым компонентом *i:ja* или *i:a* «сын, ребёнок». Этот компонент довольно часто выступает в качестве второй части в названиях различных птиц. Собственно названием снегиря является и в тымском нечто вроде *tagda:n*. На эту и близкие ей формы следует ориентироваться при реконструкции архетипа.

1217 и 1219. Думаю, что именная основа со значением «изгиб, дуга» и глагольная основа «распухнуть» связаны друг с другом.

1230. Спасибо Алатало за эти указания, мне они представляются весьма интересными. Название реки Таз в лесном ненецком и хантыйском, содержащее ауслатное *-m*, типа *tasəm*. Вспоминается целый комплекс гидронимов сходной фонетической структуры, представленных в Западной Сибири. О них писали, в частности, екатеринбургские исследователи Матвеев и, в последнее время, Татьяна Дмитриева. Особенно обращает на себя внимание сходство *tasəm* с *kasəm*, названием реки Казым. Скорее всего, как и предполагает Матвеев, перед нами не обско-угорские, не самодийские гидронимы, а какие-то древнейшего, доуральского типа, сохранившиеся только как обозначение наиболее крупных, важных географических объектов, – таких, как Казым и Таз.

1231 и 1235. Материалы статей должны быть объединены. Практически, «паршивый» и «плешивый» – одно и то же слово. «Паршивый», т.е. поражённый паршой, в результате чего выпала часть волос, и «плешивый», – человек с проплешинами (но не лысый).

1234. Напрашивается самодийская этимология для селькупского названия «жопы», которая, по-моему, в литературе не рассматривалась. Я предлагаю сопоставление, скажем, с нен. *тӓсиний* «нижний», эн. *tos'i* «вниз» и т.д. Соответственно, можно реконструировать прасамодийское **tasin*.

1244. Я готов допустить, что формы с начальным *č* вместо *t* в названии ящерицы представляют собой результаты ассимиляции, как предполагает Алатало. Однако, почему переход *t* в *č* в позиции перед *š* следующего следующего слога имеет место только здесь, а не, например, в номерах 1242 и 1246? Это вопрос, ответа на который я не знаю.

1247. Думаю, что есть больше чем достаточно оснований выделить материал последнего абзаца в отдельную статью. Связь с заглавным словом *tar* весьма проблематична. Кстати, ещё одной формой с элементом *-č'el* является форма у Григоровского *кунде* □ «как».

1249. Алатало реконструирует архетип *ta:r*, однако, в тазовском явно отражён архетип *tarə*.

1251b. Для этого слова ономастопозэтического характера характерна вариация качества гласного первого слога, частично она отражена в материале статьи, *aiu*, однако имеются, например, ещё и тазовские формы

с *eʃ*, как у Доннера, и с *iʃ* – в современном тазовском. Там, соответственно, *tirä* или *tiʃrä*.

1253. Только что заметил, что в глаголе 1253 *č*- в анлауте, а в васюганской и нарымской формах первый согласный *t*-, а второй *č*-. Думаю, что, тем не менее, названная мной этимология верна и может быть, пример опять-таки следует рассматривать в контексте проблематики ассимиляционно-диссимиляционного взаимодействия между *t* и *č*. В любом случае, ничто не мешает считать, что тазовский глагол *tartə*- «принести воду» восходит к более ранней форме *tarčə*-, которая тождественна формам на Васюгане и в Нарыме.

1258 и 1259. Два производных от одной и той же основы, которые могут быть сведены в одну статью.

1260 и 1261. Просто одно и то же слово с некоторым диалектным различием в семантике. Разумеется, одна и та же статья. Скорее всего, к этой же статье должно быть отнесено и название маленького горностаея в статье 1262. Возможно, перевод этого выражения «драчливый горностаея».

1265. Русское слово – источник должно писаться с *a* в первом слоге – *таракан*. Хотя в русских диалектах известна и форма *торакан*, однако, селькупское слово восходит к форме того же вида, что и в литературном языке.

1266 и 1267. Эти статьи могут быть объединены. По крайней мере, первый пример из 1267 можно интерпретировать как «он оперся на железный прут, а прут сломался». Хочу обратить внимание на то, что в селькупском языке представлены несколько глаголов со значениями типа «опираться, подпираться, совершать какие-то действия с упором и которые содержат в начале последовательность согласных *trq*. Один из таких глаголов мы находим в 1294. Кроме того, у Григоровского имеются, с приблизительно сходным значением, образования от основы *чорг*- или *чург*-. Наконец, сюда же, тазовский глагол *tiʃrqaltə*- «пятиться». С другой стороны, я бы поостерегся включать в 1267, как это сделано у Алатало, сравнение с тазовско-селькупским глаголом «стараться». Дело в том, что практически полностью идентичный по облику глагол известен эвенкийскому языку. Цитирую по «Сравнительному словарю тунгусо-манчжурских языков» (II: 200) эвенкийское *торкулди*-, *туркулди*- и др. (есть ещё несколько вариантов) «бороться». Причём, эвенкийский глагол зафиксирован Кастреном и в нерчинском диалекте, что делает предположение о заимствовании из селькупского языка маловероятным. Впрочем, я готов допустить, учитывая, в частности, многовариантность селькупских форм, что в данном случае мы имеем реальную параллель из сферы экспрессивной ономатопоэтической лексики.

1269. В SW: 31 изложена самодийская этимология данного слова.

1271 и 1272. Вне сомнения, статьи должны быть объединены. Существование значений «оболочка, сосуд, вместилище», с одной стороны и «форма», с другой стороны – типичный случай полисемии.

Интересно обстоит дело с возможными дальнейшими связями селькупского слова, которые могут быть однако и случайным совпадением. Дело в том, что в тазовском мы имеем это слово в форме *torka* «посуда, сосуд, бутылка» и наряду с этим в эвенкийском языке (опять в нерчинском диалекте и у Кастрена) имеем *торука* «посуда». Причём «Сравнительный тунгусо-маньчжурский словарь» (II: 200) указывает, что эвенкийское слово является монголизмом, ср. монг. *torɣ* «кадка, бочка», бур. *torɣo* «кадка, бочка, ведро из бересты». Невероятно похоже на тазовскую селькупскую форму, но, как явствует из селькупских материалов словаря Алатало, тазовско-селькупское *t-* в данном случае восходит к *č-*. У нас нет никаких оснований предполагать, что в монгольских заимствованиях *t* могло отражаться как *č* ни, тем более, допускать, что поздняя тазовско-селькупская форма была заимствована сначала соседями-эвенками, а затем достигла Бурятии и Монголии. Остаётся только вариант случайного совпадения или, может быть, найдётся какое-то разумное решение.

1288. Вероятно, это, единично засвидетельствованное, слово присутствует и в 595b, хотя там нет никаких объяснений и ссылок. Однако, второе слово из примера в статье 595b и слово из 1288 – это, видимо, одно и то же. Или, может быть, одно производно от другого.

1295. Почему у Алатало предполагается, что глагольная основа *ti:rə-* восходит к **ti:rərə-*, осталось мне непонятным. Эту деривацию следует объяснить или дополнительно обдумать.

1296. Разумеется, если самодийская этимология верна, что очень вероятно, то гласный в тымском должен быть *iʒ*, а не переднерядный *i*.

1297 и 1298. Эти статьи следует объединить. Судя по имеющимся в моём распоряжении тазовско-селькупским материалам, речь идёт о двух разных использованиях одного и того же технического термина «дополнительная планка». А именно, мы имеем в Таз. *tir* «надставной борт, жердь для крепления двери чума».

1300. А может быть, пример можно перевести как «наполните свои животы», тогда к статье 1295?

1301. В этой статье Алатало объединил 2 слова с близкими значениями «крошни, коромысло», но с совершенно различными этимологиями. Слова, указанные в 1-м и последних нескольких примерах статьи – это образования от основы № 962 *ti:* «сажень» и соответствующего глагола, известного, в частности, как тазовское *ti:r-* «измерять саженью, разводит руки широко в стороны». Семантическая мотивация вполне очевидна: положение рук человека, который отмеряет лес саженью, и который несёт коромысло на плечах, абсолютно одинаково, это разведённые в стороны руки. Возможно, и сам глагол *ti:r-* имеет именно такое значение – «разводить руки в стороны» или «держат что-либо на плечах при широко разведенных руках». А вот в середине статьи находятся формы из васюганского и нарымского диалектов с другим

гласным. Эти формы образованы от глагола, который в тазовском известен мне в виде *tartə-* «принести воду, сходяв на берег». Мотивация в отношении коромысла вполне понятна, а сам глагол представляет собой производное от уже обсуждавшейся глагольной основы 1253 «выйти на время». *Tarə-* «выйти на время» и *tartə-* «выйти за водой, принести воду».

1304. Я уже отмечал, что это слово следует объединить со статьями 1152 и 1153.

1309. Данное слово присутствует в Таз. также в форме *tollo*, причём гласный *o* во втором слоге есть основания считать исходным.

1317. Длинная глагольная форма, которая служит заголовком этой статьи, состоит из двух основ и имеет значение «стал медного цвета». Первая часть – это адвербиальная форма существительного «медь» в 1316, вторая форма – это глагол, который, насколько я знаю, в словаре Алатало в данном значении отдельно не зафиксирован. Он однако, очень хорошо известен в тазовском диалекте – *tarə-* «приобрести определённый цвет», например, *siŋrak tarə-* «стать бледным, как снег». Похоже, что этот глагол «приобрести определённый цвет, стать определённого цвета», является ничем иным, как семантической девиацией уже неоднократно упоминавшегося глагола «выйти» из 1253. Наконец чрезвычайный этимологический интерес представляет собой

1323. Я согласен с тем, что здесь производное, однако, это производное не от 943, на который ссылается Алатало, а от 958, т.е. от *tü-* «прийти». Отношение между 1323 и 958 в точности то же, что и между 1322 и 966. Сначала я хотел бы дополнить статью 1323 тазовскими данными. В тазовском заглавный глагол статьи 1323 выглядит не как *tülčə-*, а содержит гласный *-u-* и имеет вид *tultə-* «принести, доставить». С ним, несомненно, связан другой глагол, характерный для тазовского, и, насколько я могу судить, не представленный в словаре Алатало, – *tulaš-* «достичь, добраться». Т.о., эти оба глагола связаны с основой *tü-* «прийти». Объяснение суффиксальной части может быть дано только на уровне уральской, даже – досамодийской этимологии. Для этого объяснения я апеллирую к тому же, окончательно установленному в работах Янхунена, обстоятельству, что уральский *l* в самодийских языках сохранялся в интервокальном положении, но утрачивался в положении конца слова, в том числе – и вторичного конца слова, переходя в самодийский *j*, и затем, в отдельных языках, в том числе – и в селькупском, сливаясь в дифтонг с предшествующим гласным. Именно такой вариант развития мы имеем в селькупском *tü-* «прийти», поскольку уральская праформа этого слова – **tul-* (я предпочитаю реконструировать именно так, хотя и принятая в традиционной уралистике реконструкция **tule-* сути дела не меняет). В этом случае закономерно имели место развитие *lj* и дифтонгизация этого *j*. Иначе обстояло дело в производных от уральской основы *tul-*, в которых *l* находился не в конечном, а в интервокальном положении, перед таким согласным, перед которым он не утрачивался. Именно к таким

производным (более точную реконструкцию этих производных я бы сейчас предлагать не стал) и восходят формы 1323 *tülčə-*, таз. *tultə-*, *tuləš-*. – Пример такого рода не единичен, на разное развитие слов с *-l* в конечной позиции и их производных с *-l-* в интервокальной позиции есть ещё 2-3 таких примера. Из них мне вспоминается только камасинское название соболя *šili*, при том, что, например, в селькупском языке «соболя» – *si:*. И в данном случае мы тоже имеем дело с двумя фонетически расходящимися прасамодийскими словами одного происхождения. С одной стороны – **kij* «соболя», с другой – **kilV* «соболя». – Ещё один пример: аналогичная ситуация с этимологической точки зрения и в паре 966 и 1322.

1327. Несколько замечаний. Во-первых, здесь мы имеем местоименную основу, преимущественно анафорического употребления, в отличие от преимущественно дейктических местоименных основ с начальным согласным *t*. Это относится также и к 1336 и 1339. Хочу сразу оговориться, что нет никаких оснований отделять кеттские примеры в 1336 от материала статьи 1339. *E* на месте *i* или *iʃ* в положении перед двумя согласными появляется и в кеттских словах, приводимых под номером 1339. Сравн., например, формы на границе 1-го и 2-го столбцов стр. 195. Формы с долгим *a*, записанные для местоимения *na*, явно носят вторичный характер, это удлинение в конце слова в абсолютной позиции. Я бы не стал записывать с долготой основу *ša:*, выступающую в нескольких сложениях. Вне зависимости от исходной этимологии данной основы, похоже, что в рассматриваемых сложениях гласный краток уже на общеселькупском уровне. Хочу сказать несколько слов по поводу одного из полужирных слов, – то, что записано в виде *nač'č'ätə*. В Таз. это *näččä:tə*, причём *ä* в первом слоге носит, конечно, ассимиляционный характер, а вот долгота *ä* во втором слоге в Таз. представляется (м)не показательной. Мы имеем несколько местоименных сложений такого типа в Таз. Также *kuččä:tə* «куда» и *toččəaty* «туда». Здесь могут возникать разные версии, но я бы предложил подумать о том, что эти формы представляют собой сложение соотв. местоимений, т.е. *na*, *ku*, *to* с послелогом *č'a:tə* «для, ради, в сторону и т.д.». Возможность развития долгого *a* не только в направлении *oa*, но и в направлении *ä:* в Таз. подтверждается и несколькими другими случаями, из которых наиболее ярким примером является слово «небыть, отсутствовать» в статье 1563. Если моё предположение о том, что *nač'č'ä:tə* является действительно сложением с послелогом *č'a:tə*, то можно сделать и дальнейшее допущение, а именно, что не отмеченная в статье 1327, но известная в Таз. форма, восходящая к *nač'č'* «туда», является сокращением из *nač'č'ä:tə* и послужила основой для форм *nač'č'än* «там» и т.д.

1328. В реальности междометия *na:* я сомневаюсь. В первом абзаце мы имеем, с одной стороны, тымское *na:* «смотри», что может быть и русским заимствованием: сравн. в русском «на тебе», «вот тебе на». Форма из Кет. – это вообще *na* как частица, используемая в сочетании с глаголом в латентиве. Это мы и имеем в соотв. примере, сама частица может быть отождествлена с *na* из 1327. Соответственно, отпадают какие бы то ни было основания для разложения слова *na:ti* «впредь, отныне, далее» на 2 компонента.

1330. Вероятно, русское заимствование.

1332. Связь с № 7 несомненна, это интересный случай. Мы имеем в SW ещё несколько примеров такого же рода. Сосуществование, обычно – в разных самодийских языках, форм с начальным *ni* «без него» в коротких основах с исходным вокалическим анлаутом.

1333. Возможно, приводимый пример должен интерпретироваться не как глагольный, а как именной, что-то типа «моё небо с ними», «моя крыша над головой, или моё жизненное пространство с ними».

1334. Видимо, опечатка. В последнем полужирном слове гласный первого слога должен быть, по-видимому, обозначен как краткий.

1335. 3-й абзац второго столбца стр. 193. Приводимая здесь кетская форма напоминает слово *n'ekut'a* «ребёнок» в лесном диалекте энецкого языка. Но это, наверно, случайность. Скорее сельк. слово из этого абзаца представляет собой сложение основы *ne* «женщина» с диминутивным суффиксом, за которым следует слово *iččä* «маленький».

1335. 4-й абзац того же столбца. На уровне общеселькупского архетипа, несомненно, не *nel'n'a:*, а *nen'n'a:*. Впрочем, допускаю и *e:* вместо *a:* в конце.

1335. 5-й абзац. Что означает странное сокращение KRez., которого я нигде не нашёл?

1335. 6-й абзац. Непонятно, что имеет ввиду Алатало за записью *one:*, восходящем к, по-видимому, гибридизации 2-х источников. Мне думается, что формы, приведенные в этой статье, могут посоперничать в архаичности с их предполагаемыми источниками *nel'ä*, *ne-ä*.

1335. Как трактует Алатало форму верхнеобского диалекта *nie*? В начале статьи, по-видимому, как непосредственное отражение архетипа *ne* «женщина», во втором случае, однако, – в связи с архетипом *ne:* «дочь».

1335. Название волка содержит (в частности, в Таз.) не твёрдый, а смягчённый *n* в качестве согласного перед последним гласным. Отнесение сюда названия волка из 1466 ошибочно. В качестве 2-го компонента название волка содержит не слово «женщина», а слово «товарищ, персоне» № 1624. И буквально означает «длинная персоне», «the long one», – сложение из 1464 и 1624.

1335. Не хотелось бы сейчас ввязываться в долгие и сложные комментарии, но, видимо, при решении возникающих здесь этимологических проблем не надо пренебрегать ещё одной, пусть весьма гипотетичной, возможностью связи с самодийскими формами, приводимыми в этом абзаце (о дочери), со значением «ребёнок» – частности, «дочь», но также (чаще) сын, которые имеют в отдельных самодийских языках очень сходный фонетический облик. Наверно, контаминации не исключены. Самодийское слово «ребёнок» отражено в селькупском названии ребёнка, сына *i:*. С учётом пар типа 7 – 1332 и для этого слова можно допустить наличие других рефлексов с начальным *n* вместо **нуля гласного**.

1338. Это просто частное употребление глагола «открыть» из 1337. Поставить петлю, поставить силок – это ничто иное, как открыть для прохода отлавливаемого животного отверстие, глазок силка.

1340. Вся статья вызывает сомнения. Материал в 1-м и 2-м абзацах неоднороден. В первом случае мы имеем дело с падежным окончанием тазовского диалекта, которое

действительно, судя по некоторым признакам, восходит к послелогу, однако, здесь возможны альтернативные объяснения, вплоть до гипотез, на которые я намекал в своей монографии 1982 «Древнейшие венгерско-самодийские параллели», намекал на возможность сопоставления этого селькупского окончания с венгерским дативом на – *nek*. Что касается форм во 2-м абзаце, то я не стал бы отделять их от послеложной основы *i:-* «на» в статье 10. Возможно, это снова то же самое явление сосуществования вариантов с начальным *n*, без него – у коротких основ с анлаутным гласным. Вспоминается и другое обстоятельство. В самом начале полевой работы с селькупским языком, основываясь только на моих аудиторских впечатлениях, я был уверен, что послелог «на» в Таз. может иметь вид *ni:qən* (а не только *i:qən*). Действительно, конструкции из имени и послелога с начальным гласным произносятся таким образом, что трудно определить, принадлежит ли *n* к первому, или ко второму элементу таких сочетаний. Очень может быть, что и весь в целом феномен сосуществования форм с начальным *n* и без него у коротких основ с вокалическим инлаутом связан с этим феноменом, о котором я рассказал применительно к Таз.

1341. Я не готов предложить этимологию названия *Napas*, но хочу обратить внимание на сходство конечного компонента этого слова с № 624 и 1932, а оба этих слова имеют енисейское происхождение. Думаю, что енисейская версия происхождения названия *paras* хорошо связывается с исповедуемой мною концепцией селькупского этногенеза, согласно которой, по кр. Мере территории по Тыму и Кети были енисейскоязычными до того, как тамошние енисейцы были ассимилированы пришедшими по Оби, из регионов, расположенных выше по Оби и, возможно, по Чулыму, селькупам.

1344. Следует сравнивать с 1639, это тоже название бабушки *n'ima*, тоже представляющее собой **лальборт**.

1351. При первом абзаце этой статьи предположение о том, что *nat-* восходит к более раннему **natət-*, представляется мне излишним. Нет препятствий к непосредственному отождествлению селькупского слова с общесамодийской основой *nət-*. То же касается и этого лишнего элемента вида *ət* или *tə* в ряде других полужирных слов этой статьи. Не нужен ? перед словом *natqalgu* из Кет. Несомненно, слово напрямую относится сюда. – Со статьёй 1351 должен быть объединён материал статьи 1353, где те же самые слова, записанные в примерах из Тым., по какой-то причине, и то – не всегда – с долгим *t*, но в ряде случаев – и с кратким *t*, как и следует ожидать, исходя из архетипа статьи 1351. Значение и употребление слов в 1351 полностью входит в круг значений, охватываемых статьёй 1351.

1352. Формы из 2-го абзаца не представляют собой образование от постулируемого Алатало глагола *na:təm* «быть необходимым», а являются заимствованными из русского «надобно» с характерной и для русских диалектов заменой *bn* на *mn*. Это подтверждает и сам перевод. Если бы в селькупском и существовал глагол *na:təm*, то он, по законам деривации, должен был иметь значение «стать необходимым», а не «быть необходимым».

1353. Я говорил, что этот материал может быть объединен с 1351, это дополнительно подчёркивается последним примером в последнем абзаце статьи, где в обеих частях приведенного сложносочиненного предложения выступают

однокоренные глаголы. Семантика обеих частей очень близка, а имнно – «он тёр этот берёзовый пень» и растёр берёзовый пень».

1354. Все данные указывают на то, что селькупские формы отражают единый заимствованный архетип «натружка», а не «натруска». Форма «натружка» знакома и русским диалектам в том же значении «пороховница», зафиксирована эта форма и в Таз.

1356 и 1357. Словосочетания, представленные в этих статьях, буквально означают «нос стерляди» и относятся к 1355. Своеобразная заострённая форма стерляжьего носа обусловила развитие этих переносных значений. В 1356 у Доннера зафиксирован перевод «волна с остроконечной головой, как бы со стерляжьим носом», в 1357 речь идёт о коликах и сообщается интересная этнографическая информация. Это значение известно и Таз.: как «стерляжий нос» *po:təp u:kə* обозначается место под ложечкой и острая боль, которую испытывают в этом месте, боль типа коликов.

1360. Вероятно, к 1362 и речь идёт об использовании твёрдой древесины, **крени**, не только для изготовления полозьев нарты, но и для изготовления изогнутой внутренней основы древка лука. Впрочем, фонетика вызывает определённые проблемы, но эти проблемы решаются, если учесть крайнюю неуверенность Сирелиуса в передаче качества гласных. И в 1362 он вместо *i*: пишет даже не *ä*: и не *a*:, и не *ä*, а *o*.

1363. В SW стоит здесь архетип *ni:ču; u*, по-видимому, перенесено по аналогии с другим названием пульса из 767. Вообще же формы, которые представлены в 1363, отражают, скорее, *ni:čV* и, видимо, могут быть соотнесены с 1367, где представлены различные анатомические значения типа «грива», «косточка ноги», и т.д. Возможно, 1363 – это некоторый фонетико-семантический гибрид из 767 и 1367, случай контаминации.

1366. К 1335 «девочка». В различных традициях хорошо известно обозначение «зрачка» как мальчика, но чем девочка хуже?

1368. Это название подола следует отнести к слову «живот». В Таз., в частности, «подол» обозначается как *qutənnəantə*, букв. «живот фартука». Различия по долготе гласного, скорее всего, фиктивное, – на самом деле формы с кратким *a* в записи встречаются и в № 1369. Гласный должен быть долгим. Кроме того, к 1369 должен быть также отнесен материал статьи 1420. Это – название одного из ремней оленьей упряжи, оно мне известно в Таз., встречается в форме *noal* + «верёвка», однако, зафиксировано и в более полной исходной форме *noantəl'* + «верёвка». Буквальное значение «брюшной ремень». Речь идёт об очень широком ремне упряжи, который охватывает поясом спину и брюхо оленя.

1369 Я не думаю, что сюда правильно отнесено слово «играть на скрипке» и «скрипка» (конец статьи). Кстати, из 6-ти фиксаций форм, в 4-х гласный обозначен как краткий. Думаю, что он действительно краткий и что речь идёт о глаголе, который известен в Таз. в более общем значении «тереть, натирать» и имеет вид *nantət*. Имеется ли связь между *nantət* и семантически близким № 1351 *nat*-, – не уверен.

1373. Перед нами опять **лальборт**, описательное или шуточное название медведя. Если учесть уже неоднократно упоминавшееся явление чередования *n0* перед исходным вокалическим анлаутом в таких основах, то, возможно, есть связь со словом *i*: «ребёнок» и с именем фольклорного героя Ичи, № 169. Хотя здесь возникают другие

вопросы, к которым я вернусь при рассмотрении № 169. В такой интерпретации я не очень уверен, но в принципе обозначение медведя как ребёнка достаточно естественно.

1375. Интерпретация Алатало, несомненно, верна, ? не нужен. «Маленькое дерево» как «женское дерево, женская особь».

1378. В Таз. название «маленькой щучки» *neʃka*. Соответственно, также должна выглядеть и общеселькупская реконструкция архетипа и к ней – известное правило, то же, что в слове «собака», перехода *eʃ* в *a* перед последующим слогом с *a*. В связи с этим возникает и более общий вопрос, – в принципе, все корневые слова, которые содержат последовательность 2 первых слогов, в каждый из которых входит гласный, в системе Алатало должны бы правильно записываться как слова с *a* в первом слоге и *a* – во втором слоге. *A* означает *a* или *eʃ*. – Во втором абзаце «бурундук», которое я уже комментировал в связи со словами на букву М и со второй частью этого названия. Первая часть, думаю, имеет отношение к основе *neʃkar* «пёстрый». Возможно, и «маленькая щучка» тоже сюда относится – потому, что у нее пестрая окраска. В обоих абзацах этой статьи мы имеем дело с архетипом *neʃka*, во втором случае он означает «пестрый», в первом – «маленькая щучка»; возможно, они связаны между собой.

1380. Данные, приведенные в статье, делают возможной и, кроме того, гораздо более вероятной, с учётом типичных для селк. языка словообразовательных моделей, реконструкцию архетипа основы *na:qət-*, т.е. реконструкцию архетипа с *t*, а не с *l* в конце.

1383. Тоже фонетическая поправка к архетипу – в Таз. это *no:q*. Таким же образом может реконструироваться и общеселькупский архетип.

1386. Предложенное у Алатало сопоставление с 1382 вряд ли справедливо. У Григоровского соотв. глагол зафиксирован как *нуго□льджи-* «подпереть», т.е. подтверждается гласный *u*, а не *o*, как в 1382. Более того, можно было бы думать об исходности *u*:

1387. **neʃka-*. Как уже упоминалось, производным от этой основы является также *neʃka* в 1378.

1396. С тем же фонетическим отличием от русского прототипа засвидетельствовано это наречие и у Григоровского как *насул*.

1397. Вероятно, это название ножниц *no:ssa* отражает с искажением русское «ножница».

1398. Сравнение с 1394 у Алатало заслуживает внимания. Это обозначение идола, а также колотушки, может восходить к *ni ʒasa* (n). Интересно, имеет ли к этому какое-то отношение употребляющееся на Верхнем Тазу название песка *ni:sa*. По семантике оно тождественно обозначению песка как «божьей лисы» в среднетазовском диалекте: *ni:lloqa*, а по форме вполне отвечает названию идола в кетском диалекте.

1400, 1411 и 1412. Как и в ряде других случаев, о которых я уже говорил, не вижу необходимости в реконструкции 3-сложной структуры с предположением об утраченном втором слоге с гласным *a*. Это касается 1400 и 1411. Но если уж Алатало склоняется к такому предположению, то почему он не делает того же в 1412, почему не *niʃraʃa* ?

1406. Очень ценное дополнение Алатало, обнаружившего, что название барсука, явно близкое его маторскому названию, присутствует и в селькупском языке. С учётом

этого, несмотря на определённые, более отдалённые, в том числе и фонетически ареальные параллели, склоняюсь к версии, что название барсука является общесамодийским, что, разумеется, может служить дальнейшим аргументом в пользу таёжно-лесной локализации самодийской прародины.

1413. Не очень понятное по своей концовке обозначение «кровяных жил» связано, возможно, началом основы, с тазовско-селькупским словом *per* «ряд».

1414. Возможно, то же самое слово, что и 1711. Или, если и в том и в другом случае, запись фонетически надёжна, т.е. в одном – *n*, в другом – *n'*, то – близкая ономатопоэтическая параллель.

1415. Это слово должно быть отнесено к 1337, «отгадать» к «открыть». Видимо, значение «вспомнить», если фиксация правильна, является вторичным и развилось как расширение исходного значения «отгадать».

1417. В Таз. в этой основе присутствует чередование: *i* в первой и *i:* во второй основе.

1424-1622 Я хотел бы сделать одно очень общее замечание по поводу интерпретации уже названной группы слов с междиалектным соответствием *č~k* у Алатало. Дело в том, что все или почти все эти слова он даёт в виде архетипов с начальным *č'* (№ 1435 и многие др.), т.е. реконструкция архетипа позволяет, по-видимому, считать, что предполагается развитие уже на селькупской почве из *č* в *k*. В предположение о том, что уже селькупский *č'* в положении перед определёнными гласными давал *k*, верится с трудом. Гораздо более естественно было бы думать о том, что ещё на дообщеселькупском уровне, но на уровне, когда уже закладывались основы современных селькупских диалектов, произошло развитие **j* в *w** в положении перед *i* и т.д. *J** – это источник селькупского *č'*, а *w** – источник селькупского *k*. Соответственно, следовало бы и переорганизовать соотв. реконструкции и праформы. **Может быть, это иногда делается, считая этот *č'k* особым согласным.**

1426. Надо сравнивать не с 1425, а с 1427. В примерах из Тым. речь идёт о котлах, котле для растапливания снега.

1427. Интересное слово, поскольку оно – это ещё одно слово из группы слов, в которых имеет место междиалектное соответствие начального *k* и начального *č'*. Соответствие, которое обычно отражает прасамодийскую последовательность **j* плюс передний лабиализованный гласный. Принадлежность основы 1427 к этой группе засвидетельствована у Григоровского. У него «растаять» *ky□gu*. Тожественны номера 1427 «таять, оттаять» и 1429 «согреться». Обращу внимание на почти аналогичный семантический дуализм у русского «растопить» – «растопить лёд» и «растопить печку», нагреть ~ позволить растаять. В селькупском, соотв., «нагреться» ~ «растаять».

1431. Я не понял, почему Алатало считает необходимым воспроизводить архетип с гласным *iʔ*, а не просто с гласным *i*.

1432. Интересная основа, где сосуществование форм с *eʔ* и *iʔ:č*, а именно – с одной стороны – *č'eʔč'ol-*, с другой стороны – *č'iʔ:qal-*, очень хорошо объясняется на основе выявленного мною закона развития долгот в селькупском языке. С другой стороны, несмотря на то, что здесь имеется такая корреляция, я не готов однозначно согласиться с тем, что в архетипе данной статьи следует видеть гласный *eʔ*, а не *e*, на что, как будто бы, указывают формы в этой статье. Для сравнения укажу на 1553

«оленья важенка», где развитие гласного еУ в примерно аналогичной позиции по селькупским диалектам совершенно иное.

1434. Помимо ненецкого соответствия, у селькупского слова имеются дальнейшие этимологические связи на уральском уровне. Кажется, о них уже писалось у Айкео, но, может быть, у меня – даже и раньше. Эти соответствия – финское *lyötää*, венгерское *lőö* и т.д.

1437. Думаю, что имеет место отдалённая этимологическая связь с 1478. Напротив, предположение о связи с 1438 не обязательно.

1439. Я, давая комментарии на Q, говорил о 2-й части этого сложения. Первая же часть названия сурка, или крота, – это адъективная форма № 1436 «лист».

1446. Несколько богаче представлена эта прасамодийская основа в Таз.

1453. Поддерживаю сравнение с 997. Думаю, 977 может быть даже обособившимся фонетическим вариантом или неточными фиксациями номера 1453.

1454 __ 1781

1454. Переведено как наречие «почти». На самом деле, это слово (оно встречается и в других статьях словаря в вариантах *č'e*, *č'eУ*, *č'a*, т.е. без конечного согласного) функционирует как противительный союз со значением «но, однако». Особенность этого союза в том, что он ставится не в начале противительной части, а где-то перед глаголом первой части сложного предложения.

1455. Это этимологическое предположение надо бы проверить. Моё предположение состоит в том, что селькупское *č'eУрэг* «муж младшей сестры» – заимствование из русского «деверь» с той же фонетической субституцией вначале, что и в 1456. Но значение слова *деверь* – «брат мужа» (Даль).

1461. Реконструкция архетипа в виде *č'umi-*, как у Алатало, сомнительна. Возможно, ключ к правильной реконструкции архетипа даёт запись этой основы у Григоровского: *č'ум-*.

1464. Хочу обратить внимание на исключительно интересное колебание *й* и *и*: в производных от этой основы. Думаю, что это слово может дать ключ к решению неясного для меня вопроса о распределении рефлексов самодийского **a* или **ȧ*. Разумеется, это только 1 из нескольких ключей к этому вопросу.

1466. Уже комментировалось.

1467. Все предшествующие авторы единодушно отождествляли этот вариант самоназвания селькупов с тем вариантом, который приводится в 1527. Дело обстоит не так просто по фонетическим причинам, из словаря Алатало это видно. Однако, нет и перекрёстных отсылок между 1467 и 1527, а жаль.

1470. Первый из 2 вариантов заглавного слова статьи должен записываться без гласного *ə* в конце, – *č'eУm*.

1475. Слово для обозначения ранней весны. Мне пришла в голову этимология, которую ещё надо проверить. Сравнение с ненецким *edəj* «новый».

1476. Здесь смешаны 3 разных формы. Одна из них – форма верхнеобского диалекта, это, скорее всего, 1554, ошибочно записанный с *n* вместо *÷* в конце. Второе – совершенно другое слово, с другими связями, – нарымская форма у Кастрена. И, наконец, 3-ье – это северноселькупское *catkysä*.

1477. Обращу внимание на ещё 1 послелог с близкой семантикой и сходной в 1-м слоге основой. Это 1532 *č'a:ə*. Возможно, оба послелога образованы от одной общей основы *č'a:*.

1478. Не вникая в детали, хочу отметить возможность сопоставления селькупского глагола «зажечь» в 1478 с ненецкими формами, например, с *ядё* «жар, тепло».

1480. Алатало приводит для заглавного слова 3 возможности отождествления. Из них верна **последняя с № 1481**. По-видимому, неточный, как часто бывает в этнографических темах, перевод у Доннера, «тянуть сеть» вместо «выбрасывать сеть из лодки, раскладывать невод из лодки». Тем более, не очень понятно, что может означать (перевожу с немецкого на русский) такой перевод: «тянуть сеть вокруг лодки».

1481. Столь же коротко, в связи с селькупским глаголом «лечь» *č'ačə-*, укажу на возможность исследования вопроса о сопоставимости с ненецким *я́домда-* «наложить поверх» и родственными ему словами.

1481. Это слово «лежать» известно в виде *čatəmpə-* и в Таз. Здесь, кстати, хорошо отражена типичная семантика дуративных глаголов. По сути дела они (хотя вслед за Прокофьевым я называл их дуративными) стивные глаголы и обозначают они состояние, возникающее как результат действия. Это наиболее типичная семантика дуративных глаголов – обозначение состояния, возникающего как результат действия по производящему глаголу.

1484 в соотношении с 1481. Видимо, эти глаголы связаны. Семантика «бросать» и «выкладывать» сходна. Что же касается фонетики – в 1484 мы имеем геминату *čč*, в 1481 – одинарный *č*. Но это тоже вещь не абсолютная, поскольку мы и среди слов, относящихся к 1484, находим, например, у Григ., *тя́жел-*, что отражает одиночный согласный *č*, а не аффрикату *čč*.

1486. Потенциально ещё одно ключевое слово для решения проблемы множественной рефлексии прасамодийского **a* или **ä* в селькупском языке, в зависимости от вокализма 2-го слога. Поскольку и в 1486 мы имеем 2 варианта рефлексии *o:* и *uə* при разных вокалических огласовках 2-го слога.

1488. Скорее всего, это 1457 с ошибочно записанным *t'* вместо *p'*.

1490. Этот послелог имеет самодийскую и даже уральскую этимологию, которая рассматривалась мною неск. лет назад в статье в журнале «FUM», где шла речь о соответствии между финским *läs-* и самодийским **jet*.

1492 и 1493. Вероятно, Алатало просто не обратил внимания на то, что фонетическая последовательность *č~a* в Тым. фонетически часто реализуется в виде *t'ε*. Если учесть это обстоятельство, то 1492 это о же самое, что 1484, – «бросить» и «потерять» это близкие значения, причём такой дуализм есть и у Григ., а 1493 – это то же самое, что 1474.

1492. Отмечу ещё у Григоровского *ча́дчигу* «проиграть». Слово «бросить» см. № 1484 записывается у Григоровского весьма сходным образом.

1499. Возможно, при том, что самодийская этимология **в** сопоставлении с нганасанским верна, тем не менее, слово является также производным от 1498, т.е. «тихо, медленно» через семантику «средненько, посредственно» восходит к семантике

«середина». Подобное соотношение семантической деривации имеет место и на нганасанском языковом материале.

1503. Одно из многочисленных однотипных ономастических наименований птички. Я бы предложил сравнение с тазовско-селькупским *č'inaka* или *či:naka* «птичка».

1508. При рассмотрении слов на К, я уже семантически обосновал тождество 1508 и 2046. Это тождество указывает на то, что и эта этимология, и этот общеселькупский архетип относится к категории слов с диалектным соответствием кс'вначале. Кроме того, с высокой долей вероятности, к номкру 1508 и 2046 следует отнести слова под номерами 1509 и 1510. Они обозначают различные виды ограждений, сдерживающих конструкций, и их можно объединить с присутствующей в 1508 семантикой «столбиков, ограждений из столбиков». Не следует забывать, в связи с 1509 и 1510, и о тазовско-селькупском *čunag* «ограда, загородка для оленей». На форму 1509 и 1510 могла повлиять и контаминация с названием лошади 1512.

1513. Тоже уже рассматривалось. Это слово объединяется с 2038 и даёт ещё 1 случай междиалектного соответствия č'k.

1514. Тоже возможно сравнение как с 1503, так и с тазовским селькупским словом, которое было надиктовано под 1503.

1521. Этот глагол «чирикать» можно связать с названием птички 1520.

1523. Перед нами странная смесь, контаминация из 1151b и 1524 или спонтанное изобретение не очень компетентных информантов.

1526. Перед нами заимствование из тюркского *taj* «жеребёнок». То, что записано – это либо сложение *taj* и *inga* в качестве 2-го компонента (одно из полужирных слов 13 «ребёнок») или возникшее уже на селькупской почве диминутивное образование от *taj*.

1527. В связи с 1467 я указывал на то, что Алатало не сделал никаких отсылок между 2-мя самоназваниями селькупов из 1527 и 1467, хотя их сравнение принято в литературе. Что касается 1527, то здесь мне представляется весьма вероятной принятая в литературе связь этого слова с 1428 «земля, глина» и интерпретация названия селькупов как «земляные люди, люди из землянок». Особенно хочу обратить внимание на то, что в 1428 и 1527 почти одинаково записана для диалекта *kma* адъективная форма *t'uujaï*. В 1527 это слово встречается в сочетании со словом *qum* «человек», а в 1428 – в сочетании со словом *ma:t* «дом, чум». Что касается реконструкции архетипов 1527, то первый полужирный вариант возможен, второй, написанный с вопросит. знаком и *j* в середине, явно неприемлем.

1527b. Это хантыйское заимствование названия доменной мыши интересным образом было в Таз. преобразовано. Форма его ауслота с *al'* на месте хантыйского *i*, по-видимому, связана с переосмыслением как прилагательного «земляночный».

1529. Мне неясны основания, служащие для реконструкции архетипа с гласным *i̯*, а не, как это имеет место в большинстве форм, *i*. Кроме того, в связи с имеющимися в этой статье формами с *e*: в качестве гласного первого слога, обращаю внимание на формы в слове «сирота» у Григоровского. Это **че□и** и **че□гај**.

1530. Это слово под двумя знаками вопроса связывается с самодийской этимологией, но имеет, однако, и тунгусо-маньчжурские связи, о которых писал и Янхунен в своей ранней работе о тунгусо-самодийских лексических параллелях, и к

этому слову обращаемся и мы с Аникиным в готовящейся публикации. У слова «яма, лощина с водой» в 1530 имеются и дальнейшие связи. То же самое слово или непосредственные производные основы 1530 можно найти в 1530b «лужа» с отличным гласным второго слога, 1531, – то, что переведено как «рябиновый лес», на самом деле является «лесистым местом, где собирают рябину» – а селькупы это делают в лощинах.

1533. Видимо, опечатка – отсутствие мягкости у *č* в начале заглавной формы.

1535. Архетип воспроизводится здесь как *č'akan*. Реально, однако, в зафиксированных формах мы нигде не встречаем *k* в середине слова, а только на этом месте *ŋ* или даже, скорее, слабый призвук согласного, который обозначается как *ŋ*. Это слово «некоторый сосуд» параллельно к слову «ведро, котёл». В связи со сказанным, не стал бы исключать, что его источником является русское «чан», воспринято и адаптированное селькупами как двусложное с разложенной на 2 слога долготой гласного – чаан или ча:н.

1536. Сравнение с ненецким правильно, однако, отсутствует ссылка на SW стр. 34, где представлено это сопоставление.

1537. Это ошибочная запись у Доннера. Обращу внимание на 1173, где представлен глагол «смешивать», запись которого для Тым. в точности та же, что и для глагола 1537 с единственной разницей – там этимологически правильно после начального *t* стоит краткий надстрочный *u* вместо мягкости. Если считать, что здесь случайно мягкость была записана или прочтена вместо сверхкраткого *u*, вопрос принадлежности решается. Почти уверен, что 1539 и 1540 могут быть объединены со статьёй 1541 «развилина». Этнографическая информация в 1539 недостаточна, переводится «шнур, с помощью которого тянут невод». Невод одному человеку не вытянуть, поэтому можно ожидать, что веревка, за которую тянут невод, имеет какую-то развилку, чтобы его могли тянуть неск. человек с разных сторон. В 1540 «древесина, дерево», из которого делается хижина шаманов – более проблематично. Предположить, что там тоже имеются какие-то развилистые деревья можно.

1543. Заглавное слово – это производный глагол с суффиксом *lčə*. В Таз. представлена и непрямая основа этого глагола – *čaqčə*- и, возможно, *čakkə*- «подвинуться».

1546. В скобках в качестве параллели указана форма из «Очерков по селькупскому языку» *čiqətrə*- «чмокнуть». Думаю, что эта форма с гласным *u* – контаминационная и объясняется влиянием обеих форм слова из 1546 и ещё 1 слова «чмокнуть, поцеловать», которое в Таз. выглядит как *čuppalə*.

1548. Для меня непонятно, на каких основаниях и с какой целью Алатало записывает архетип этого слова с согласным *q* в середине. Ни в одном из правильно приведенных в статье источников селькупских диалектных форм в хантыйском и русском название чувала *q* или *k* не содержит. Нет его и в тюркском прототипе, этимологию которого я предложил в книге «?». Так что, для селькупского *q* совершенно не нужен. Видимо, слово надо разделить на 2 статьи, в одной будет в срединной позиции *γ*, как в хантыйском, в другой – *w*, как в русском.

1551. Это интересное слово, зафиксированное только на Средней Оби, но также у Купера и **Пуштаи**, название жеребёнка *č'iŋ:qəg*. Коротко укажу на этимологию, которой я, если будет возможность, займусь. Мне кажется, что это название жеребёнка

следует связать, хотя речь идёт о какой-то очень древней параллели, с известным обско-угорским языкам названием жеребёнка типа n'ävəg. Это № 448 в книге **Хоньки «Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten siebe»**. Обращу внимание ещё на важное продолжение этой этимологии. Во-первых, производным от этого обско-угорского названия жеребёнка, или, может быть, параллельным образованием от того же корня, является слово «ребёнок» в хантыйском языке, это **Девос**, стр. 1038. Прахантыйская реконструкция n имеет вид *nävġäm или, возможно, *nävġæm. Это слово «ребёнок». Те слова, которые обозначены Девос как возможные заимствования из хантыйского, скорее всего, являются просто их этимологическими соответствиями в мансийском языке. Сюда же – этимологический j, который мы имеем вначале слова 1551 в сельк. языке (там, как всегда, j даёт č'), это помогает нам связать с обско-угорскими словами слово со значением «ребёнок», в венгерском языке это guertek и guerek. Получаются ребята-жеребята. – Для дальнейшего фонетического обоснования этой этимологии, имея ввиду **метатетические отношения в инлаутном консонатизме** 🤔 между венгерским и обско-угорскими языками, представляет интерес ещё одно, фонетически довольно сходное слово, эта этимология разработана гораздо лучше, а именно – название седла в угорских языках. Это венгерское puereg и его известные хантыйское и мансийское соответствия. Название седла – я бы не стал исключать его связь с тюркским названием седла, которое чаще всего выступает в виде типа e-er, однако, известны и варианты типа jeuer.

1552. Я не уверен, что Алатало прав, воспроизводя в качестве архетипа č'ičakə-, а не č'ikkə-. Многие формы, как мне кажется, указывают именно на передний гласный, каковой находим и у Янхунена в прасамодийской реконструкции. С другой стороны, хочу отметить, что с фонетической реконструкцией этого слова для прасамодийского состояния есть определенные неясности, которые мы обсуждали с Аникиным, и состоят они в том, что в ненецком рефлексе этого слова присутствует гласный **e**, который легче объяснить, предполагая праформу с прасамодийским *eʏ, чем праформу с самодийским *i. Если для прасамодийского состояния действительно разумно реконструировать непередний гласный i, а гласный среднезаднего ряда, то это хорошо коррелирует как раз с такой реконструкцией архетипа, которая предложена у Алатало.

1554. Сюда же – формы, о которых я говорил в комментарии к 1476.

1555. Интересно последнее полужирное слово, оно хорошо объясняет необычную по своему облику форму **чикачиеа** «белый, светлый» у Григоровского.

1557. Не верю в существование такого слова, тем более самостоятельного наречия, думаю, что это взято из контекста, в котором имеется последовательность из 1454, уже комментировавшейся частицы со значением противительного союза, и глагольной основы из 1759 «умереть». Особенно интересен один из приведенных под 1759 полужирных вариантов qo:j. Контекст покажет, какая именно глагольная форма скрывается за 2-й частью этого предполагаемого наречия.

1558b. Здесь Алатало опровергает важную для моих исследований и много раз повторяющуюся в разных работах этимологию названия реки Енисей, самодийскую и селькупскую. Я согласен, что данные, приведенные Алатало, убедительно говорят о том, что северноселькупские формы типа čoasy «море» восходят к более ранним формам с утраченным срединным ÷. Они должны быть устранены из сравнения с

другим названием моря в северноселькупском *šoantəs*. Однако, я продолжаю настаивать на том, что это *ša:ntəs* – последнее полуж. слово статьи 1558b – может быть связано с названием Енисея типа *jeentəs*- в других самодийских языках, а не восходит к форме типа *ša-əntəs*. Единственное основание для такой реконструкции – это запись у Кастрена *tja-əndes*, где элемент ÷ сам имеет вторичное контаминационное происхождение. Моё предложение состоит в том, чтобы 1558b просто была разделена на 2 слова.

1561. Это повторение номера 1217, причём правильная интерпретация находится именно под 1217. Здесь вначале согласный *č*, а не *č'*.

1563. В одном из комментариев я уже говорил, что глагол «не быть, отсутствовать» – это важный пример диалектного развития *a:* в *ä:* в ряде селк. диалектов.

1564. Полу жирная запись заглавного слова должна иметь вид *č'uək*, откуда по нормам чередования ауслатных согласных *č'uə ÷*. Гласного *ə* в абсолютном конце слова нет. Такой архетип предполагается присутствующими в Таз. формами, наряду с *čeŷ*: ÷ можно найти и *čeŷkatqo* «на время» и т.д.

1565. Справедливо сопоставление с 2109. Это по происхождению то же самое слово, что 1565, – «прорубь», причём в данном случае мы имеем дело с междиалектным соответствием типа соответствий *č'~k*. Дело осложнено тем, что в 2109 полу жирная заглавная форма возникла в результате 2-х дополнительных фонетических процессов, наложившихся на результат этой диалектной альтернации, и это обстоятельство интересно с точки зрения относительной хронологии фонетических процессов. По законам междиалектных соответствий мы ожидали бы, наряду с 1565, *č'uə-čə* «прорубь», также и *kuə-čə* «прорубь». Однако, во-первых, происходит известный диалектный переход *-č* в *q*, во-вторых, также хорошо известная (я об этом писал ещё в своей дипломной работе 1972г.) ассимиляция разнослоговых *k, q* в *q, q*. Отсюда и возникает форма *quəqə*, исходная для 2109.

1566. Не вижу необходимости в реконструкции трёхсложной структуры с якобы выпавшим гласным *ə* во втором слоге.

1569. В качестве тазовского соответствия вместо слова «загривок» я предлагаю иное тазовское слово, являющееся точным фонетическим соответствием заглавного слова статьи 1569. Это тазовское *čiŷ-čəg* «выступ на лопасти весла», внешне – некоторый аналог горного хребта, гряды холмов, т.е. общность значений, несмотря на семантическое расхождение, вполне очевидна. Не исключаю, что есть и дальнейшая связь со словом *čeŷ-čə* «загривок», если предполагать чередование *iŷ ~ eŷ*.

1570. Некоторые формы здесь отражают ту форму, которую русское заимствование «час» приобрело в Таз., а именно – *časa*. Эта интересная форма заслуживает помещения в заглавие.

1571. Селькупская форма отражает не русское орфографическое «сей час», а его общеупотребительную разговорную форму «щас».

1581. Во-первых, сюда же в селькупском № 2658, где *s* вместо *č'* в начале слова – это либо неточная запись, либо результат ассимиляции. Во-вторых, перечень самодийских соответствий для слова *č'üs'u-* «болеть (о части тела)» следует начать с

северосамодийских форм, в частности, речь идёт о ненецком *je-* «болеть (о части тела)» и их производных, имеющих, в частности, вид *jens-*.

1585. Предполагаю, что следует объединить послелог из этой статьи с материалом статей 1589 и 1594. В данном случае под 1594 я имею ввиду только приводимые там соответствия из Таз. – группу послелогов. Т.о., объединенная статья включает глагол «попасть в, попасть по», послелогии «навстречу, в лицо, перед лицом» и послелог «по сколько-то». Что же касается тымской формы, то эта форма с долгим гласным должна быть отделена от тазовских послелогов и вообще странно предполагать такое необычное, известное только одному диалекту, слово со значением «лицо», тем более, что и встретилось оно в Тым. только 1 раз, хотя, учитывая то, сколько Доннер проработал там, конечно же, о лице шла речь много раз. Я очень подозреваю, что 1594 – это просто вырванный из контекста 1593 «снежный сугроб». Можно себе представить такую ситуацию, когда точно также, как селькупы говорят о горе как о «лице горы», они могли говорить о снежном сугробе как о «лице снежного сугроба, лице снега». Что и привело к неправильной интерпретации. Но есть гипотетическая возможность, что была какая-то конструкция типа *siŋrə t'a:ɣər* «сугроб снега», а информант объяснил Доннеру, что это «лицо снега», т.е. обращённое к нам лицо снежной горы.

1587. Слово «разветвление» является старым заимствованием из тюркского *jaɣa* ÷. Об этой этимологии писали мы с Марком Стаховским в нашей статье о тюрко-самодийских лексических соответствиях.

1593. В литературе уже обсуждалось сходство этого селькупского названия сугроба с названием наста в коми языке *č'agiŋm*, которое заимствовано из коми языка в русский как чарым и далее проникло в некоторые тюркские языки Южной Сибири (см. в обоих словарях Аникина). Я бы не стал исключать возможность того, что слово 1593, известное в селькупском языке Тым. и Таз. диалектам, может быть адаптированным русским заимствованием коми происхождения или неким иным, более сложным образом, но по контактной линии, а не **генетической**, связано с коми словом.

1598. Обращу внимание на то, что у Григоровского эта основа записана как *чоро□л-*, т.е. мы имеем дело ещё с одним случаем варьирования между *иэ* и *о* в словах, отражающих прасамодийский *a* (*â*).

1605. См. комментарий к 595b.

1606. Уже известный со времён Кастрена, но характерный пример превращения русского предлога в селькупский послелог. Явления такого рода известны и некоторым другим уральским языкам.

1608. Вероятно, в Таз. присутствует и имя, послужившее основой для производного глагола *čö:rə-*, а именно – существительное *čö* или *čö:* «содержимое желудка рыбы», «заглотишь (проглоченная целиком мелкая рыбёшка, как содержимое желудка хищной рыбы)».

1611. В словаре Алатало не присутствует чисто северноселькупская основа, которая в Таз. известна как *ča-ak* «только» или *ča-al'* «сплошной, исключительный». Интересно, стоят ли эти тазовкоселькупские формы в какой-то связи с материалом 1611.

1612. Я уже писал ещё в «The language of the first selkup books» 1983г. о том, что селькупское приветствие č'olom – восходит к древнерусскому слову «челом» в выражении «бью челом», типичном в старорусском приветствии. Непосредственный источник, как это часто бывает в случае с русскими заимствованиями, лежит в хантыйском и коми языке. Уже в коми слово «челом» превратилось в формулу приветствия.

1613b. Связано с названием телёнка 1619, хотя следует подумать о том, является ли это просто преобразованием номера 1619 или, возможно, отражает русское «тёлка». В этом случае *a* второго слога – вставной.

1618. Я расхожусь с автором словаря в одной морфологической трактовке. Для меня форма č'e:lə в конце страницы 230 – это не StAdv., а специальное употребление номинатива. Номинатив времени.

1622. И в этом случае реконструкция трёхсложной структуры представляется излишней.

1624. На уровне общеселькупских архетипов следет оперировать не только с основой п'а: «товарищ», как это делает Алатало, но и состоящей в ней в чередовании основой п'е:. Во 2, 3 и 4-ом полужирных словах в конце 1-го столбца стр. 232 в конце селькупских архетипов нет необходимости в l'. Я об этом говорил в связи с 1335 «сестра». Настаиваю на том, что нужно и в отдельных формах этой статьи отразить это чередование, – в других формах введение подобных чередований Алатало не смущает. Может быть, есть специальные основания для того, чтобы признавать е: явно очень поздним результатом преобразования из а:, но мне эти основания неизвестны.

1625b. Точным семантическим соответствием этого слова является в энецком языке слово пау. Где-то в своём словаре Алатало упоминает это слово и приводит для него селькупское соответствие, – к сожалению, без указателя найти это место я не могу.

1626. Дополнение самодийской этимологии Янхунен 111 селькупским соответствием оправдано, я бы добавил сюда же и селькупский № 1661, напр., в Таз. п'öp'a «малёк, молодь».

1627b. Одно из полужирных слов п'іҫ:qəg- следует соотносить не с его соседями, где порядок r,i,k иной, а с материалом из 1674.

1629. Возможно, с учётом постоянной долготы гласного i: в северносамодийских соответствиях, общую самодийскую основу следует реконструировать как *n'ij-. Такая реконструкция напрямую соотносится с предпоследним полужирным словом в 1629 и может служить его прямым источником (кстати, соответствием этому в совр.Таз. является глагол п'іš-) и объясняет долготу гласного i в других селькупских, а также – в северносамодийских формах. Вариант реконструкции селькупского архетипа с ÷; п'i-ñ- представляется излишним.

1631. И в SW стр. 102 предполагаются 2 прасамодийские формы для названия рыболовного крючка, удочки *nір или *nup в соответствии с 2-мя вариантами, присутствующими в сельк. языке.

1631. Таз. диалекту эта основа неизвестна, однако, с тем же значением «рыболовный крючок, удочка» имеется слово nup с устойчивым нечередующимся p, сравн. также nupəttə- «удить». Интересно, в каком соотношении состоят nup и рассматриваемое Алатало n'ір.

1632. Несомненно, к 1631. Это то же слово и, как отмечает Алатало, информант был в своих ответах неуверен.

1634. К 1636. Гласный о – либо неточность записи, либо под влиянием гласного о в последующем слоге.

1635 и 1635b. Здесь имеет место такое же чередование гласных а и е, как и в словах под № 1624. В этом случае, применительно к 1635b, речь идёт о вероятном хантыйском заимствовании. Тогда как для 1635 делается отсылка к самодийским параллелям. В этом вопросе следует разобраться. Есть некоторые другие примеры, когда разграничить самодийские образования и хантыйские заимствования бывает нелегко, напр., как, с одной стороны, в селькупском *pele* «товарищ, помощник», и с другой – *pelä* ÷ «половина». Или к названиям сверла *puḡ* и пешни *paḡä* ÷.

1636. Я бы предпочел архетип с *n'*а в начале, с учетом, в частности, данных Григоровского. Это слово должно быть связано с 1634 и, если предположение Алатало о том, что оно связано с самодийскими словами, приводимыми в SW стр. 98, (хотя в SW речь идёт о прасамодийской форме с начальным твердым *n*, а в селькупском мы имеем в начале слова *n'*) верно, то оно относится и к статье 1636.

1639. Я уже обращал внимание на параллель 1639 – 1344, что отмечает и Алатало, есть и ещё одно, заслуживающее внимания слово. 1639 *n'ima* «бабушка». С вариантом , это последнее полужирное слово в 1639 *n'imma* «бабушка, мать отца». Этот последний вариант непосредственно выводит на 65, тоже с геминацией, *imma* «женщина». Мы имеем случай, который можно рассматривать, в ряду самодийских случаев, с чередованием форм с *0* в начале и с *n* в начале при исходности вокалического анлаута. Дальше возникает вопрос о соотношении между геминированными и негеминированными формами в статье 1639.

1641. Это название мошки трудно отделить о глагола «сосать» 1638 и от таких его дериватов, как *n'iməḡ*- при том, что название мошки отличается от этого деривата только присутствием *ä* в конце. Учитывая, что речь идёт о кровососущем насекомом, связь вероятна, несмотря на то, что основы «мошка» и «сосать» рассматриваются Янхуненом на разных страницах – 102 и 110.

1642. Алатало предлагает сравнение с 1682, я бы не оставил без внимания и 1675. Все эти обозначения раздевания, наготы в 1642, 1675 и 1682 и их соотношения требуют специального рассмотрения с учетом диалектных фонетических особенностей в кетской диалектной области.

1642. Я уже высказал предположение о том, что здесь мы можем усматривать связь с 1675, чем с 1682. В пользу моего решения свидетельствует и форма у Григоровского *ня□выску* «раздеваться». Т.е., форма у Григоровского *ня□выску* явно тяготеет к 1675, с другой стороны, ее трудно отделить от 1642 в словаре Алатало.

1644. Я бы заменил вопр. знак перед сравнением с северносамодийскими формами «молодой» на, по крайней мере, 3 вопр. знака. Слово «молодой» в совр. Таз. – это *nättäl'* содержит вначале твердый *n*, в отличие от 1644 с *n'* в этой позиции. Кроме того, различаются и значения: «младенец» с одной стороны и «молодой человек, юноша» – в случае северносамодийского слова.

1645. Интерпретация названия созвездия и утверждение, что форма *n'j:d* представляет собой заимствование из русского «невод», совершенно ошибочна. Здесь,

может быть, и информант неточно объяснил, или Доннер что-то напутал, но есть типичные селькупские мифы с объяснением названий созвездий, упоминаются 4 звезды, – 1 как «ноги лося» и 3 как «3 охотника», и речь идёт не об невождении на Тyme, а о погоне за небесным лосем. Так что, форма n'o:d в этом слове – ни что иное, как тымская форма 3-го лица от глагола «гнать» в 1625. Эта форма представлена и в 1625 в чуть другой записи n'o:du, т.е. не «невод», а «гонит, гоняет», что согласуется с мифом о Большой медведице, как мифом о небесной охоте на лося.

1646. Очень подозрительное слово, подозрительное название росوماхи, к тому же из диалекта **ОО**, которым Доннер, по-моему, занимался мало. Может быть, это слово тоже записано как n'o:di². Возможно, это тоже какое-то недоразумение, и речь шла об охоте на росомаху или о том, как росомаха гоняет каких-то зверей, и здесь тоже присутствует всё тот же глагол из 1625.

1647. Думаю, что архетип должен реконструироваться с гласным ö:, а не о:. Это позволит хорошо объяснить все, представленные в статье, варианты записи основы.

1649. В северноселькупском это название «крючка для рыбной ловли» не зафиксировано, однако, если это действительно название крючка, а не поплавок, как предполагают некоторые переводы, то, возможно, от него образован тазовский глагол n'ittaltə- «вывихнуть, вывернуть».

1651. Это очень прозрачное производное от 1677, с ошибочно проставленной долготой.

1652. В связи с 1558b я уже говорил, что мне трудно поверить, что, как это пишет Алатало, исходная форма названия Енисея была 4-хсложной и содержала ещё слог ðə. Видимо, бывают случаи, когда Алатало оказывается под обаянием определенной формы, которой он приписывает свойство ключевой и ориентирует на нее свои реконструкции. Видимо, так обстоит дело и с этой, уже упоминавшейся формой, tja ðandes «Енисей» у Кастрена.

1653. Непосредственно к тем словам, которые приведены в этой статье, и заглавное слово, и его соответствия у Кузьминой и Кастрена. Я бы хотел добавить ещё и параллель, соответствие у Григоровского няндо□ни «будущий». Все эти слова в 1653 должны быть связаны со словами в 1709, где присутствуют и такие формы, как последнее слово – n'ennäl, которое, в частности, имеет и значение «будущий». Явно слова в 1653 являются относительно поздними дериватами от 1709 – заведомо более поздними, чем имело место предполагаемое для форм n'ennäl' и подобных ей развитие n в nn.

1660. Не имею под рукой необходимой литературы, но, насколько могу вспомнить, слово poj «сукно» известно также ненецкому языку и восходит далее к коми и (или) хантыйским источникам.

1660. Нужно иметь ввиду, в первую очередь, коми poj «сукно», которое является источником и ненецкого, и, через хантыйский язык, селькупского слова.

1661. Слово «малёк, молодь» уже упоминалось в связи с 1626.

1663. У меня сомнения по поводу того, что самодийское название стрелы присутствует в упоминаемых в данной статье названиях специальных видов стрел, которые даны также статьями 1577 и 2170. Что касается 2170, то это название стрелы на птиц, на самом деле имеющее вид qa:sn'(ik) напоминает мне название стрелы на

птиц, тоже не вильчатой, а с 1 острым кончиком, это *kastuk*, о котором я писал в книге «Die matorische sprache» № 439, и которое является тюркизмом. Возможно, что и 2170 *kasnik* – это заимствование другого регионального варианта того же тюркского слова. *Kastuk* восходит к *kaslyk*, если *kaslyk* где-то дало *kasnyk*, то это хорошо объясняет селькупское слово и, соответственно близкое объяснение можно найти и для 1577, тогда соотв. части 1663 отпадают. С другой стороны (также идея для возможной этимологической разработки), 1577 может в своей первой части содержать № 1576 «сало» и обозначать стрелу, смазанную салом. Но это только в случае, если вторая часть 1577 –*nik*, несмотря на высказанное мною предположение, имеет селькупскую, а не тюркскую природу.

1666. Можно с уверенностью давать селькупскую праформу с гласным *e*, а не *a*, т.е. так, как это зафиксировано в Тым. и что русским источником может быть слово «ненька», а не «нянька», хотя странным образом я не нашел *неньку* ни у Даля, ни в «Словаре русских народных говоров», но напр. в украинском языке «*ненько*» это мать, и вообще диалектно «ненька» как «нянька» хорошо известно.

1667b. Как и предполагает запись у Алатало, эта речка, по-русски, вероятно *Налимка*, называется по-селькупски «*налимья река*» и в качестве 1-го компонента содержит прилагательное к 1667 «*налим*».

1673 и 1674. Эти 2 ономатопоэтические основы, несмотря на разницу в значениях, «заикаться» и «ржать», следует связать друг с другом также, как и с уже упоминавшейся основой *n'ĩqəg-* «скрипеть» из 1627b.

1676. Это слово *n'a-tu* «толстый». Отмечу, что в Таз. зафиксирован и глагол *n'ä: ðə-* «растолстеть». Отсюда следуют 2 соображения. Во-первых, то, что 1676 и названный глагол друг с другом связаны, и связь эту можно интерпретировать таким образом, что *tu* в заглавном слове *n'a-tu* является суффиксом, так же, как и соотв. часть его камасинской параллели. Во-вторых, в приведенной глагольной Таз. форме *n'ä: ðə- ä:* развилось из *a:* в положении после согл. *n'*, т.е. имеет место аналогия с уже рассматривавшимися случаями особой рефлексии общеселькупского *a:*, рефлексии не в виде северноселькупского *oa*, а в виде северноселькупского *ä:*, как это имеет место и в глаголе «не быть, отсутствовать».

1678. Весьма гипотетическая версия, поскольку трудно понять, какую именно домашнюю жертву хотят духи, но одна из возможностей состоит в том, что записанное там слово *n'a-k(q)əl'* – это прилагательное к названию гагары № 1669 и что, следовательно, название гагары, зафиксированное тоже только в северноселькупском, восходит к какой-то исходной форме типа *n'a-çə*.

1684. Это женское русское имя *Нюша*, один из многочисленных уменьшительных вариантов имени *Анна*.

1686. Сюда же у Григоровского незом «косоплётка». Эта этимология представляет огромный интерес с точки зрения много изучавшейся проблемы распространения названия «жемчуг» в разл. языках Евразии, – русского жемчуг, венгерского *gyöngy* и т.д.

1689. Я готов предложить интерпретацию неясной формы из кетского текста. В предпоследнем абзаце это кетское слово *n'ezu-ðe* должно интерпретироваться на уровне архетипа *n'ĩšu-tə*. Оно представляет собой глагольную форму от именного

глагола $n'ũʃu$ ÷ «стать хозяином, властвовать». Сама приведенная кетская форма с de на конце означает императив «властвуй». Аналогичная интерпретация распространяется и на другую, синонимичную ей, форму в той же текстовой цитате из кетского фольклора $sü: ÷de$. В целом перевод, видимо таков: «властвуй властелином, хозяйствуй хозяином», а в примере с верхней Кети – «хозяйствуй и властвуй». Семантическое соотношение между $n'ũʃu$ и столь удачно открытым Алатало синонимом $sü$: остаётся неясным.

1690 туруханское $n'a:rəlmɑ:ttə$ это хорошо известное название красноселькупа, правильно $n'agəl' mačə$ «тундровый яр» или «тундровый лес».

1690. Тымские формы в середине этой статьи, содержащие группу согласных gn и обозначающие «северную часть, северную сторону» напрасно отнесены к статье $n'agə$ «болото, тундра». В действительности это образования, которые следует снести со статьёй 1709. Семантика образований в 1709 приведена не полностью. Очень важны данные Таз., близкого географически и классификационно Тым., в нём $n'ennä$ означает не только «вперёд», но и «вверх по реке», а также – в географическом направлении, которое соответствует направлению «вверх по реке». Т.е. это слово $n'ennä$ обозначает «на юг» на Среднем Тазу и «на восток» – на Верхнем Тазу. Если учесть направление течения Тыма, который впадает в Обь с севера, то понятно, что направление «вверх по реке» для тымских жителей – это направление на север, что и объясняет семантику «северная сторона» у дермата $n'ärnä$. Факт, заслуживающий дополнительного комментария – это то, что в Тым. зафиксированы и приведены в 1709 варианты с геминатой nn , вторичной, типа $n'enne$. Формы из 1690, имеющие то же происхождение, содержат группу согласных gn . Вариант, который приводится в 1690, даже ближе к первоисточнику, чем то, что приведено в 1709, и либо формы с gn и nn относятся к разным диалектам или **идиалектам** тымского диалекта, или в Тым. произошла частичная семантическая дифференциация, в результате которой значение «вперёд, передний» закрепилось за формами с nn , а значение «вверх по реке на север» – за формами с gn .

1692 и 1695. В обоих номерах, если реконструкция Алатало верна, следует также, как и в слове «толстый», усматривать специфическое развитие $a:$ в $ä:$ в положении после начального n' , осложненное затем сокращением этого $ä:$ в 1695. Оба эти номера, хотя самодийская этимология приведена только для 1695, соотносятся с общесамодийским «красный», которое реконструируется и в виде основы типа $*n'ag-$ и в виде, осложнённом адъективным суффиксом k – $*n'ark-$. Соответственно, второй вариант с адъективным суффиксом отражён в 1695, обычном прилагательном «красный» в сельк. языке, а более простой вариант – в 1692 «красная смородина». Кроме того, 1692 и в целом эта ситуация, позволяют поставить вопрос о том, что собой представляют известные Таз. и представленные во многих других сельк. диалектах словосложения, в которых слово «красный» выступает именно в виде $n'är$. Например, в Таз. это $n'ärloqa$ «рыжая лисица», или $n'ärtorəg$ «брусника». Поскольку для тех же и ряда других названий существуют полные варианты типа $n'ärqə loqa$ «рыжая лисица» или $n'ärqə torəg$ «брусника», то варианты с **$n'är$** обычно рассматриваются как усечения. Однако, не исключено, что мы имеем в них исходные формы, непосредственно содержащие краткий вариант прасамодийской основы. И по кр. мере одна известная и рассматриваемая нами с Аникиным в совместной статье самодийско-тунгусская

параллель, название красной рыбы **кумжи**, также свидетельствует об архаичности именно самодийского варианта типа *n'ag.

1696. Слово, входящее в сложение, снабжено отсылкой к 1694 «ива». А речь идёт о кетских сложениях «маленький берёзовый лес». Их следует интерпретировать иначе. Скажу, что тазовским соответствием является n'ag(ə) qä:nə «тундренный (тундровый?) березняк». Первая часть – это 1690 «болото, тундра», вторая часть – производное от названия березы с собирательным значением «березняк».

1702. Это тоже неработанное этимологическое предложение, тем более, что мне не ясна семантика селькупской основы в № 1702. Обращу внимание на ненецкое, явно производное, слово ня:r'ма «защитный слой чего-либо».

1703. Ограничусь упоминанием о некоторых этимологических возможностях, открываемых сравнениями с селькупским n'agə «тундра», словом, которое, вероятно, имеет эвенкийское происхождение, из n'agu, и, с другой стороны, с энецким, преимущественно лесным энецким, ного «болото». Здесь мы находимся уже на грани многочисленных возможных сравнений с болотно-озерным корнем пег-пог, который хорошо представлен и в Европе, о нем любят писать в связи с названием озера Неро, он хорошо отражён в балтийских языках, и т.д.

1709. Я рассматривал уже 2 дополнения к этой статье, которые можно найти под номерами 1653 и 1690.

1710 и 1711. Оба глагола, выглядящие очень похожими и записанные со значениями эмативных глаголов, «хотеться» и «рассердиться», представлены в материалах словаря и у Доннера крайне неполно. Оба они относятся к Тым. Я бы мог предположить, что на самом деле таких эмативных глаголов не существует...

1710 и 1711. По моему предположению, эти **эмативные** глаголы фиктивны. Если бы они существовали, можно было бы ожидать, что они где-то, в каких-то источниках, встречаются в более детальной разработке, и что, может быть, они являются случаями специального употребления глагола из 1414, который выглядит почти также, за искл. того, что там не проставлена мягкость *n* перед *e*, что бывает. Глагол в 1414 приведен как «дрожать». Не исключено, что в 1710 отражены какие-то пояснения информанта, который говорил о том, что некто дрожит от желания, поэтому «хотеться», а кто-то (1711) дрожит от гнева, – поэтому перевод «рассердился».

1714-1716: Между 1714 и 1716 от слова *n'i:rə-* должна быть отсылка не к 1419, которого, кстати, не существует, а к 1627b.

1720. Этот глагол в виде архетипа должен записываться с *ĩ* в качестве 2-го гласного, а не с *i*. На это указывает как приводимое Алатало соответствие из Таз. по моим данным и по данным «Очерков по селькупскому языку» и хантыйский источник, в котором имеем это интересное стандартное соответствие нынешнего хантыйского *ä*, которое восходит к *ĩ* и *i* в селькупском языке, которое в положении после *n'* развивалось в напряжённый *i* в Таз., и в некоторых источниках отражено и просто в виде *i* в этой позиции.

1723. Это имя, зафиксированное только в низовьях Таза, *jejna*, отражает, возможно, ненецкое слово *jejna* «пищит, пищащий».

1725. Неправильно проставлено ударение в русском источнике, не Яко□в, а Яков.

1733. Среди ряда примеров имеется кетское *weretnik*. Этот пример отражает не русское «еретник» (диал.), а также известное в русской диалектологии его вариант «веретник». Все эти слова – народноэтимологические преобразования слова «еретик».

1735. Сюда же *qa*: в тазовском диалекте. Вероятна связь этого слова с 2096 *qaj* «что».

1736. По экспедиционным данным, вопросительные местоимения с этой частицей имеют относительное значение, а не чисто вопросительное. Однако эти данные не подтверждены, вероятно, необходима проверка на текстах.

1739. Полагаю, что производными от этого слова являются также 2342 и, возможно, 1875 и 2100. Самодийская этимология для 1875, скорее всего, ошибочна: ненецкое слово в 1875 является производным от *s'a:*» «лицо». Разумеется, дальнейшим производным от 1739 является слово под номером 2136. 1739 зафиксировано также у Григоровского в виде *kágu*.

1740. Вероятным производным является 2055.

1741 __ 1767

1741. Это слово следует отнести к номеру 1767 «гора», где в тымском диалекте зафиксированы и варианты типа *qwə*. О связи этих двух слов писал Прокофьев в «Селькупской грамматике», стр.12. По своему устройству селькупские жилища представляют собой вырытые по берегам рек землянки-пещеры. Отсюда – название сеней *qət šün 'сy* «нутро горы».

1744. Во-первых, это не *qo*, а *ko*. Во-вторых, сюда же относится в тазовском диалекте *kon peläk* «закрытый получум». В-третьих, слово имеет самодийское происхождение, – сравни в ненецком языке *ηи*, в нганасанском *ηij*, самодийское **uj* «шест». Само слово 1744 следует переводить не как «столб», а как «шест чума».

1746- К номеру 1746 не относится, но представляет собой отдельную основу *qos'i*. Это селькупское слово, употребляющееся в грамматических значениях, представляет собой соответствие нен. *ханзо* «обладание в полной мере», энец. *kod'u* (см. handouts к моему докладу об Abstracta в Геттингене, 2002 г.).

1746. Сюда же, конечно, относится и окончание инфинитива в тазовском диалекте: *-qo*. Это окончание следует отделять от окончания инфинитива в других селькупских диалектах – *-ku*, которое имеет соответствие и в тазовском диалекте в виде окончания одного из имён действия, см. «Очерки по селькупскому языку».

1747. Это специальное терминологическое значение слова 1748 со значением «ухо».

1748 __ 1747

1749 __ 1750

1749. Маленькая поправка: *qontə-* не является отдельным производным. Приведенные там примеры – это формы латентива к *qo-*. Далее, в этой же словарной статье имеется *qos'əptə-* и его производные. Думаю, что реконструкция избыточна. Общеселькупская форма – *qos'tə-*.

1750. Это, разумеется, то же самое слово, что и 1749. «Родить ребёнка» = «найти ребёнка». Как и в предыдущей статье, *qontə-* не отдельное производное, а латентив к основе *qo-*.

1751. Гласный в написанных полужирным формах *tār*, *śār*, *śāṅ* должен быть во всех трёх случаях, по-моему, краткий.

1753 __ 1756

1754 __ 1756

1755 __ 1756

1756. Очень интересное слово. Перевод «Strahl, луч», по-моему, неточен. В действительности эта основа обозначает продолговатость предмета, продолговатую частицу вещества/материала (ср. *laka* – круглая частица вещества/материала). В частности, «луч», «стрела», «струя», «длинный волос», и т.д. К этой основе может относиться целый ряд слов: с высокой долей вероятности – 1753, возможно – 1754, если речь идёт о, скажем, вытянутой в полете стае или о роце продолговатой формы. Далее опять-таки, возможно, хотя в этом случае менее вероятно, 1755. Точно сюда – 1757. Сюда же – слово, упомянутое в статье 412 (как *kut tar*). И наконец, сюда же, вероятно, и локативное производное 1758. В этом случае речь идёт о гриве, – длинном волосе.

1757 __ 1756

1757b. Полагаю, что, в частности, с учётом данных тазовского диалекта, следует по крайней мере как параллельные формы давать *etəku* и *esəku*.

1758 __ 1756

1759b. Слово действительно тождественно 1759, но всё же должно быть отделено от тазовского *qutki:-*.

1760. Приведённая в этой статье основа *qu:ptə-* на самом деле то же самое слово, что номер 1806. Общее значение в таком случае «приближаться к земле». Далее, слова, производные от основы *qu:sə-*, должны рассматриваться не в статье 1760, а в статье 2202, где они, кстати, правильно упомянуты.

1761 __ 1767

1761 и 1762. В своё время я высказывал предположение (в публикации 1972 г. – «Селькупские дополнения к ностратическим этимологиям»), что слова со значением «река» и «середина», с учётом данных отчасти других уральских, а также тюркских языков представляют собой исторически одно и то же слово.

1765. «Натягивать лук». Сюда же, несомненно, относятся и слова, приведенные под № 2036 со значением «натягивать сеть или невод».

1765. По-моему, чрезмерно усложнена реконструкция общеселькупской формы в последнем слове этой статьи. Такие усложнения имеют место в словаре Алатало и в других случаях. Обоснование мне осталось непонятным. Почему в данном случае *k̄intəʔtänčə-*, а не просто, например, *k̄inte:nčə-*?

1767 __ 1741

1767. Думаю, что с енисейской этимологией вполне может конкурировать и самодийская – сравни, например, ненецкое *хой* «гора» и слова со значением «гора, тундра» в энецком (*kioo*) и нганасанском (*kiəd'a*) языках. Как я уже упоминал, сюда относятся также слова, приведенные в статье 1741. Далее, топоним *qyssoq*, скорее, относится не к 1767, а к 1761.

1767b. Предполагаю (как следует не проверял, не работал над этой этимологией), что речь может идти о самодийском слове. Селькупское «чуять» может быть сопоставимым с нганасанским *baa-* «бодрствовать». Самодийская праформа могла иметь вид **weʕə-*.

1768. Очень интересна и непонятна мне конкуренция форм типа *qwe* и *qö* в материалах Григоровского. Видимо, эта конкуренция указывает, как и некоторые другие факты, на то, что одной только реконструкцией общеселькупского *qö*: обойтись нельзя, дело обстоит сложнее. 2059 – это отдельное, но контаминирующееся с 1768 слово.

1771. Сюда же, вероятно, производные типа Таз *kül'čatty-* со значением «махать, бросать».

1772. Это слово в особенности, как и многие другие реконструкции с *-üə*, наводит на мысль, что фонетическая сторона этой реконструкции у Алатало нуждается в корректировке. Скорее всего, речь идёт о дифтонге с полным гласным типа *e* в качестве второго элемента.

1773. Послелог *ki:* это явно то же самое, что окончание датива двойственного и множественного числа в тазовском говоре: *-kin'i*.

1777. Это слово должно перейти в следующую статью 1778.

1778 __ 1777

1781. Видимо это слово состоит из русского *кабы* «если» и селькупской частицы *čap*, номер 1454. Менее вероятно, что 1781 тождественно 1782.

1791. Скорее всего, к 1792. Сурок или крот как бы сравнивается с колотушкой шаманского бубна, которая, кстати, тоже покрыта мехом.

1796. Ономатопоэтическое слово, довольно сходное фонетически и семантически с 1785.

1797. Думаю, что это то же самое слово, основа которого встречается в тазовском диалекте в виде *komɾəl-* «перевернуться, опрокинуться и т.д.». Если это так, то *pl* в тымском диалекте представляет собой упрощение группы *mpl*. Соответственно, должна быть изменена и реконструкция заглавного слова.

1800. Предполагаю, что это только переносное употребление названия кастрированного зверя (1799) применительно к медведю.

1806 __ 1760

1806. Я уже говорил, что это то же самое слово, которое рассматривается в качестве одного из производных в статье 1760.

1808. Встречающееся в этой статье слово *qa:nə* – конечно, то же самое, что рассматривается под номерами 1986 и 1987.

1811. Присутствует также у Григоровского со значением «ущипнуть».

1817 и 1818. По-видимому, вполне могут быть объединены. 1818 – название инструмента для сучения волокна, а сучение волокна напоминает процесс распяливания.

1820. Этимология слова *qat* «материал» вполне ясна. Слово русского происхождения, из устар. рус. *хам*, о чем см. подробнее Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика.: Лекции и статьи. М., 2000: 350 (см. также Аникин А.Е. Словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003: 647). Слово *хам* в русском имеет древненовгородское (др.-новг. *хамь* «полотно») и далее скандинавское происхождение.

1834-1838. Есть основания предполагать этимологическую связь всех слов с номерами от 1834 до 1838. Базисную семантику объясняет глагол, в частности, в тазовском диалекте, *qa:mpʃ* «держаться на поверхности». Отсюда частные значения: 1834 – «появиться на поверхности», 1835 – «плавать на поверхности воды», 1836 *qa:mpa* – обозначение не весны (ранней весны), а крепкого наста, который характерен для этого времени года, на что указывают и самодийские соответствия. Уже названный глагол *qa:mpʃ* имеет и значение «держаться на поверхности наста» при ходьбе на лыжах. Несколько более проблематично, но, вероятно, сюда же – 1837 (речь идёт об опорных шестах чума, поддерживающих вверху его нюки и остальные шесты) и 1838 (в данном случае речь идёт о какой-то ряске, траве, которая плавает на поверхности воды).

1846. Приведенное под вопросом слово со значением «тупой нож» сюда не относится. Это слово зафиксировано также у Григоровского в форме *кыай*.

1848. Маленькая поправка: у слова, записанного Алатало как *qo:mʃmʃmatpi* – явно лишняя группа *mʃ* в середине.

1850. Это заимствование из хантыйского языка лишний раз подтверждает ошибочность реконструкции Штейница и Хонти, которые предполагали, что в хантыйском и в восточно-хантыйском никогда не было *w* в середине слова, а употреблялось только *ʃ*. В данном случае селькупское слово с *w* отражает хантыйское слово с *ʃ*, то есть на самом деле явно восходит к более ранней форме этого слова, которая имела *kow*- или *kew*-.

1851. В тазовском диалекте образования от этой основы имеют тенденцию контаминировать со словами, образованными от основы под номером 1835.

1855. Весьма вероятно, если предположить небольшую неточность записи у Доннера, что это та же основа, что в 1866.

1858. *Qum* «человек». Конечно, с точки зрения этимологии надо в первую очередь обратить внимание на точную мансийскую параллель этого слова, мансийское *χит*. Об этом писал Прокофьев в предисловии к «Селькупской грамматике». Это крайне интересная селькупско-мансийская параллель, которую очень трудно объяснить, но, видимо, с точки зрения этнической истории, следует предполагать в прошлом такую ситуацию, когда предки манси имели непосредственные контакты с предками селькупов, не будучи отделёнными от них хантыйской территорией.

1863. Второе *П* в реконструкции, по-моему, лишнее.

1867. И селькупское, и камасинское слово имеют тюркское происхождение (в тюркских языках *köm*).

1873. Подозреваю, что в этой статье ошибочно сведены вместе три разных основы с гласными *a*, *a:* и *e*. Я принимаю для слова с кратким *a* предлагаемое Алатало сравнение с ненецким, но в этом случае, по-моему, невозможно объяснить долгий гласный в тазовском *qa:tП* «очень».

1875 __ 1739

1875. Как я уже отмечал, вероятно, является производным от основы 1739, сравнение с ненецким словом ошибочно.

1877. Гласный *a* должен быть долгим.

1882. Возможно (далеко в этом не уверен) производно от 1874.

1884 и 1886. Конечно, одна основа.

1884. Очень интересная группа вопросительных глаголов. Думаю, что их основа должна интерпретироваться именно как основа вопросительного глагола, разумеется, с указанным соответствием в ненецком языке, есть эта основа и в энецком языке (*кодо-*). Перевод этой основы как „*wohin*“, «куда» слишком конкретен.

1894. Скорее всего, глагол в приведенных примерах из Доннера значит не «посмотрел», а «поскрёб» и, таким образом, слово относится к группе под номером 1876.

1896. Вероятно, тоже к 1876. Не «нагрузил», а «нагрёб».

1898. По-видимому, существительное «дым» может, по диалектам, иметь в конце как *и*, так и *о*, на что указывают и варианты в словаре Григоровского.

1900. Весьма вероятно, что это то же самое слово, что 1901. Примеры должны тогда интерпретироваться в духе «дым убил глаза», «убил» – в смысле «повредил».

1902. Скорее всего, здесь мы, всё-таки, имеем дело с некоторой укороченной или деформированной формой той же основы, которая приведена под номером 2106. В этом случае предложенное Алатало сопоставление с камасинским *bat* отпадает, тем более, что камасинское *b* никак не может соответствовать селькупскому *q*.

1903. Здесь мы имеем дело, по крайней мере, с тремя разными словами. Первое – это действительно слово со значением «протока» и

фонетической формой *kuŋcu*. В Тазовском диалекте это слово *kŋ:tu*. Совершенно другое слово – в третьем абзаце. В Тазовском диалекте это *kŋttu*, что означает «рыбная страда, большие заготовки рыбы на юколу». Есть и глагол, отмеченный у Кастрена, *kŋttu*- «запасать продукты на зиму». К этому слову надо будет ещё вернуться в связи со статьёй 2054. И, наконец, в последнем абзаце статьи 1903 упоминается *quŋttel ku*. Обращаю внимание на *q*, а не *k* в начале слова. Это название речки, конечно, относится к 1912, «город», и указывает на расположение этой речки недалеко от первоначальной Мангазеи.

1905. В последнем абзаце этой статьи названо слово, которое представлено в современном тазовском диалекте в виде *kŋ:tanty*- «рожать (о женщине)». Это слово не имеет никакого отношения к остальным формам, приведенным в статье 1905. Само по себе оно этнографически очень интересно. Слово *kŋ:tanty*-, означает не только «рожать (о женщине)», но и «стесняться, стонясь свойственников и закрывая от них лицо». Базисное значение этого глагола, собственно говоря, не «рожать» и не «стесняться», а «соблюдать предписанные женщине ритуалы избегания» – в частности, при встрече со старшими свойственниками и при родах. И этот глагол связан с основой, которая имеет вид *kŋ:t-* и означает «уклоняться», «увёртываться» (1907с у Алатало).

1907b. Думаю, что неясность, которая упоминается в словаре, это не результат контаминации, а просто результат того, что рассматриваемый глагол образован от глагола под номером 1907 с помощью суффикса *-čŋ-*.

1911. Поскольку речь идёт о божестве, явно связанном с домом, семьёй, весьма вероятно, что это слово образовано от основы 1905 со значением «воспитать».

1912. Автор словаря никак не упоминает известную старую самодийскую этимологию этого слова (см., например, SW: 171). Конечно, возникает проблема в связи с начальным селькупским *q* на месте самодийского **w*.

1913. Можно думать, что указанное значение «сушить» передаёт семантику не вполне точно и что это, на самом деле, тот же самый глагол, о котором я говорил выше. В тазовском диалекте это *kəttu*- «заготавливать продукты на зиму», в частности «сушить рыбу». Это лишь подтверждает сказанное ранее в связи со статьёй 1903. Разумеется, сопоставление с камасинским словом следует снять.

1914. Вероятно, сложение из 1912 и 70.

1918. Наряду с формой *kotə*, следует реконструировать и форму *kota*.

1919. Конечно, ошибочно проставлена долгота гласного в самом последнем слове этой статьи.

1922. Скорее всего, к номеру 1921. Т.е. «паук» – это сложение с буквальным значением типа «мешок-старуха».

1930. Связь с 1916 вполне надёжна, статьи вполне могут быть объединены.

1935. Более точно значение этой основы зафиксировано в Тазовском диалекте. А именно, «делать зарубки, насечки».

1937. Эта основа в тазовском диалекте засвидетельствована с начальным *k*, а не *q*, не только у Доннера, но также у Прокофьева и в наших материалах.

1941 ~ 1945.

1944 и 1945. Можно допустить, что эти слова связаны друг с другом и содержат общую связанную основу *ku-*, что не противоречит возможности этимологической связи с ненецким *wada-*, которое тоже может быть производным от связанной основы *wa-*. Я был бы готов допустить принадлежность к этой же связанной основе слова, которое приведено в словаре Алатало под номером 1974, хотя гласный *i:* в тымской форме не вписывается в общую картину. Тем не менее, слово 1974 очень напоминает тазовское *ku:təl-*. Наконец, в связи с этой группой слов, укажу на возможную связь с 1752 «поводок».

1947b. В связи с этим словом с довольно неясным переводом, я обратил бы внимание на глагол *ку□тбы-* у Григоровского (см.).

1951. Может быть (такое происходит довольно часто) *q* в начале слова в единственной зафиксированной тымской форме записан ошибочно вместо *k*. Если это так, то я предположил бы производность данной основы от уже обсуждавшегося 1765 «натягивать». Что касается семантики, то можно указать на то, что, скажем, в русском просторечии «натягивать» имеет также значение «сношаться», «совершать половой акт».

1952. Конечно, это то же самое слово, что 1978, оно известно и Григоровскому в виде *кыдынгъ*.

1954 и 1955. Речь идёт, видимо, об одном и том же гидрониме. И в том, и в другом случае – обозначение наиболее крупной реки определённого региона, Кети и Васюгана.

1956. Наряду с указанной Алатало возможностью самодийской этимологии, я предложил бы ещё подумать об этимологической альтернативе, а именно – о связи с самодийской основой, приведенной в SW: 170-171.

1958. Чрезвычайно интересным представляется вопрос о возможной связи между этой основой и основой, поданной под номером 1485. Здесь перед нами, если такая связь существует, очень интересная и далекая от решения фонетическая проблема. Соотношение *k* : *č* в диалектах селькупского языка, разумеется, существует, однако обычно это связано с положением перед гласным типа *i*. Тем не менее, исключать возможность связи я бы не стал.

1959, 1959b, 1960. Слова со значениями «ударять», «закрывать» и «заливать водой, вызывая наводнение». Полагаю, что мы имеем дело со специфическими значениями одного и того же глагольного корня, приобретаемыми им в специфических контекстах. Очень интересные

дополнительные данные к тому же корню можно найти и у Григоровского, в диалекте Чаи присутствует та же полисемия.

1964. Гидроним, скорее всего, просто образован от номера 1962.

1967. Несомненно, глагольное производное от основы под номером 1768. «Причаливать» – это, собственно говоря, «становиться сбоку, примыкать к боку». Соответствующие формы представлены и у Григоровского, причём интересным образом, – с двумя типами фонетического облика: у него есть и *квеч(ч)и-*, и *кёч(ч)и-*.

1969. Думаю, что это – случай полисемии по отношению к 1968: *qü:tə* обозначает, собственно говоря, продолговатую, узкую часть предмета или такой же предмет – в частности, голенище или веретено. К этому основному значению можно свести и использование в 1969 в качестве географического термина, например, „углубление между двумя холмами“ (если это углубление имеет продолговатую форму).

1985. Предполагаю, что это слово содержит ту же основу, что и 1984. У меня нет в данный момент полностью убедительных примеров связи семантики «мало» с семантикой «сколько». Сравни, однако, устойчивую связь во многих языках между семантикой «много» и семантикой «столько». Кроме того, можно указать и на примеры эмфатического употребления слова «сколько» в русском языке, когда оно фактически приобретает значение «мало»: «Сколько тебе понадобится!» или «Сколько тебе жить осталось!» (в смысле – «тебе мало осталось»). Кроме того, замечено наличие полного параллелизма между основой 1985 и её производными и основой 1102, имеющей то же значение, и её производными.

1987. Конечно же, то же самое слово, что и 1986. Запись с начальным *q* вместо *k*, видимо, ошибочна, причём варианты написания с начальным *q* встречаются и в 1986.

1989. Конечно, к номеру 2043. Название деревни имеет буквальное значение «Собачья морда», что подтверждается и параллельным функционированием двух приведенных названий, из которых одно, буквально, означает «рот собаки», а другое – «лицо собаки».

1991. Выражение не переведено, но та информация, которая дана об этом выражении, заставляет склоняться к мысли, что в данном случае мы имеем производное от 1984.

1994. Это слово присутствует и в южноселькупском, например, у Григоровского в виде *кандь*.

1995. Здесь этимология тоже ясна, и она отражает этноним «ханты», что, кстати, подчёркнуто и текстом комментария у Доннера.

2001. Этимологический комментарий, указывающий на тюркский источник, возможно, слишком упрощает дело. Это слово очень широко распространено во множестве языков Сибири. Не исключено, что

несводимые друг другу диалектные формы слова 2001 восходят к различным, не только тюркским, источникам.

2002. Второе из полужирных слов на стр. 292 – это не отдельная глагольная основа *qualla-*, а формы опатива от заглавного слова статьи 2002.

2002. Я думаю, что группу, включающую в себя 3-е, 4-е, 5-е и 6-е по порядку слова на стр. 292, следует отделить от других слов, приводимых в этой статье. По-моему, формы типа *qoi-* или *qö:d'* фонетически не сводимы к заглавному слову статьи. Подобного рода формы встречаются и в материалах Григоровского, у него это, в частности, *кве□чику* и *ке□ску*.

2007. Предлагаю интерпретацию заглавного слова и приведенных без перевода примеров. Заглавное слово – это каузативно-фактитивное производное от 2002 «уйти». Это производное имеет приблизительное значение «позволить уйти», «упустить», «пренебречь». Подобная предполагаемая семантика, мне кажется, очень хорошо объясняет приведенные в этой словарной статье примеры.

2010. Мне категорически не нравится предложенное селькупско-камасинское сопоставление.

2015. Другое производное от этой основы встречается и в тазовском диалекте: *konar* «резьба, нарезка».

2016. Думаю, что материал этой статьи можно отнести к статье 2018. Значением, глагола *konajpi-*, является, вероятно, не «повторить», а «умножить». В примере, который здесь приводится – «я шаманил (или пел), а они умножали мои действия».

2022 __ 1760

2026. Да, конечно, это относится к 2023. Выражение *lōzal kondžal* буквально, видимо, означает «относящийся к чёртову корню», т.е. к чёртову семейству. Многие источники указывают на то, что селькупское слово «корень», как и в других языках, имеет также способность обозначать породу, группу, семейство и т.д.

2031. Думаю, что это недоразумение и что вторая часть приведенного там выражения *liʒ kundžu* – это не отдельное слово, а обычный в селькупском языке каритивный суффикс – соответствие, например, суффикса *-kun'čatal'* в тазовском диалекте. Соответственно, *liʒkundžu* означает что-то типа «без костей», «исхудалый», «настолько сухопарый, что и костей не видно».

2032b и 2034. Можно предположить, что эти два названия растений каким-то образом связаны друг с другом. Обращаю внимание также на то, что приводимый в статье 2032b компонент *kiʒs'ə-* мне не удалось найти в словаре в качестве отдельной статьи.

2036 __ 1765

2038. Сравнение с 1765 излишне. Это слово – просто то же самое слово, которое приводится под номером 1513. Не очень понятна только концовка *-šä* – возможно, это отдельное слово или суффикс.

2040. Слова с этой основой широко представлены и в тазовском диалекте, причём в разных фонетических вариантах с гласными *eʷ*, *eʷ̄* и *iʷ*.

2042. Думаю, что я разгадал центральное, ключевое слово этой статьи и приводимых в ней загадок. Это заглавное слово следует писать как *kiʷ innäl'* «находящийся вверху / на поверхности реки». Это очень подходит к содержанию загадок, где речь идёт о проруби и о морде запора. В первой загадке слово *te:rəd* упомянуто под номером 1287. Во второй загадке слово *pu:gä:rba* относится к статье 564, хотя там оно не упомянуто.

2046. С учётом междиалектного соответствия *k* : *č'* это слово следует, видимо, связать с номером 1508. Что касается семантики, то особенно интересны данные тымского диалекта по номеру 1508, где речь идёт о рамке (рамочных столбиках) в ловушке. Вполне естественно обозначение рамки ловушки (которая, кстати, часто называется «пастью») как её «губ», в соответствии с семантикой номера 2046.

2047. Думаю, что наиболее вероятно видеть здесь тот же глагол «ставить сеть», что и в номере 2036. Хотя некоторые элементы текста остаются неясными, но думаю, что ключевое выражение в этом, приводимом без перевода, тексте – это что-то вроде «непоставленное – поставил, невытащенное – вытащил».

2049. Можно предположить, что слово представляет собой тунгусо-маньчжурское или эвенкийское заимствование из пратунгусо-маньчжурского источника ороцкого *кээнди*- «загородить» и близких слов (Сравнительный словарь т.-ма. языков. Л., 1975. Т. 1: 448) или из монг. источника монг. *гинж* «цепь, кандалы », ср. из монгольского эвенк. *гинджи* (Сравнительный словарь...1: 153). Об этой этимологии идёт речь в подготавливаемой мною совместно с Аникиным работе о самодийско-тунгусских этимологиях.

2053. Во-первых, по-моему, никуда не годится сравнение с камасинским словом. Во-вторых, это интересный случай сосуществования фонетических вариантов с чередованием *иэ* ~ *о* в первом слоге, как и в некоторых других случаях. Интересные формы к 2053 есть у Григоровского: *кочь* и др. Маленькая поправка к тексту Доннера на стр. 300 в первом абзаце: там стоит „Schutz in der linken Hand“, должно быть, конечно, „Schutz auf der linken Hand“. Это устройство, которое не берётся в руку, а надевается на запястье.

2054. При втором слове этой статьи ошибочно названы некоторые названия месяцев, которые в действительности содержат не *č'*, а твёрдый *č*, и связаны с тазовским селькупским словом *katty* «рыбозаготовки», о котором я уже говорил в связи со статьей 1903. Несомненно и многократно подтверждено экспедиционными данными, что в селькупском языке названия мая, июня – от этой основы. «Месяцы заготовки рыбы» – так понимают и переводят эти названия сами селькупы.

2055 __ 1740

2055. Основное значение этого слова (в связи со следующим комментарием к 2056) – «присоединить, соединить вместе, сцепить».

2056. Думаю, что это просто 2055 и что в приводимых контекстах речь идёт о соединённых, сцепленных друг с другом поселениях. Говоря современным языком – о городских аггломерациях.

2058. Думаю, что фонетически следует ориентироваться не на тымские формы с *q*, а на чаинские формы с *k* и что в данном случае речь идёт о дуративном производном от той же основы 2055 «сцеплять» и т.д. «Собаки спариваются», буквально «собаки сцепляются».

2059 — 1768

2059. Это тоже производное от 2055 «сцеплять». В данном случае – наречие со значением «цепью, в ряд». Однако и отсылка Алатало к статье 1768 *qö*: «сторона» тоже имеет под собой все основания, поскольку слово 1768 имеет фонетически сходное производное со сходным значением «рядом, близко», которое приведено в качестве последнего полужирного слова статьи 1768. Скорее всего, мы имеем дело с одинаковыми с точки зрения суффиксального оформления адвербиальными образованиями от двух разных основ 1768 и 2055.

2060. Конечно, совершенно замечательное дополнение к самодийской этимологии из SW, стр. 29. Как и в двух других случаях с начальным сегментом сам. **wo-*, мы имеем развитие *w* в *k* в селькупском языке и утрату согласного в других самодийских языках. Непонятно, зачем здесь Алатало понадобилась отсылка к 1740, – это совершенно другая самодийская этимология.

2061. Это ономатопоэтическое слово представляет собой просто заимствование из русского языка. В русском языке *кутя*, *кутёнок* «щенок». К тому же славянскому источнику восходит, кстати, и венгерское *kutya* «собака». Разумеется, никакой прямой связи между венгерским и селькупским словами нет.

2064 Слово «затылок» присутствует и в материалах Гргоровского, а именно – как *писсукъ* «обух топора», где второй элемент *сукъ* – это именно «затылок». Наличие формы в чаинском диалекте у Григоровского показывает, что, во всяком случае, речь не может идти о енисейско-кетском заимствовании, связанном с контактами между современными енисейскими кетами и северными селькупцами.

2064. Первый компонент слова в практически тождественной форме представлен у Григоровского: *кытерэ* □ «сор».

2069. Это слово известно и тазовскому диалекту: *qä:čä-* «подходить», «нравиться». Хочу обратить внимание на одну фонетическую тонкость, которая требует дополнительных размышлений. Дифтонг *йә* после *k* реконструируется как в слове 2069 (и в соседнем 2070), так и в номере 3014. Однако, в случае 3014 тазовско-селькупское соответствие содержит не *ä:*, а *ö*. Это различие заслуживает объяснения, которое я в данный

момент предложить не могу. Возможно, следует соответствующим образом скорректировать общеселькупские архетипы.

2071. Мне приходилось писать о вероятном тунгусо-манчжурском происхождении селькупского вопросительного местоимения *qaj* «что», в частности, это можно найти в Хелимский Компаративистика. Уралистика. ...2000: 281. Что касается архетипа этого слова, то я бы предпочёл писать *qaj*, а не *qaji*, как это делает Алатало. Существенным в данном случае являются, например, формы локатива к этому слову. В тазовском и во всех других диалектах зафиксированы формы типа *qajqən*, а не *qajo:qən* (как ожидалось бы при исходном **qaji*). Наконец, к последнему абзацу статьи 2071: слово имеется также в тазовском диалекте в виде *qäntək* (стяженная форма из *qajntək*).

2072. Следует признать, что наряду с архетипом с кратким *a* имеются и формы с долгим *a:* в первом слоге. В частности, мы имеем в слове «слеза» постоянно долгий открытый *oa* в тазовском диалекте. Я не стал бы исключать, что происхождение этого второго варианта с долгим *a* вторично и с высокой долей вероятности вызвано контаминацией с основой 2074 «закрывать», в особенности «закрывать глаза». Долгота гласного *a* могла развиться под влиянием этого контаминационного фактора.

2074. Хочу обратить внимание на то, что в тазовском диалекте в конце глагольной основы стоит не *ə*, как предполагает архетип Алатало, а *ä*.

2076. По-моему, во всех селькупских диалектах речь идёт, в первую очередь, о ясном безоблачном дне, поэтому более точным будет перевод не «*helligkeit*», как там написано, а «*heiter*».

2079. Если предположить, что гласный в чаинской форме записан не вполне точно, то это может быть то же самое слово, что 2139 «богатый человек». У Григоровского тоже были трудности с фонетической фиксацией слова «богатый» и его производных.

2085. Предпоследнее и последнее из полужирных слов этой статьи относятся, по-моему, не сюда, а к той группе слов, которую я предложил отделить от 2002 и рассматривать отдельно. Это то, что в Таз. *qoiš-*, или *qoniš-*, или *qöš-* и т.д.

2088. Самодийская этимология ошибочна, слово представляет собой эвенкийское заимствование. Это отмечено у Ирикова,- в эвенкийском *гујаавун* «биток для сбора ягод» и подобное. Об эвенкийском происхождении селькупского слова я сообщил Аникину, отметившего его в работе Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва, Новосибирск, 2000: 161.

2089. Мне известны относящиеся сюда формы у Григоровского, начинающиеся с *кюга-*. Поэтому я склонен думать, что архетип с *l'* воспроизведён неточно, скорее, речь идёт о чём-то вроде *кујга-*.

2090. Думаю, что от сравнения с хантыйским словом следует отказаться, поскольку не только нет соответствия в фонетике (вокализм), но есть и очень большое различие в денотатах. Гагара-тенярка не имеет ничего общего с глухарём.

2094. Чистая ошибка. У Доннера ошибочно в начале второго слова повторен конечный согласный первого. Второе слово – просто № 344 «живут». Само выражение означает «живут без еды».

2096 __ 1735

2097. Алатало нигде не объясняет используемый им в архетипе этой статьи символ для гласного *â* (сверхдолгий *a*). Во втором абзаце этой статьи неправильно разложение формы в тымском диалекте *kagale:d*. Второй компонент не начинается с *l*, а представляет собой основу № 102, «кладбище» это буквально «деревня, поселение мертвецов». Эта ошибка с выделением *leʒə* вместо *eʒə* впервые встретилась где-то у Кастрена.

2100 __ 1739

2100 и 2001. Это просто одно и то же слово. В селькупском языке один и тот же глагол используется для обозначения разного рода действий, совершаемых с помощью опоры, рычага. Это значения «рулить», «управлять лодкой»; ведь селькупы пользуются для этого не рулём, как в автомашине, а шестом, палкой для отталкивания, или специальным рычажком, приделанным к лодке. Далее, сюда же значения «корчевать» и «поднимать с помощью рычага».

2100. Предполагать здесь гласный *ə* между *l* и *m* излишне.

2102. Слово следует писать с долгим *a:*, на что, в частности, указывает форма в тазовском диалекте *qoaqəltək*.

2111. Хочу отметить как особо трудную для интерпретации статью словаря.

2119. Хотелось бы подтвердить, что это слово засвидетельствовано в тазовском диалекте с *o*, а не *u* не только у Доннера, но и в наших экспедиционных материалах.

2121. Предложенная Алатало новая селькупско-нганасанская этимология противоречит не только общепринятому его толкованию как производного от *kiʒ* «речка», но противоречит и моему чувству селькупского языка в той мере, в какой оно у меня есть. Хотя селькупско-нганасанское сопоставление интересно, я бы не стал утверждать, что соответствие *-ä* в селькупском и *-aj* в нганасанском в конце слова действительно сколь-нибудь регулярно.

2122. При всей неясности приводимых текстовых примеров, я сильно подозреваю, что 2122 – то же слово, что 2124. Причём, 2124 представляет собой производное от 2122 в сложении с селькупским словом *ira* «мужчина».

2126. Приведенная для сравнения форма в тазовском диалекте *qä:qutru-* имеет чисто ономатопоэтический характер и вряд ли сюда относится, в частности, по фонетическим причинам.

2132. Думаю, что в комментарии Доннера ко 2-му абзацу что-то спутано. Речь идёт не о каменных топорах, которые селькупы якобы находят, пусть это остатки доисторических времён, а о так называемых «белемнитах». Другие названия в русском (диалектные по происхождению) – «чёртов палец» или «чёртова стрела». Кроме того, во многих языках (кажется, и в русском) имеются обозначения камней-белемнитов как «громовых стрел». Насколько я знаю, с деятельностью первобытных людей эти камни непосредственно не связаны. К 3-му абзацу: я не уверен, что следует, как это делает Алатало, предполагать в общеселькупском архетипе сохранение конечного согласного *-ŋ*. В конце концов, мы не находим его ни в одном селькупском диалекте. Поэтому и в качестве общеселькупской формы для слова со значением «гром» можно принять не *qa:ləl' nom*, а просто *qa:l' nom*.

2133. В тазовском диалекте это слово записано в виде *qa ʔyta ʔ*; но возможно это неточность записи или произношения информанта.

2136 __ 1739

2136. Согласен с Алатало, эта основа действительно должна быть отнесена к основе 1739, от которой, как я уже говорил, есть целый ряд более или менее вероятных интересных производных: 1875, 2100, 2312, и т.д. Основа 2136, возможно содержит суффикс узуальной совершаемости *-ki-*.

2138. Думаю, что с этим словом связано, являясь, возможно, его сокращением или искажением, другое название крота, которое можно найти в статье 2345: тымская форма, а также *kala:n* «крот» у Григоровского.

2142. Вероятно – оноματοпоэтическое, звукоподражательное слово. Как объясняли мне тазовские информанты, «этот гусь кричит «*qoŋ, qoŋ, qoŋ*»».

2146 и 2150b. Эти слабо засвидетельствованные и насколько мне известно, не представленные в тазовском диалекте слова-основы следует рассматривать вместе.

2148. Данное название тумана имеется в том же виде и в тазовском диалекте.

2162. Здесь вопрос скорее технического характера. Если Алатало, с полными на то основаниями, отождествляет 2162 «поплавок» с 2160 «кора», то почему две словарные статьи, а не одна? И в том случае, если это рудимент первоначальной редакции словаря, лучше было бы пропустить в нумерации № 2162, а весь материал, соответственно, перенести в 2160.

2164. В этом случае мы имеем сложение со словом «кора» в 2160.

2169. Мне тоже известно из наших материалов старое родовое название одного из подразделений селькупов *qoasəl' tamtar*. При этом информанты интерпретировали это название не как «род окуня», (так у Доннера, хотя слово со значением «окунь» имеет не *ə*, а *a* во втором слоге),

а как «род кедровки», что тоже проблематично, потому что «кедровка» по-селькупски *qoasərä*.

2170. Данное слово (см. также рисунок) представляет собой сложение 2-х компонентов, из которых второй – старое и, утраченное в селькупском название стрелы типа *n'i*; первый же означает что-то типа «раздвоенный», «расщепленный». Сюда же, несомненно, следует отнести и название «ножниц» в 2171.

2173. «Казак» нет нужды отделять от № 2172 «русский». Первые русские, приходившие в разные регионы Сибири, нередко и были казаки. Последний абзац в 2173, по-видимому, пример из тымского диалекта. У Доннера означает «ты прыгаешь, как русский».

2176. Во 2-м абзаце представлено слово со значением «покрыться коркой», в частности, «покрыться коркой запекшейся крови» (о ране). Конечно, это производное от уже много раз упоминавшейся основы 2160 «кора».

2177. Следует объединить с 2167. «Охладиться», «поостыть» – с одной стороны и «остановиться», «прекратить» с другой. Это одно и то же слово, и вторая группа значений представляет собой просто переносное употребление значений из 2167. Сравни по-русски «поостынь» (в смысле «прервись», «прекрати», «подожди»).

2185. Точное самодийское соответствие имеет не только само название «железо», но и производное от него название «скребка» в последнем абзаце. В ненецком языке, напр., *есей*.

2188. Думаю, что это какое-то недоразумение или, может быть, результат ошибочного вычленения одной из форм слова 1915.

2190. В тазовском это слово устойчиво выступает с двойным геминированным *c*: *qossə*.

2191. Слово со значением «плохой». Мне давно хотелось подробно рассмотреть этимологию этого слова. Выше, при рассмотрении №1746, что от других слов этой статьи должна быть отделена основа *qoši*, которая употребляется в различных местоименных контекстах типа «меня», «меня самого», «для меня», «на мой взгляд» и т.д. Как я там уже сказал, это слово имеет отдельную самодийскую этимологию и связано с ненецким *ханзо* «польза» и т.д. Прасамодийская основа **kansV* с первоначальным исходным значением «выгода», «целесообразность», откуда выводятся и значения этой основы в её местоименном употреблении. «Для меня» ~ «в мою пользу», «по-моему» ~ «по моей целесообразности» и т.д. Эта селькупская основа *qjšV* или *qoši* даёт все основания и для объяснения основы 2191 «плохой», а именно, обращает на себя внимание то, что во всех селькупских диалектах представлены и употребляются особенно в полном стиле речи образования от этой основы с каритивными суффиксами, а именно *qošəkal* (наречие «плохо») и *qošəkətəl'* (прилагательное «плохой»). Названные формы *qošəkal* и *qošəkətəl'* имеют несходное значение, в соответствии с предложенной выше этимологией,

«бесполезный», «никчемный», «ненужный», то есть «плохой», и «без пользы», «никчемно», то есть «плохо». Именно эти 2 формы и явились основанием для развития других, фонетически более простых, образований тоже со значением «плохой», это то, что написано как *qošək* или, в тазовском диалекте, наряду с *qoškətəl'* «плохой», имеется и слово *qoštal'* «плохой». Эти более простые формы *qošək*, *qoštal'* являются простыми сокращениями, искажениями исходных каритивных форм. Доказывается это ещё и тем, семантика форм типа *qošəkətəl'* и форм типа *qošək* совпадает, а не противоположна, а именно противоположную семантику следовало бы ожидать, если бы *qošəkətəl'* было образованием с каритивным суффиксом от *qošək*.

2192. Мы имеем адвербиальное производное от основы 2189. Я в этом не уверен, т.к. в этой группе частица со значением «-нибудь (кто-нибудь, что-нибудь)» выступает в разных формах. В тазовском это *qos*, *qoš*, *kos*, *koš*. В этой группе трудно разграничить исконные элементы и элементы, заимствованные из русского языка, из русского *хоть*.

2194. Могу сделать предположение (проблематичное) о том, что в данном случае мы имеем производное от большой глагольной группы с основой *qo-* (№ 1749), хотя в этом случае словообразование, а именно, суффикс *-sə*, остаётся неясным.

2194b. Несомненно, «ушастая мышь», т.е. мы имеем производное с суффиксом обладания от слова *qo*: «ухо».

2195. Это название (речки или деревни) енисейского происхождения и включает в себя кетско-енисейское *ses* «речка».

2196. Слово известно и в тазовском диалекте, причём, по моим данным, с кратким *o* в первом слоге *kosər* «игральная карта», «карты» как игра. Разумеется, русская этимология (из рус. *козырь*) верна.

2197. Мне давно хотелось написать об этимологии этого слова. Селькупское название «мамонта» 2197 *košar* имеет, по моему предположению, уральское происхождение и связано с присутствующим в финно-угорских языках названием «клыка». Уральская праформа имеет вид типа **won'c'Vr*. Рефлексы этой основы хорошо известны, в частности, это коми *водзир* и венг. *agyar* «клык». Эта этимология имеет определённую этноисторическую и естественноисторическую значимость. Первичным следует считать название «клыка», а название «мамонта» – вторично, это название, в первую очередь, ископаемых клыков мамонта, мамонтовой кости. Известно, что мамонтовая кость – наиболее частая находка, и, учитывая её промысловую ценность, наиболее экономически значимая часть останков мамонта. Указывает это ещё и на то, что, по-видимому, предки селькупов, в отличие от более поздних сибирских народов, лучше разбирались в анатомии останков мамонта и понимали, что мамонтовая кость – это бивни, клыки мамонта, а не его рога, как считали в более позднее время многие сибирские народы. Некоторое осложнение в связи с этой этимологией возникает только в связи с тем, что у финно-угорского

слова **won'c'Vr* имеются индоевропейские параллели, и, если не ошибаюсь, Семереньи в одной из своих работ предполагал, что это финно-угорское слово является индоевропейским заимствованием. Это никоим образом не ставит под вопрос предложенное мною финно-угорско-самодийское сравнение.

2198. Производное от той же основы, другие производные о которой представлены в № 2199.

2202. Общесамодийское происхождение имеет не только заглавная основа этой статьи, но и по крайней мере одно из производных. У Григоровского имеется слово *ку□ссере* «сухое озеро», а это точное соответствие ненецкого слова *хосерей*.

2202b. Очень интересное этимологическое предложение Алатало, которое даёт ключ к пониманию и приведенных в статье 2202, и, насколько я помню, еще нескольких селькупских форм.

2205 до 2207. Хотел бы обратить внимание на то, что в тазовском известно одно интересное слово, которого я не нашёл в словаре Алатало. Это слово *ку:sə* «сатана», «главное злое божество». Я писал о *ку:sə* в «Мифах народов мира». Не стал бы исключать, что некоторые из слов 2205-2207 имеют какое-то отношение к этому теониму.

2212. Всё в порядке, за исключением примера из *Lehtisalo*, который сюда не относится. Это отдельное слово, известное в тазовском в виде *quqsə* «запах детской мочи».

2215. Из тазовского известно слово *kissə* «тень», «затенённое, не находящееся на солнце место». Обращаю внимание на геминату в селькупской форме.

2216. Непосредственным источником слова является хантыйский язык, куда однако попало из коми.

2220. Возможно объяснение этих, не вполне ясных форм кетского диалекта может дать сопоставление с тазовским. Здесь известно такое слово *qarräqal' ~ qaräqal' ~ qarəqal'* «очень сухой», «пересохший» (о древесине).

2224. Очень трудно разобраться с начальным согласным этого слова. Колебания между *q* и *k*, в том числе и в тазовском. Я постоянно слышал и писал это слов с *k*, также, как и Прокофьев. Однако Ириков записывает это слово с *q*. Если всё-таки верно, что исходен в этом слове *k*, а не *q*, то можно думать о связи с 2227.

2225b. Замечание касается процесса редукции гласных в селькупском языке. Запись Дульзона из парабельского диалекта восходит не к форме *qarəpsin* (последняя вряд ли реальна), а к заглавной форме статьи, но с выпадением редуцированного гласного во втором слоге, т.е. к *qarpsin*.

2225b. Это слово представляет собой имя действия, образованное от самодийской основы, которая приведена в SW: 55 – **kəra* «припугнуть», «подогнать».

2228. Сюда не относится форма из 2-го абзаца. Это то же самое, что таз. *seŷpəl' qary* «осенние утренники», «первые заморозки». Соответственно, вторая часть этого словосочетания – название «утра», 2217. О первой части этого сложения, собственно, слове 2674. С точки зрения современного тазовского диалекта оно представляет собой адъективное производное от *seŷpə* «иней», «изморозь». Исторически однако дело может обстоять сложнее. В тазовском, наряду с указанным названием «иней», «изморози», представлены и глаголы со значением «заиндеветь» □ *seŷri:-* и *seŷrəčə-*. Наличие этих глаголов говорит о том, что здесь присутствует общая основа *seŷr-*, которая непосредственно связана с прасамодийским **seŷr* «лед» (SW: 138) Возможно, история здесь такова. Непосредственно от названного самодийского слова был образован глагол *seŷr-* «обледенеть», «заиндеветь», который непосредственно не сохранился, сохранились только названные выше 2 производных глагола, и сохранилось обычное причастие от этого глагола *seŷpəl'* «заиндеветый», «заиндевелый». И уже от этого причастия, путём обратного словообразования, переразложения, возникло более короткое существительное «иней». В современном языке *seŷpəl'* «заиндеветый» воспринимается как прилагательное к *seŷpə* «иней», хотя исторически это причастие к *seŷr-* «заиндеветь».

2236. Этот ороним образован от 2234.

2246. Сюда же нужно отнести слово из тымского диалекта, представленное в 1168, □ *kuər*. Предложение, в котором оно представлено в той же статье, значит «ты так много спал, что даже у твоих глаз мездра опустилась (т.е. веки опустились)».

2249. Учитывая семантику таз. *keŷ:rə-* «подогнать», было бы очень соблазнительно непосредственно связывать его с прасамодийским словом с тем же значением, которое рассматривается в SW: 55 и которое уже упоминалось в связи с № 2225b. Однако, в данном случае есть фонетическое препятствие: прасамодийский *ə* даёт в селькупском языке краткий *a*, как в 2225b, но, насколько мне известно, не должен развиваться в дифтонг *uə*, как в № 2249. Но, может быть, существует какое-то фонетически адекватное решение этой проблемы.

2250. В абзаце с 5-тым полужирным словом этой статьи представлены 2 различные формы, из которых одна (глагол «востребовать») действительно связана с заглавным словом этой статьи, а дальнейшие примеры отражают глагол «приказать» из № 2303.

2251. Для меня остаются неясными критерии, побуждающие Алатало в этом и ряде сходных случаев предполагать, что самодийский архетип был трёхсложным, а не двухсложным. Я бы предпочёл писать заглавное слово статьи как *kuərn'ä*.

2253. Видимо, существует какая-то связь между этой статьей и 2256.

2255. Мы имеем, по-видимому, не отраженную в литературе, но для меня давно очевидную самодийскую этимологию. Речь идёт об

общесамодийском слове с праформой (реконструкция условна, хотя где-то у меня были записаны соображения по этому поводу) *wäarmə. Это слово отражено в северносамодийских языках как ненецкое *jarv*, энецкое *biomo*, нганасанское *baarbə* – «хозяин». Восходящее к этой прасамодийской форме селькупское слово имеет значение «старший брат жены» (например, в тазовском диалекте). Такая семантика связана с определёнными традициями, при которых зять некоторое время проживал в семье своей жены, и таким образом брат жены являлся для него «хозяином».

2257. Слов, начинающихся на *klor-*, так много, что этимологические решения крайне затруднительны. Это касается не только селькупского языка. По поводу 2257 могу сказать, что, кажется, в эту статью включены несколько не связанных друг с другом непосредственно, форм. Я бы разделил слова со значением «поверхность», «оболочка» и слова со значением «лабаз», «амбар». Также те слова, которые приводятся при втором из полужирных слов, следует скорее сопоставлять с материалом статьи 2276.

2258b и 2261. Продолжение той же проблемы многочисленных слов с началом *klor-*. Я бы готов был допустить тождество 2258b и 2261. Несомненно, что тонкие корневища точно так же могут использоваться вместо верёвок для связывания, как и лыко (сорга).

2264. Само существование слова вполне надёжно подтверждается тем, что в тазовском хорошо известно слово *kora* «изгиб». Полагаю, что сюда же относится и материал статьи 2274, поскольку есть возможность интерпретации выражения *pin qoraŋ ma:ndži* «поздний, ночной час» (Кеть) как «время поворота ночи» = «время, когда ночь поворачивает от вечера к утру, полночь».

2276. Связь с русским «гроб», действительно, не вполне очевидна, не менее вероятна непосредственная связь со следующим словом 2277, а также с одной из групп слов, включенных в статью 2257.

2282. Предложенное в квадратных скобках сравнение с 2266 следует отвести. В 2266 мы имеем глагол «пороть», «распарывать», а в 2288 – «тесать». Это два разных технологических процесса.

2283. Начальное *q*, скорее всего, по ошибке вместо *k*, и слово должно быть отнесено к статье 2290.

2288 и 2292. Статьи следует объединить. Я бы также предложил подключить к этим двум статьям и № 2294. Семантика, конечно, весьма различна: 2288 и 2292 – названия елового или кедрового леса, 2294 – название демонического существа, ведьмы, кикиморы. Однако обращаю внимание на совершенно аналогичную полисемию в паре слов, которые в словаре Алатало фигурируют под номерами 853 и 854. № 853 – кедрвая сосна, № 854 – некий лесной дух. Выглядит и то, и другое слово одинаково: *massu*. Соответственно, мы имеем полное фонетическое тождество и в случае 2292 и 2294.

2298. Вполне согласен с предположением о том, что слово должно быть отнесено к статье 2290.

2306. Скорей всего, слово представляет собой заимствование из русского *круго* □ м. Русское слово, судя по данным Словаря русских народных говоров (СРНГ), имеет в диалектах общеусилительное значение типа «всё время», «постоянно», «очень». Это хорошо объясняет и семантику селькупских примеров. Кроме того, можно указать на семантику родственного слова *круговой* в русских диалектах, которое имеет, в частности, значение «суматошный, ненормальный, помешанный, непоседливый, общительный и т.д.», т.е. довольно близко к значению «бедовый», которое приведено для статьи 2306.

2308. Похоже, что селькупское слово для «раны» имеет самодийское происхождение, сравни нган. *biria* с тем же значением. Селькупская и нганасанская формы могут отражать сам. **wi*ʒ-.

2312. Как и предполагает Алатало, это то же самое, что 2311. Первое приведенное предложение из кетского диалекта означает, по-видимому, «задрал кверху пол с двух концов, он сдёрнул его». В этом примере *körle* «сдирая, обдирая».

2315. Как и в № 2251, остаются непонятными критерии, которыми руководствуется Алатало при реконструкции трёхсложной основы с гласным *ə*, а двухсложной основы без такого гласного. Одной только формы в карасинском диалекте у Кастрена недостаточно, чтобы обосновать эту реконструкцию. Возможно, Алатало имеет на этот счёт специальные соображения, неплохо было бы тогда их сформулировать.

2316. Обе предложенные в словаре интерпретации основы ошибочны. Слово должно рассматриваться как *ki*ʒ~~ə~~*psa* и представляет собой имя орудия действия по глаголу из статьи 2311 и то же самое – 2312. Т.е. 2316 следует объединить со статьями 2311 и 2312. В 2316 суффикс имеет вид *-psa*.

2324. В тазовском диалекте всё же различаются два слова. С одной стороны *ke*ʒ~~ə~~ «аргиш, караван нарт», с другой – *kerə* «стая».

2328. Алатало делает отсылку к 2398, но я бы обратил внимание ещё и на 2300.

2332. Не проверяю, но нет ли похожего слова в хантыйском языке?

2335. Может быть, сложение 2318 (>*kər*) + 2618 + 385.

2342 __ 1739

2342. Уже упоминалось, что это следует отнести к № 1739. Думаю, что в реконструкции общеселькупского архетипа заключённая в скобки часть, как и во многих других случаях, излишняя. Дальнейшие примеры вынуждают меня вновь вернуться к идее о выпавшем гласном второго слога в ряде первоначально трёхсложных основ, которую имплицитно проводит в словаре Алатало, не дав пока на эту тему соответствующих разъяснений.

2350. Мы вновь видим тот же случай, что и в 2342, я бы здесь тоже обошёлся без гласного и во втором слоге предлагаемого Алатало селькупского архетипа. Интересен, наконец, случай 2372 «большая река», где Алатало воспроизводит не *qoltu*, а *qolattu*. По крайней мере одно из оснований для такой реконструкции мне понятно. При непосредственном контакте *l* и *t* следовало бы, учитывая особенности морфологии селькупского языка, ожидать не *qoltu*, а *qolču*. Но полагаю, что здесь возможны и другие решения. Не будучи уверенным, я думал всегда и не готов вычеркнуть идею о том, что в прошлом в селькупском языке могло существовать разграничение двух *l* и двух *n* того же типа, что и в хантыйском языке. Если это так, то в слове 2372 следует реконструировать другое, более редкое *l*, которое не вызывало перехода последующего *t* в аффрикату *č*. Суммируем: идея о редукции второго, обычно открытого слога в сложных основах, возможно, имеет под собой основания, хотя в любом случае это явление ещё праселькупского уровня. Но во-первых, Алатало должен обосновать эту идею, а во-вторых, ему следует подумать, не злоупотребляет ли он ею.

2353. С учётом известных мне тазовских данных, это формы с *a* и с *o* во втором слоге. Общеселькупский архетип следует воспроизводить как *kalpon'*.

2356. Проблематичная и явно взятая из фольклора интерпретация. Возможно, это специфическое употребление слова № 2355.

2362. Последние 3 полужирных слова следует отделить от статьи. Кроме того, целесообразно отделить 1-е и 3-е с конца полужирное слово от 2-го с конца полужирного слова, которое представляет собой хантыйское заимствование.

2363, 2364, 2395. Эти три статьи следует объединить.

2366. Из материалов Доннера, как и из наших, следует форма с удвоенным *l* – *kolla*. К этой же статье относится слово *кола*□*n* «рукав» у Григоровского.

2374. Здесь какая-то путаница и недоразумение, и слово из последнего абзаца относится к 2373.

2376. Это название озера, из которого течёт река Таз, мне не знакомо. Можно предположить, что оно образовано от тазовского *ku*: «лямка», потому что озеро в верховьях реки – это место, где проходит волок, где приходится впрягаться в лямку и перетаскивать лодку через водораздел.

2381. Судя по облику и значению слова, *kullən'ik* «волостной кассир» действительно должно быть русским заимствованием. Однако *голдovник* «арендатор» (см. Даль) как источник вызывает фонетические и семантические трудности.

2383. Слово представлено и у Григоровского, причём в виде *клока*. Вряд ли из русского «кулак».

2384. Несомненно славянское заимствование, ср. *ключ* в значении «стая птиц, летящих друг за другом, составляющих фигуру, подобную острому углу, одна сторона которого короче другой», «ключ, вереница птиц» (Гринченко Слов. укр. языка. Т. II). Либо данное значение известно и русским говорам Сибири (хотя не отмечено у Даля, в СРНГ и т.д.), либо в данном случае отражено влияние языка переселенцев в Сибирь с Украины.

2391. В русском языке *кила* «грыжа» или «нарост на дереве или корнях растения». Заимствовано в ряд сибирских языков (см. «Словарь русских заимствований в языках Сибири» Аникина, стр. 262). С учётом этого, возможно, селькупское слово следует записывать как *kila*, а не *kiʃa*.

2394. Может быть и это слово следует объединить со словами 2395, 2363, 2364.

2400. Мне приходилось высказывать предположение (см. Хелимский 2000: 240) о том, что источником этого слова является тунгусское *ke:lö:me:* или *ke:le:me:* «работник, слуга».

2406. Русский источник не «хрѣст», а «крѣст».

2409. Думаю, что часть материала здесь проинтерпретирована ошибочно. Это касается, в частности, примера в 4-м абзаце, начинающимся с тымской формы *sombəla*. Я не вижу здесь никакого адъективного образования от слова *sa:* «смола». Речь идёт о длине в 50 деревянных брёвен. Это может быть, напр., измерением высоты или длины деревянной бревенчатой стены. При этом и разложение в примере неверно. Нужно объединять не 2-е и 3-е слова в записи фразы, а 1-е и 2-е, – вместе это слово *sombəlasarər'* «пятьдесят». При счёте предметов, как известно, употребляется адъективная форма названий десятков, что характерно для Таз. и, по-видимому, и для Тым. 3-е слово это «деревянный», дальше идёт слово «балка, брус, жердь», № 1060, потом слово «длина» и «измерили». Т.е., они намерили длину в 50 деревянных брусков.

2418. В Таз. мне известно и дополнительное употребление слова *seʃ*, встречается также *seʃ:*, из которого видно, что его базисное значение – «вместилище, хранилище», а не только «гроб». Это базисное значение подтверждается производным, отмеченным у Алатало, *seʃ:ssan* «амбар, лабаз», а та интересная форма, о которой я говорил – это таз-сельк. *toamtät seʃ* «устрица», буквально – «гроб лягушки», но информанты объясняют, что речь идёт о ракушке моллюска. Во всяком случае, «вместилище, коробочка» подходит больше, чем «гроб». – Правильным будет отнесение к той же основе 2418 примеров из 2419. Здесь подтверждается это тем, что слово 2418 часто употребляется в различных мифологических контекстах, а также и в бранной лексике.

2421. Эти выражения – частный случай употребления слова «язык». Ладонь буквально обозначается как «язык руки», створки запора – как «язык запора», причём практически идентичное употребление имеется и в статье 2420, там речь идёт о том, что слово «язык» переводится в материалах Сирелиуса как «отверстие верши». Возможно, сюда же относятся и слово из 2-го абзаца, это тымская форма с очень сложной записью, в которой Алатало отождествляет первую часть как «лом» (поваленные деревья), отсюда образовано одно название деревни по Тыму. Топонимы интерпретировать нелегко, но я бы хотел обратить внимание на то, что, судя по этой

сложной, с обилием **диакритик**, записи тымского слова у Доннера, получается, что 1-я часть отождествляется не со словом «древесный лом», а с № 2132 «гром». Соответственно, сочетание *qa:kše:* может означать «язык грома», т.е., например, удар грома или даже молния.

2422. Мне уже приходилось писать об этом в статье о форме у Миллера и о самоназвании селькупов, которая опубликована в изданных мною материалах миллеровского симпозиума на съезде финноугроведов в Йошкар-Оле, и опубликовано это как 3 том в моей гамбургской серии. Воздерживаюсь сейчас от повторения дополнительного материала и этимологических соображений, изложенных в этой работе, но он имеет прямое отношение к 2422 и 2657. Напомню, что в комментарии к 1689 я коснулся и глагольного производного от 2422 «властвовать, хозяйствовать».

2424. Здесь, в отдельных полужирных словах, мы имеем чередование типа *ö-ö:~ü:*, которое сопоставимо с чередованием, которое мы наблюдаем в области заднерядных гласных рефлексов прасамодийского *a*, это чередование между *o~u~i:~ie* и т.д. Но эти вопросы требуют рассмотрения; хочу напомнить о том, что идею о селькупском чередовании *ö-ü:* выдвигал в своё время Катц в статье о селькупском аблауте. Постулировал он это чередование как некоторый эквивалент количественного чередования, имевший место, поскольку гласного *ö:* в системе, на его взгляд, не было.

2425. Производным от этого глагольного корня «скоблить» является № 2709, именная основа «наскобленная стружка».

2428. Сюда должен быть практически целиком, за исключением только самой первой формы, перенесен материал статьи 2576. – С выделением элемента *ši*, стоящего после *qo* в материале из 1746, как я там уже говорил, я не согласен, эти формы к 2428 никакого отношения не имеют.

2429. Вызывает сомнения интерпретация селькупского названия водяники как «соболиной ягоды». О ягодных пристрастиях соболей, специально – к водянике, ничего не известно. Название «водяника» выступает в сильно колеблющихся формах, что затрудняет этимологическую интерпретацию. В частности – в Таз. перед словом *topar* стоит в имеющихся записях и *ist* и *isl'*, и *šit*, и т.п. Бывают и формы с долгой гласной. Более вероятной является связь названия водяники с 2430 «пена». Но я не стал бы исключать того, что это вообще отдельное слово, иного происхождения, которое просто способно народноэтимологически контаминировать с разными основами.

2430. Думаю, имеет смысл выделить слово *po-čarä* с вариантами в качестве отдельной статьи, что в словаре Алатало не сделано. Оно выступает только как второй компонент в сочетании с *ši:* и обозначает «пену, пенистую массу», выступает только в этих сочетаниях, а не как отдельное слово. Однако на его самостоятельность указывает, в частности, известный мне из Таз. вариант, где перед этим словом стоит *ši:l'* – адъективная форма слова «пена».

2434. Предположение Алатало о выделении, наряду с формой заглавного слова *šarəq* ещё и формы с гласным *iš* в 1-м слог, подтверждается данными Григ., у него «крючок, удочка» записано как *сибы□гь*. – Думаю, что ошибочно воспроизведены архетипы двух глаголов. Это 2 последние полужирные формы в 1-м столбце стр. 348. О правильных архетипах разумно ещё подумать. В самом конце статьи странно выглядит

сравнение с формой по Лехтисало. Насколько я знаю, записанный у Лехтисало глагол – это совсем другое слово «сломаться» из 2448, 3-е полужирное слово.

2437. Слово действительно русское, однако, неплохо бы указать правильный его источник. Это диалектное слово *взабыль*, «в самом деле».

2441. Тоже русское заимствование. Правильный перевод – это финское *hanki* «наст», а источником селькупского слова является русское диал. «сувой», как обозначение наста.

2442. Сюда же из Таз. *siŋpa* «чесотка». Думаю, что имеется непосредственная связь между глаголом «чесаться», названием чесотки в статье и обозначением мошки как *siŋpa* в 2443. Мошкара – это кровососущие насекомые, их укусы и вызывают зуд.

2448. Небольшое фонетическое замечание. В середине статьи, в начале второго столбца стр. 349, приведена полужирным форма *seŋpäl-*. Эта форма в Таз. обычно выступает в виде *säpäl-*. В такой реализации несомненно отражается фонетическое развитие *eŋ > ä* перед последующим слогом с *ä*, которое вполне аналогично развитию по типу «собака», как в *kana ÷* из более раннего *keŋna ÷*. В отличие от развития по типу собака, развитие по типу *eŋä* перед *ä* носит в совр. Таз. регулярный, но до сих пор ещё вариантный и поэтому хорошо прослеживаемый характер.

2449. Вне сомнений, сюда **приведена последним** тазовско-селькупская форма.

2456. Напрашивается какая-то иная интерпретация, и думаю, что русское «щепа» здесь ни при чём. В непонятном словосочетании *üdel bi: še:ba:tko* с вариантами следует видеть вначале *ütäl' pi:* «поздний вечер, время к вечеру», а 3-ий компонент этого словосочетания – это форма транслатива к одному из 3 номеров 2453 (наиболее вероятно), 2452 и 2454. В данном случае о многом может рассказать фольклорный контекст. Полагаю, что перевод выдержки из текста должен говорить о том, что «здесь вы повесите кожу с головы, скальп его отца, она высохнет и к ночи превратится то ли в бурундука, то ли в сумку, то ли станет лёгкой». Учитывая любовь селькупского фольклора к бурундукам, я бы остановился на версии 2453, это и фонетически хорошо коррелирует с 2456.

2471. В связи с этой статьёй я ещё раз хочу обратить внимание на проблему рефлексов прасамодийского *a* в сельк. языке и на ключевую роль тех слов, где наблюдается чередование по типу *o* и *u:* в том же слого, но при другой огласовке след. слога.

2475. Думаю, что нуждаются в пересмотре реконструкции архетипов глагольных производных, это 2-е и 3-е полужирные слова статьи. Можно обойтись не повторениями *tätä* в середине, а просто группой *tä* в обоих архетипах. Может быть, имеет какие-то основания под собой реконструкция во 2-м полужирном слове *su:tätäč'ä*, поскольку мы имеем в Тым. геминату, однако, даже и эта гемината скорее должна оцениваться как следствие известного процесса геминации интервокальных согласных перед некоторыми глагольными суффиксами. И уж совсем это излишне для представленного под следующим полужирным словом производного типа *su:ld'ä*, которое должно восходить только к *su:mälč'ä*.

2478. В связи с названием реки Сыма хочу напомнить о несомненно верной этимологической идее Генриха Вернера, согласно которой названия рек Сым и Тым имеют одно и то же енисейское происхождение и их фонетическое соотношение

аналогично соотношению между формами собственно кетского типа и формами пумпокольского типа с переходом *s* в *t*, о чём я, в частности, писал в книге «Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели». Эта этимология важна и с точки зрения этногенетической проблематики. Я не хотел бы исключать, более того, мне представляется весьма вероятным, что окончательно ассимилированные селькупамы в конце XVIIIв. пумпокольцы могли населять прежде не только значительную часть бассейна Кети, но и значительную часть бассейна Тыма, название которого соотносится с названием Сыма в 2478.

2483. Видимо, по недосмотру, отсутствует обозначение долготы гласного в 1-м слоге у последнего полужирного слова.

2484. Слово соотносится с 2482 и содержит характерный и обсуждавшийся в своё время Кацем суффикс одушевлённых существительных *a*.

2485. Вид реконструкции архетипа этого слова *šü:vu-* вызывает у меня сомнения. Можно думать об архетипе вроде *šü:-* или *šü: -ə-*.

2490. Никакого отношения к русскому «животу» слово не имеет, эти формы относятся к одному из абзацев 2555. Эти тымские формы *si:məd* и т.п. – то же самое, что в Таз. *si#’ mi#’tə* «живот, желудок, внутренности».

2491. Прекрасное этимологическое решение Алатало. Мне оно не было известно, объясняющее селькупское *ši:mol’a* «дом, изба, посёлок» из русского языка. Но я думаю, что необязательно принимать в качестве русского источника форму «зимовля», селькупская форма может столь же удачно быть объяснена из обычного русского «зимовье» с переходом *j* в *l’* уже на селькупской почве.

2492. Это слово непосредственно связано с 2508, причём заглавная форма *sača* восходит к *se#’ca* с фонетическим развитием по типу собаки.

2493. Как видно из фонетики приводимых примеров, и, как подтверждают известные мне параллели из Таз, в 4-х последних полужирных словах архетип должен восстанавливаться не с долгим, а с кратким гласным: *saččə-, saččəg-,* и т.д.

2496. Никакой связи с 2500 здесь нет, разве что 2500 само по себе является производным от 2494. Номер 2496 – именное производное с известным суффиксом *āča* – обозначение имени деятеля по характерному действию, от глагола 2494 «идти вброд». Речь идёт о птице, которая любит бродить по воде. Совершенно однотипное с 2496 по звучанию слово *satəča* встречается в Таз. в названиях кусающих насекомых. В этом случае оно связано с 2493, глаг. основой «кусать». Просто в Таз., в результате совпадения *t ~ č* „любители ходить вброд“ и „любители кусаться“ перестали различаться.

2508. Я уже говорил, что сюда 2492. В словарь не вошло интересное слово, связанное с этой основой, «вес, тяжесть», которое представлено в Таз. *sitə* или, возможно, *si:tə*. Связь несомненна, но имеет место интересное чередование гласных в 1-м слоге.

2511. Алатало предлагает для названия костей предплечья *še:təl’* самодийскую этимологию, сравнивая их с ненецким названием соотв. кости. Напомню, что речь идёт о «локтевой» и «лучевой» костях, которые смыкаются сверху и снизу и между которыми имеется просвет в середине. Именно в связи с такой конструкцией кости предплечья некоторых животных используются в качестве катушек для наматывания

ниток. Поэтому название кости является производным (прилагательным) от слова «пряжа» 2509 и выглядит в Таз *še:təllə* «пряжевая, нитяная кость». Что касается ненецкого названия этой кости, то, не вникая в детали этимологии, могу предположить, что там перед нами производное от *si* «отверстие, дырка», что связано с особенностью строения этих костей.

2512. См. «New samoyed ethymologies» № 44.

2514. Слово вида *še:ttə* «жаловаться» с высокой вероятностью является глагольным производным от имени 2420 *še:* «язык», т.е. «работать, пользоваться языком».

2516. Не уверен, что среди диалектных соответствий этого глагола «шить» присутствуют такие диал. формы, которые неопровержимо свидетельствуют об архаичности варианта с начальным *s*. Материал нуждается в проверке, и если допустимы какие-то другие объяснения для пары форм с начальным *h*, то можно обойтись реконструкцией архетипа с согласным *š* в начале.

2521. С учётом принятой в самоедологии реконструкции окончания двойственного числа, да и с учётом форм в самом селькупском языке, для форм двойственного числа этого слова нужно использовать суффикс *qəj* или, может быть, *qí*, или *qij*, но не *qə*.

2524. Думаю, что последнее полужирное слово в этой статье *si:tka* следует выделить в отдельную статью 2524а. В русском языке «сито» и «ситко» связаны друг с другом, но с точки зрения сельк. языка, это 2 независимых заимствования, поскольку в сельк. языке подобной словообразовательной модели, которая дала бы *si:tka* из *si:ta*, нет.

2525. Полностью нужно перенести в 2523. Семантика «оживить» – это частная семантическая манифестация значения «разбудить».

2528. Думаю, что конъектура Алатало верна, и это слово должно быть отнесено к 2582 и далее, вместе с ним, рассматриваться как дериват от 2577.

2531. Алатало предполагает, что в этом слове реально зафиксированная группа *žž* восходит к *пѣ*, но я думаю, что перед нами русское заимствование от «сажа». Двусложное сочетание, которое здесь приведено, означает «стать сажным», «стать содержащим сажу». Думаю, что обозначение ржавчины как сажи, естественно.

2538. Должно быть отнесено к 2521. Могу обратить внимание на материал, содержащийся в конце 1-й колонки стр. 358, который всё объясняет. Номер 2538 «какой из двух» имеет семантику, характерную для формы верхнеобского диалекта *sədeí*, и фонетическую огласовку с согласным *n*, которая соответствует форме «оба» – то, что записано в виде полужирного *šitnəj*. Иными словами, *šitə* «два» стоит в таком же отношении к форме *šitej* «который из двух», как слово *šitnəj* «оба» – к слову 2538 «который из обоих».

2542. Последний и предпоследний абзацы статьи интересны с точки зрения грамматики и грамматической теории. Конечно, слово в последнем абзаце *šünc'əpəl'* по происхождению является перфектным причастием от глагола *šünc'ə-* «окончиться, опустеть». Однако, это причастие приобрело чисто адъективное значение «пустой», поэтому, уже в качестве прилагательного, а не причастия, послужило основой для образования по совершенно регулярной модели наречия *šünc'əpə÷* «впустую», которое

и представлено в предпоследнем абзаце. Разумеется, образование с суффиксом рэ÷ непосредственно от глагольной основы не существовало бы, в селькупском языке это невозможно, если бы не произошла полная адъективизация бывшего причастия «опустошённый» с приобретением им адъективного значения «пустой».

2545. Если существительное «выстрел» реально зафиксировано в Тым., то глагол в последнем абзаце должен, скорее, иметь основу sa:č'ə÷. Это было бы тогда регулярное образование по модели от именных глаголов.

2552. Ссылка должна быть к 2424, а не к 2524.

2555. К словам, приведенным в 3-ем абзаце, относится также часть материала из 2490.

2559. Хотел бы предложить семантическую интерпретацию для неперевоенных или проблематично переведенных цитат. Думаю, что заглавное слово является локативным прилагательным от 2555 «сердце» и означает (перен.) «сердечный, размещённый в сердцевине, центральный». Предположение о такой семантике хорошо согласуется со всеми приводимыми в статье примерами из кетского диал.

2560. Тоже надо сослаться на 2424, а не на 2524.

2564. Данные этой статьи показывают, что название одного из крупных южных притоков Оби, Чая, звучит по-селькупски как ša:ja. Т.о., русское название заимствовано не из селькупского языка, поскольку в селькупском нет междиалектного соответствия типа č'š, а, возможно, из тюркского или хантыйского источника. Возникает вопрос – а почему же тогда в селькупском языке мы имеем субституцию этого тюркского или хантыйского č в виде š, хотя č и как мягкий, и как ретрофлексный твёрдый, в селькупском языке представлен? Единственным разумным объяснением представляется предположение о том, что топоним был заимствован селькупцами, появившимися в бассейне Чаи, ещё в ту эпоху, когда č' или t', восходящих к самодийскому *j, в селькупском ещё не было, т.е. когда переход *j в č' ещё не произошёл. Ретрофлексный твёрдый č был от мягкого палатального č' слишком сильно удалён, поэтому ближайшим субститутом должен был оказаться селькупский согласный s' или š. Если этот сценарий верен, то мы имеем такую стыковку исторической и лингвистической датировки. Появление селькупов на Чае происходит до перехода j в č' в селькупском языке.

2572. Следует подумать, не связана ли эта основа с основой с тем же значением «тяжёлый» из 2508. Если это так, то и в случае 2572, и в случае 2508 мы имеем производные от одного короткого корня структуры CV, – *seŷ:-.

2574. Сюда же – интересная форма у Григоровского сю□льгу «подавиться».

2576. Вся концепция этой статьи представляется мне проблематичной. В первую очередь, мы имеем реально в значении, предполагаемо исходном, «душа» только 1 верхнекетское слово в одной фиксации, не подтверждённое на средней Кети. Можно выдвинуть много предположений, одно из них – это просто неудачно произнесенное или расслышанное слово «сердце», 2555. Все остальные данные не подтверждают ни существование этого необычного слова типа si:jə «душа» ни, соответственно, его предложенной самодийской этимологии в связи с лесным ненецким s'e:ju «дыхание». Все остальные формы, которые приведены в 2576, должны быть объединены с материалом № 2428, и они тоже отражают специфическое использование

прасамодийской основы *ki* в функции основы **аккузатива**, изредка – возможно, и других косвенных падежей личных местоимений.

2577. Я уже отмечал, что предпочёл бы реконструировать используемые в грамматической функции показатели, образованные от заглавного слова этой статьи *šal'* и *ša÷* с кратким, а не с долгим *a*.

2579. Слишком коротко замечание Алатало о том, что название соли имеет иранское происхождение. Неплохо было бы указать на конкретные иранские формы, к которым это название соли должно восходить. Эта тема исследовалась в этимологической литературе и параллельные названия соли типа *sak* имеются и, напр., в северокавказских языках.

2582. Прилагательное в этой статье является производным от существительного в 2577. Статьи можно объединить.

2587. Это селькупское название огнива, которое выводится из тюркского *šak* «высекать огонь», я обращаю внимание на наличие в тюркском и именно производного *šarmaq* «огниво».

2588, 2589, 2591. Материалы этих статей связаны. Есть возможность объединения в 1 статью.

2598. Этимологический комментарий к названию грузовых саней, грузовых нарт можно было бы уточнить, пользуясь историческими реконструкциями, а не современными формами. Сейчас трудно понять, почему, скажем, енисейское *s'u:l'* должно в селькупском дать *šokæg*. Это касается и тюркской формы, приводимой здесь как *šo:ɣ*, которая является уже стяжённой, а не исходной.

2599. Имеется, видимо, ввиду сравнение с 2626, а не 2625.

2601. К 2600.

2604. Сопоставление селькупского и енисейского слов вполне возможно, но не хотелось бы забывать и о камасинском слове «затылок», которое у Кастрена записано как-то вроде *sugsun*.

2609. У Григ. засвидетельствовано (возможно, это единственный источник такого рода) и более исходная форма глагола, которая имела вид *siʃkə-* и которая непосредственно соотносится с прасамодийской реконструкцией соответствующего глагола. У Григ. это форма *сы□кыгу* «воткнуть, уросить (упираться)».

2613. Срединный слог *ə* в архетипе представляется излишним (как и во многих других случаях).

2616. Проинтерпретировать 1-ю часть этого слова для меня затруднительно, однако, что касается 2-го слога, то возникает ассоциация с селькупским словом *a: ʃal'* «узда», статья 215.

2617. Возможно, этот глагол «проклясть», связан с названием «гроб», отражённом в 2418 и 2419. В комментариях к этим статьям я отмечал, что именно слово *seʃ*: «гроб» чрезвычайно популярно в селькупской брани.

2618. Это слово *sä:qə* «чёрный». Комментируя слово 1695 *n'a:ɣə* «красный», я отмечал, что элемент *qə* необязательно относится к исходной форме этого слова. Он носит суффиксальный характер и отсутствует в ряде дериватов от основы «красный». Аналогичное предположение можно сделать и в связи с 2618 и рассматривать некоторые известные словосложения, в которых первый компонент имеет вид *sä*:

«чёрный» не как результаты сокращения с утратой элемента qə, а наоборот – как исходные композиты. Сюда относится, напр., в Таз. sā:lɔqɑ «чёрнобурая лиса» или sāqum «смуглый, смуглолицый человек». Далее я упомяну ещё 1 дериват такого рода.

2620. Во-первых, мне кажется, следует предполагать здесь исходность краткого а, а не долгого, то же самое касается и всех многочисленных композитов, в которые входит 2620 в качестве 2-го компонента, напр., 2629 и т.д. Во-вторых, даже и не будучи убеждённым в справедливости сопоставления этого названия рошь, лесных массивов с камасинским суффиксом множ. числа sa÷, я считал бы целесообразным упомянуть данную этимологическую версию.

2625. Обращу внимание на глагол «воткнуть иглу» у Григоровского, записанный как со□нгу, где, возможно, -гу – это гаплогизированное -гугу, т.е., концовка слова и суффикс инфинитива.

2626. Комментируя 1548, я сделал ряд замечаний по поводу странности реконструкции селькупского архетипа в 1548. К 2626, где речь идёт о том же по происхождению слове, у меня замечаний нет, но были бы целесообразны перекрёстные ссылки между 1548 и 2626.

2627. От этого названия шуги сделана справедливая отсылка к другому ее названию, отличающемуся присутствием щ на месте щ', на месте щ̣ и рассматриваемому там, в 1567, как хантыйское заимствование. Можно ли считать, что 2627 тоже является хантыйским заимствованием, однако, восходящим к другому хантыйскому диал., т.к. в хантыйском, в отличие от селькупского, диалектное соотношение щ̣~щ̣ имеет место. Это не предложение, а побуждение к рассмотрению интересной историко-фонетической и историко-диалектологической проблемы.

2629. Название раkitника, или раkitы в Таз. зафиксировано с долгим и – ŷu: -kə, что можно принять и для 2629, тем более с учётом, напр., тымской формы, где мы находим и, а не о. Впрочем, здесь тоже имеют место колебания и непоследовательность. Интересно, что у Григ. название раkitы зафиксировано в 2 обликах, явно отражающих 2 разных диалекта: как сунгъ и как со□ггы. Из этих 2 вариантов только первый может восходить к архетипу с долгим а.

2630 и 2631 – связаны друг с другом, а вот 2630b, скорее, следует отделить.

2630b. Ещё одна гипотеза, которая нуждается в проверке с точки зрения знатоков лесного хозяйства. Если является типичным, что выгоревшие места, гари, зарастают, в первую очередь, кустарником раkitы, то статьи 2630b «гарь» и 2629 «раkitа», возможно, следует объединить. Впрочем, против этой версии говорит то, что в тазовском, если записи верны, слово «гарь» содержит краткий, а слово «раkitа» – долгий гласный и.

2632. Маленькое фонетическое уточнение. Думаю, что запись заглавной формы со ə между г и т ошибочна. Я бы писал только гт, тем более, что этот глагол в виде ŷu: -kəɾmoatpə- и похожие формы, известен мне из Таз.

2633. Мои предложения касаются исторической фонетики этого тюркского заимствования. Во-первых, не понимаю, почему селькупский архетип реконструируется со срединным ÷ – к этому не дают оснований ни селькупские формы, ни форма тюркского источника. Во-вторых, может сложиться впечатление, что

формы типа тазовского siʕ:ɾə более инновационны в сравнении с кетскими формами типа siʕyɾ. Разумеется, это не так и формы тазовского типа отражают очень раннюю форму тюркского заимствования, в которой произошло стяжение гласных, а формы с сохраняющимся согласным y отражают заимствование более поздней эпохи.

2636. Связь с 2634 настолько очевидна, что не упоминается. Речь идёт о названии ястреба, который, конечно, охотится на глухаря из 2634. Более интересен вопрос о том, что следует в 2636 за названием глухаря. Признаюсь, что меня всегда привлекала версия о том, что это слово «коршун», но в статье 98 это слово «коршун» дано с согласным ʕ – еʕа. Концовка слова «ястреб», имеющая вид äti к названию коршуна несводима. Позволю себе выдвинуть другую, тоже проблематичную, версию, состоящую в том, что элемент kāti в названии ястреба связан с глаголом «ударять» в 1959.

2639 и 2640. Эти 2 фонетически близких названия дверного крючка и мизинца явно связаны, для семантического обоснования достаточно вспомнить, что отогнутый мизинец имеет классическую форму крючка. Я бы не стал исключать и связь между этими статьями и со словом «угол» из 2638. С другой стороны, от слова «угол» почему-то делается отсылка к 2571, которого в словаре нет вообще. Зато отсутствует отсылка к 2643, где представлено фонетически похожее слово «угол».

2642. Это название одного из видов утки, возможно – **черняди**, которое имеет вид sä: ʕoʕ'ä, хотя есть и такие варианты, как в словаре у Ирикова сяқачи. Думаю, что это название утки является сложением слова «чёрный», причём, возможно, исходного, без суффиксального варианта слова «чёрный» из 2618, с элементом, который присутствует в целом ряде названий уток и отражён в 2053.

2643. Я уже упоминал о необходимости перекрёстных отсылок между этой статьёй и 2638 «угол». – Не помню, писал ли я что-либо по этому поводу в своей работе Etymologica 2, на которую ссылается Алатало, поэтому прокомментирую. Здесь присутствует, наряду с тазовскими формами типа sä:ʕä, также тымская форма seʕ. В-первых, она совпадает со словом «угол» в ненецком языке: s'eja. Но, наверно, прямое заимствование предполагать трудно. Не исключено, что обе формы – и вынесенная в заглавие seä, и тымская seja, отражают одну форму с зиянием – seä, или нечто в этом роде.

2645. 2654. Для тымского приведены 2 перевода, связанные со снежной стихией, но вряд ли сводимые друг с другом и, возможно, неточные. С одной стороны – «наст, снежная корка», с другой – «большой снегопад». Соответствующее слово в виде sesə, известное в тазовском (может быть, и sä:sə, точно не помню), обозначает «снег на ветках деревьев». Я помню, как это слово я впервые услышал в **Ратге** от Пряхина, ханта по происхождению, когда работал с ним и переводил с хантыйского на селькупский некоторые слова из словаря Терешкина «Очерки диалектов хантыйского языка». Это лирическое отступление, а дело сводится к тому, что вполне вероятно, что значением 2654 является именно это специализированное обозначение снега на ветвях деревьев.

2645. Основа этого глагола – что-то типа $si\ddot{y}\div$ или (?) Этот комментарий далее см. файл 1 Вероятно, сюда же в Таз. *siŋkəlmoat* «медленно разгореться (об огне)».

2652. Этот корень типа *su:səgä* знаком мне, хотя не помню, из какого источника, не как именной корень «малярия», а как глагольный «дрожать».

2655. Неубедительно выглядят сопоставления в квадратных скобках с *seeri* из материалов Кастрена и с русским словом *серый*. Далее на *кассете большой пустой кусок*

2656. См. мой комментарий из ссылки к 2422.

2657. Видимо, можно предполагать связь этого слова с самоназванием селькупов (которое, может быть, первоначально и не было самоназванием самих селькупов) в 2422, 2656, равно как и со словом «хозяин» в 2422. В 2657 представлена семантика «страшный, ужасный», но, как известно, иногда этнонимы имеют тенденцию приобретать семантику такого рода, сравни, например, нем. *höne*, восходящее к названию гуннов, или (неразборчиво – возможно, польск. *olbrzym*) название аваров в некоторых славянских языках. Впрочем, я не уверен, что сюда относится то слово, которое приведено в последнем абзаце статьи 2657.

2658. Это ассимиляционный вариант к 1581.

2661. Во-первых, это, конечно, то же самое слово, что записано и в 2680. Во-вторых, тазовское соответствие – это название маленькой морской чайки записано в моих материалах, на которые ссылается и Алатало в 2680, как *šoarə*, – переводится это, правда, как «маленькая чайка», а не как «маленькая гайка». Т.е. записано это слово с конечным *ə* – *šöärə*. С другой стороны, в тех формах, которые приводит Алатало в 2661, конечный гласный отсутствует. Его архетип имеет вид *ša:r*. Я не могу исключить, что в тазовском действительно произошло расширение основы и дополнение гласным *ə* в конце. Хотелось бы, однако, указать на один возможный источник недоразумений: дело в том, что редукция конечного гласного *ə* в тазовском порой настолько сильна, что различить на слух слова с конечным *ə* и с консонантным исходом бывает нелегко без специальной морфонологической проверки, которая, увы, производилась не с абсолютной регулярностью. Я не уверен, что когда-нибудь спрашивалось, например, как будет «моя маленькая чайка», – то ли *šoaram*, как должно быть при основе *šoarə*, то ли *šoarmə*, как должно было быть при основе *šoar*. Так, что полностью положиться в этом смысле на материалы экспедиции нельзя и я не стал бы гарантировать, что правильная форма не выглядит, как *šoar*.

2666b. Трудно судить о том, насколько правдоподобен и поддерживается контекстом перевод «был замаран дерьмом», который приведен почему-то в квадратных скобках и с двумя ???. Поскольку существуют такие сомнения, то отмечу, что записанное при этом переводе селькупское словосочетание очень напоминает мне такое словосочетание в

тазовском – *töttə soarəmpa* «связано, связка, низко», «связка низко нанизанной сушёной рыбы».

2672. Аникин в своём «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» (2000: 485) упоминает название растения *сарба*□, впрочем, не приводя для него убедительной этимологии.

2673. Непосредственно заглавное слово здесь «царь». Алатало не комментирует и не выделяет в отдельную статью вторую часть представленных здесь сложений, которые начинаются на *ba:tma*, хотя в одном месте стоит «вторая часть неясна». Эта вторая часть, несомненно, заимствованное русское, а вообще говоря – тюркское слово «батман», которое в диалектах употребляется для обозначения различных мер веса, по данным «Словаря русских народных говоров», – от 10 фунтов до 25 пудов. Те сложения в кетском диалекте, которые фигурируют в этой статье, обозначают либо «царь положил батман», что означает «радуга», – в этом случае это трехчленное сложение из царя, батмана и селькупской основы № 491 «положить». Или же, может быть, селькупские образования от заимствованного «батман» – глагол «взвешивать, взвесить». В таком случае формы кетского диалекта означают «царь взвесил». Повторяю, речь идёт об обозначениях радуги.

2678 и 2682. Здесь, несомненно, должны быть вместе формы от глагола «вязать», причём здесь ещё раз отражено чередование гласных типа *иэ/о*.

2683. Во всех 5-ти последних полужирных словах этой статьи я предложил бы вычеркнуть из реконструкции архетипов слог *-mә-*. Следует признать, что уже на общеселькупском уровне основа слова могла при присоединении суффиксов выглядеть не как *su:rəm*, но и как *su:rә*, т.е. не содержать конечного согласного.

2684. Здесь прилагательное к 2683, соответственно, Алатало и его бы записывал не как *su:rәl'*, а как *su:rәmәl'*, с чем я могу согласиться, и речь идёт о различных видах оружия, используемого для охоты на зверей. Кроме того, в примере из диалекта Чаи второе слово, которое пишется *pәrtšәsә*, хотя и не упоминается в 667, но относится к этой статье, и вместе с ним – далее к 665. Соответствующий комментарий для 667 я уже сделал.

2685. Здесь возникают очень интересные, хотя, видимо, нуждающиеся в проверке мифологические коннотации. Было бы соблазнительно связать глагол 2685 *surtmә-* «смеркаться» с 2683 *su:rəm* «животное», опираясь на мифологическую оппозицию, точнее, некоторый параллелизм в оппозициях день: ночь и человек: животное. Мне известны селькупские фольклорные контексты, где обыгрывается параллелизм такого рода, – дневной: ночной, человеческий: звериный. Я бы не стал считать это надёжным результатом, но, тем не менее, можно задуматься – а не могло ли слово «смеркаться» первоначально восходить к семантическому прототипу типа «звереть, становиться подобным животному». Различие в долготе гласных вполне объяснимо фонетической позицией.

2687. Думаю, можно вполне надёжно перевести этот контекст. А именно, считая, что глагол в 2687 является производным от существительного «локоть» в 2686, что фонетически проходит очень хорошо. В таком случае контекст, который с проблематичным переводом приводится в 2687, означает примерно «они оперлись на локти навстречу друг другу, и начали плакать». Я вполне могу представить ситуацию, когда два человека садятся напротив друг друга, горестно подпирают лицо локтями, сблизив локти, и оплакивают утрату. Поэтому для 2687 предлагается перевод «опираться на локоть». Близкое производное есть и в тазовском, где «локоть» *siŋtän*, а производное *siŋtaltä* – «опереться на локоть».

2694. Явно производно от 2693.

2695. Думаю, что селькупское слово, так же, как его соответствия в Таз., *seŋ* «болото» следует рассматривать совместно с хантыйским словом и заимствованным из него русским словом «сор», о котором см. словарь Аникина 2000 стр. 504 и далее. Хотя здесь ситуация, возможно, довольно сложная, речь может идти и о прямой этимологической связи хантыйского и селькупского слов, и о заимствовании через русский.

2699. Это слово *seŋrəl'* «настоящий, подлинный». Во-первых, я не думаю, что здесь действительно вероятна связь с 2697 «белый». Во-вторых, указываю, что в Таз. это слово записано мною с гласным *ε*, а не с *eŋ*, и записано в качестве именной или квазиименной основы *sera*, напр., *serasä* «воистину».

2701. Как и во многих других случаях, о которых я упоминал, в архетипе, стоящем в качестве последнего полужирного слова, можно обойтись без слога *-ət-*, одной только формой *še:rtalčə-*.

2703. Хорошо известна тюркская этимология селькупского глагола «войти» – *ker-*. По-моему, эта этимология была ещё в ранней работе Доннера, в последние 10-летия к ней обращались Терентьев и Филиппова. Также думаю, что излишней является реконструкция 1 и 3 с конца архетипов, соответственно с суффиксами *la* и *čə*, поскольку перед нами, скорее, просто формы опатива и будущего времени основного глагола *še:r-*.

2707b. Имя собаки *Serko* – русского происхождения, распространённая кличка собак серой окраски.

2709. Я уже упоминал в связи с 2425, что название «стружки» 2709 является производным от глагола «скоблить стружку» 2425.

2711. Совершенно правильна отсылка к 2709. Я не могу ничего сказать по поводу животов у тымских собак, а вот ружейный пыж у тазовских селькупов – это действительно стружка.

2712. Семантика, постулируемая под вопросом Алатало, подтверждается, поскольку в Таз известен глагол *šiŋqəmoat-* «разреваться».

2715. Видимо, немецкий перевод неудачен. Более удачный перевод к чаинской форме будет не «Fett», а «Speck».

2716b. Слово, которое дано как заглавное, имеет искусственный характер и представляет собой модификацию слова «копыто» в 2728. Эта модификация объединена с формой множ. числа от местоименной основы 731. Здесь она имеет вид *mala*. Напомню, что у Григоровского множ. число к местоимению *mi* из 731 встречается, в частности, в виде *-мола* и *-мала*.

2719. Здесь представляется излишней 3-сложная структура архетипа и гласный *ə* в срединном слоге. Вполне можно обойтись архетипом *sal'l'ə*.

2723. Весьма вероятно, что 2723 связано с 2722 и представляет собой глагольное употребление этого именного корня. Этот именной корень означает «колышек, обрубок дерева», а глагольный корень с тем же фонетическим обликом означает «поддерживать огонь», что достигается тем, что шуруют (как это и отражено в некоторых примерах статьи) те колышки, брёвнышки, которые составляют костёр.

2725. Конечно же, источник – русское слово *сальный*, стеариновые свечи как раз называют *сальными свечами*.

2726. Заглавную форму слова следует записывать с долгим *a*, что подтверждается и цитатами из Доннера, и зафиксированным в современном тазовском диалекте названием небольших собачьих нарт *šoalka*.

2728b: Между № 2728 и № 2729 – опечатка, стоит 2278b вместо 2728b.

2734. Очень интересный, хотя и слабо засвидетельствованный в селькупских материалах глагол. Но он хорошо известен в тазовском глагол *sulə*- «протянуть, предложить, поставив перед собой», а также «навести ружьё». Есть в словаре и дальнейшие интересные семантические ответвления у этого глагола.

2736. Интересный, едва ли не уникальный, случай чередования *e* и *i* в пределах основы.

2740. Представленное здесь название тайменя буквально означает «рыба с семью челюстными костями».

2744. Это русское имя *Сила*, *Силантий*.

2745. Думаю, что здесь нет никакого причастия, речь идёт о ремне для крепления сапог на бёдрах, поэтому заглавное слово 2745 – это 2746, «бедро, тазовая область», таз. *si* из *Itə*. Только не очень ясна концовка слова, записанная у Доннера форма с *ä*.

2754. Фонетический облик заимствования из рус. *свеча* по селькупским диалектам и даже внутри северноселькупского очень сильно колеблется, и эти колебания отражают различные возможности адаптации группы *све-* в анлауте. Она может интерпретироваться как селькупское *сиə-* с дальнейшим развитием в *sə-* и т.д., *sö-* и т.д.; но речь может идти также об обычном упрощении сочетания за счёт исключения элемента *v*. Отсюда – варианты, начинающиеся на *se-*. Иначе говоря, в тазовском реально представлены варианты огласовки этого слова с *sə-*, *sö-* и *se-*.

2762. Принадлежность к 2761 не вызывает сомнений, – как и, например в русском языке, одним и тем же словом обозначаются кости тела и косточки фруктов.

2763. Подтверждаю, что речь идёт о специальном употреблении 2763 «кость», – видимо, локтевая кость, как мера длины.

2764, 2770-2777 и 2781-2786. Небольшой комментарий о целой группе слов. Все они содержат слова с *l* в качестве первого и *p* в качестве второго согласного, имеют разные этимологии, среди них есть и исконные слова, и, по-видимому, заимствования, хотя под вопросом, как в 2771. Общая семантическая часть всех слов в этих статьях – это значение «плоский» или обозначения разного рода плоских предметов. Наиболее интересное слово этой группы, которое в селькупском языке непосредственно не представлено, – это русское слово «лапа» и совершенно идентично звучащее слово с тем же значением, например, в ненецком языке, финском и в эвенкийском языках (если не ошибаюсь). Я как-то говорил на эту тему с Аникиным, и он ничего не видит еретического в том, чтобы думать, что русское *лапа*, которому приписывается индоевропейская этимология, было заимствовано ненцами, эвенками и т.д. (см. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири, 2003: 332-333). – Полагаю, что на самом деле ситуация сложнее и этот комментарий – просто указание на то, что этой группой слов с учётом и ностратической перспективы, и возможности заимствования, и чисто оноματοпоэтической проблематики, хорошо бы специально заняться. Названные статьи словаря дают для этого хорошую почву. В частности, речь идёт о соотношении 2770 и 2771, – и в том, и в другом случае «лопата», причём в одном случае, возможно, исконное слово *lappa*, а в другом – возможный русизм *lappattul'* и т.д. – Ещё о нескольких словах этой группы. В 2773 форму из «Очерков по селькупскому языку» следует исправить, после *l* должно быть не *o*, а *oa*. Как и в некоторых других случаях, в «Очерках по селькупскому языку» может присутствовать недоразличение *o*, *o:* и *oa*.

2764. Я уже это комментировал, – второе полужирное слово в статье *toqəl' lapu* обозначает не «два весла», а «двойное весло, весло с двумя рабочими лопастями».

2765 и 2769. Эти этимологически связанные слова следует объединить в одну статью. Общее значение, связанное с ритуалами и шаманскими обрядами, – это некоторое значение ритуальной нечистоты, откуда употребление в 2765 прилагательного в контексте «грязная земля», или в 2769 обозначение менструации. Сюда же относится и глагол, который мне известен как таз. *lapəntə-*. Точного перевода информанты дать не могли, поскольку это относится к сильно подзабытой лексике, но приблизительный перевод, который можно предположить на основании комментариев информантов – это что-то типа «очищать, очистить от погани». Общую основу для 2765 и 2769 я бы дал как *lapə* – «погань,

ритуальная нечистота». Слова, приведенные для сравнения в 2765 «ровный», относятся не сюда, а к № 2783. Материалы из Дульзона и из «Очерков по селькупскому языку» в № 2765 требуют переноса или сопоставления с 2783, причём здесь, особенно в таз. *läpäl'*, имеет место довольно характерное развитие последовательности из 2 гласных *ä* и из более ранней последовательности из *e* в первом и *a* – во втором слоге (ср. 2783).

2766. Эта дескриптивная основа хорошо зафиксирована в тазовском диалекте, – различные производные от основы *läpä-* с общим значением «трепетать, биться». По-видимому, здесь тоже имеет место ассимиляция – *lapä* переходит в *läpä*.

2768. Думаю, что странное слово *rapənə*, которое во всех примерах сопровождается каритивным суффиксом *-galk*, представляет собой русское «безропотно», где часть «ропотно» передана как *apənə*, а приставка «без» заменена селькупским суффиксом. Семантически это решение хорошо соответствует примерам.

2769. Я уже сказал, что перед нами материал, связанный с материалом статьи 2765. Думаю, что на самом деле форма, вынесенная в заглавие, состоит из 2 слов и означает «нечистота, нечистая менструальная кровь течёт». Соответственно, *lappiʒ* обозначает «менструальную кровь», а далее следует известный глагол *qamtə-* «течь».

2774. Здесь либо образование от ономатопоэтического корня *lap*, или, возможно, преобразование русского *латунь* под контаминационным влиянием этого корня.

2780. Связь с хантыйским материалом сомнений не вызывает, мы ещё раз имеем уже неоднократно упоминавшееся фонетическое соответствие между селькупским и хантыйским, отражающее более раннюю стадию развития хантыйского вокализма. Учитывая распространение диалектного слова «тёмный» в селькупском языке, версия о заимствовании из хантыйского представляется мне более вероятной, чем предположение об обратном направлении заимствования.

2783. Сюда относятся, как уже упоминалось, слова, ошибочно приведенные в качестве параллелей при 2765. И, наконец, самым непосредственным образом связаны 2782 «рубль» и 2784. «Рубль» – видимо, просто название «плоский», обозначение рублёвой ассигнации.

2789. Тазовским соответствием является слово *li:pə* «кусок, клочок». Обращу внимание, что оно имеет специфическое употребление в качестве суффиксоида для выражения пренебрежительного отношения к предметам или живым существам. Например, так это употребляется в слове *irali:pə* «старикашка», от *ira* «мужчина, старик». С этой точки зрения северноселькупское *li:pə* является функциональным эквивалентом южноселькупского *pi:*, № 292.

2791. С учётом приводимых (с недостаточно полным переводом) примеров наиболее вероятным представляется понимание заглавного слова

как «низкий». И, соответственно, объединение материалов статей 2791 и 2798. В 2798 перед нами нормальный тымский рефлекс группы *mt*, в 2791 – рефлекс в виде *u* неслоговой + *t*, что может отражать либо группу *mät*, либо *mt* в некоторых особых фонетических условиях.

2797 в названиях бабочки присутствует особое, нетипичное для селькупского языка колебание между группами *mp* и *nt*. Хочу обратить внимание на то, что аналогичное колебание и чередование касаются, по крайней мере, ещё одного, расположенного рядом, слова. В 2794 мы находим у Алатало «кувшинку, озёрную розу» из виде тым. *la:mpə*. Между тем, в словаре Ирикова «кувшинка» – *loantə*. К сожалению, в экспедиционных материалах название кувшинки не зафиксировано. Без большой уверенности выдвину ещё гипотезу о том, что 2793, 2794, 2795 и, возможно, 2796 представляют собой результаты семантической специализации одного и того же исходного корня. Если это так, то, конечно, производным от этого названия является и 2797. Во всех случаях речь идёт о каких-то «плавающих по поверхности, болтающихся, порхающих» предметах. Сюда же, разумеется, 2798b «поплавок». Всё-таки в целом ряде тазовских материалов «поплавок» зафиксирован именно с гласным *oa*, т.е. с отражением старого *a*:. Поэтому, несмотря на ваховско-хантыйское соответствие *l̥omp*, думаю, что архетип следует воспроизводить как *la:mpə* «поплавок», что соответствует и его самодийской этимологии в SW: 82. Можно думать, что ваховское и васюганское хантыйское слово – это очень позднее заимствование из селькупского языка, уже отразившее сужение гласного *a*:. Ещё один вариант, который я сейчас не буду подробно разбирать: может быть, ваховско-васюганское *l̥omp* отражает и происшедшее уже в самом хантыйском языке по законам хантыйского аблаута развитие *a* в *o*. Такое было бы возможно в том случае, если бы заимствованная из селькупского языка форма выглядела примерно как *la:mpo*.

2800. Думаю, что архетип следует записывать как *lu:mə*, т.е. только с одним *m*. Алатало воспроизводит геминату *m*, учитывая, что согласный этого архетипа сохраняется как *m* в тымском диалекте и в интервокальном положении, и это действительно характерно для старых геминат *mm*. Однако в данном случае речь идёт об относительно позднем заимствовании, в котором тымский переход *m* в *v* уже не имел места.

2805. Сюда же, вероятно, с иным начальным согласным, тазовское *n'impəral'* «острый и тонкий, стёршийся от постоянного затачивания (о ножике)».

2822. Следует объединить с 2829. Семантическую связь между чаинской «грязью» и тымским «клеем» даёт северный диалект, где *l'ün'čə* «клей из рыбьей чешуи», а *ütəl' l'ün'əč* «тина».

2824 и 2827. Это в обеих статьях одно и то же слово, которое известно в тазовском диалекте, причём только в верхнетазовском говоре, как *lön'čə* «платок». Предположение о заимствовании из русского *ленза* в

№ 2827 не выдерживает критики, потому что леза – это довольно специфическое обозначение тонкого, дорогого атласа, который вовсе не преимущественно использовался для изготовления платков и заведомо не годился для изготовления рыболовных саков.

2825. Сюда же в виде существительного – тазовское *lenə* «плата, оплата за труд».

2832. Почти уверен, что дескриптивный глагол означает не «засветился», а «стал болтаться» и что перед нами – соответствие тазовского слова *liiččəmoat-*. Сюда же, разумеется, относится и другое производное той же глагольной основы в 2833.

2835b. Думаю, что предположение о заимствовании из хантыйского языка и ориентированный на это предположение перевод излишни. На самом деле тымская фраза означает «что там зашевелилось». Из нее видно, что глагол из 2835b представляет собой просто производное и дериват от глагола в 2835.

2837. Я уже упоминал, что это полностью фиктивное слово. Алатало, к сожалению, повторяет восходящую ещё к Кастрену ошибку. Так называемое *leŋjät* – на самом деле состоит из суффикса адъективных форм *l'* и селькупского слова *e:tə* «стойбище». «Кладбище» – это стойбище покойников. Это вызывает и другую интерпретацию некоторых форм, например, форма из КМР (см. сокращения к словарю Алатало) – это не народно-этимологическая переработка, а просто другое возможное обозначение кладбища как «стойбища костей». Народной этимологии здесь нет.

2838. Как будто бы, судя по Аникину, других случаев заимствования русского слова «линь» в языке Сибири не отмечается (Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири, 2003 – такого примера нет), что делает соответствующее предположение менее вероятным, и уж в любом случае, крайне странной была бы субституция русского начального *л* в виде *р*.

2839. Наряду с параллелями в енисейском и тюркском, и даже, пожалуй, в первую очередь, следует иметь ввиду северносамодийское соответствие, а именно – суффикс **-rəka*. Это ненецкое *-raxa* и т.д. Я эту этимологическую тему никогда не разрабатывал, тем не менее, в связи с этим суффиксом я бы не стал оставлять без внимания также и 2843 *laka* «кусок, фрагмент» вместе с его самодийскими параллелями в SW: 80. Почему-то у Алатало соответствующего указания к 2843 не дано. Весьма вероятно, что северносамодийский суффикс, который я назвал, представляет собой семантический дериват этого самодийского существительного.

2841. Должно быть объединено с 2840. Разумеется, значение «работать» в селькупском – это всего лишь частный случай значения «шевелиться, двигаться». Точно так же обстоит дело и с глаголом *manzara-*

«работать» в ненецком языке. – Предпоследнее полужирное слово: думаю, что в архетипе один из двух слогов с *-qə* лишний.

2842 и 2842b. Фонетическая дифференциация вполне оправдана, и всё-таки, думаю, что имело бы смысл эти две идентичные по значению основы рассматривать вместе, как , по-видимому, предполагал это делать и сам Алатало, свидетельством чему является представленная в словаре нумерация.

2844. «Сломать». Этот глагол представляет собой производное от существительного «кусок» в 2843. Думаю, что в 2844 реконструкции архетипов излишне осложнены. Вполне можно было обойтись исходной основой *laqčə-*.

2845. Алатало приводит в среднем абзаце некоторые параллели из Григоровского и из рукописей Кастрена. Их идентификация проблематична. Они могут быть производными как заглавного слова 2845 «шаг», так и глагола «двигаться» 2840.

2848. А вот здесь принадлежность к 2840 сомнений не вызывает.

2851. Слово означает не «косо, наклонно стоять», а наоборот, – «стоять вертикально», при этом нередко «стоять прямо». Пожалуй, основное значение – это «стоять торчком, стоять, будучи воткнутым». Так говорят о деревьях, а вот человек стоит так, когда становится на голову. Отсюда в тазовском производные «кувыркаться» и пр.

2852. Этимология не приведена, но я не стал бы полностью игнорировать известное сравнение селькупского названия лисы с названием песка *похо* в ненецком языке.

2854. Тазовский диалект предоставляет для сравнения даже более близкую форму, тоже со значением «продырявить», *ruqaltə-*. Слово есть и у Григоровского – *рокальджигу*. Вероятно его следует признать производным от глагола в 2854.

2854. Я указывал на соответствие у Григоровского. Уточняю его. Это *рокальджигу* «залипать, уляпать».

2859 повторен дважды (техническое недоразумение). При этом второй из них идентифицируется с 2867.

2864. Маловероятно, что перед нами глагольная основа, которая кончается на *-əтə-*. Скорее всего, мы имеем дело с ошибкой в записи или с недописанностью слова, и перед нами обычное образование с суффиксом *-ma:t- – lä:qqətoat-* «завизжать, развизжаться» в тазовском.

2868. Думаю, что здесь – избыточное словоделение и что в примере из тымского мы имеем просто глагольную форму *takkarə...*, которая относится к 1157. И, соответственно, отдельного слова, начинающегося на *r*, не существует.

2871. Это слово как таковое в селькупском языке несопоставимо с северносамодийским **lä-ŋ-* «кричать». Однако и полностью разделить эти две основы друг от друга нельзя.

2872. Мне непонятна причина, по которой архетип воспроизводится с *-ət-*.

2872b. Похоже, что в тазовском известна и именная основа, от которой образован фактитивный глагол в этой статье – существительное *la* → «большая ложка, хлебалка». Если только само существительное не является обратным дериватом от дескриптивного глагола.

2882 и 2889, 2878. Здесь всюду можно отыскать хантыйские параллели, скорее всего, речь идет о хантыйских источниках, см. Девос стр. 1281 гəs, 1282 gäskiʃ, 1289 gät'iʃ. Кроме того, еще несколько слов более или менее ярко выраженного дескриптивного характера в хантыйском языке относятся к этой же группе.

2883. Предпоследнее полужирное слово. Не в первый раз встает вопрос: действительно ли мы не имеем права принимать для общеселькупского состояния словообразовательную модель, предусматривающую деривацию от именных глаголов посредством усечения конечного гласного именной основы и присоединения суффикса *-tə-*. Мне понятно, что Алатало, по всей видимости, во всех подобных случаях предпочитает думать, что к именной неусечённой основе присоединялся глагольный фактитивный суффикс *-ptə-*, а дальнейшее развитие было связано с выпадением гласного второго слога в последовательности из 3-х слогов. Я могу подтвердить наличие ряда тазовских примеров, где даже сравнение с данными Кастрена подтверждает именно такое развитие – от структуры *TATəptə-* к структуре *TATtə-*. Тем не менее, для меня неясно, можно ли это развитие считать универсальным и единственно возможным источником слов типа последнего полужирного из 2883.

2884. В заглавии гласный *o* записан как краткий, однако непосредственно в примере мы находим *o:* (долгий), поэтому словосочетание (которое неизвестно мне из современных материалов) скорее всего обозначает «чёртова голова». Название какой-то верхней части грудной кости?

2886. Тазовский диалект даёт основания считать, что название русских имеет вид *ruš* с кратким *u*, а долгота, как и в ряде других аналогичных случаев, появляется в основе генетива. Если это так и если учесть, что название русских имеет хантыйское происхождение, то перед нами немаловажный аргумент для датировки исследованного мною процесса развития вторичных долгот перед *ə* в селькупском языке.

2887. Конечно, к 2886, речь идёт о «русском» насекомом – мухе. Название далеко не уникально в своём типе, северным селькупам известен и «русский» жук: *ru:šəl'tuk* «клоп». До прихода русских клопов в Сибири не было.

2898. Источником селькупского слова является не русское «лев», а его распространенная диалектная форма «лѐв».

2900. Замечание известного типа: архетип можно записывать с *-rku* в конце.

3006. Сюда же таз. *tu:pətək* с тем же значением.

3007. Эта статья, опирающаяся исключительно на данные **Вокабулярия компаратива Алласа**, которая, как известно, не является самостоятельным первичным источником, вызывает серьёзные сомнения. К сожалению, у меня нет возможности проверить данные по миллеровским или другим первоисточникам.

3012. Архетип лучше записывать с гласным *ä* или даже *e* в первом слоге.

***Маленькое замечание не к какой-то конкретной статье, а из общих соображений. Известно, что в селькупском языке практически не представлена последовательность *-ka:*. Единственное тазовское слово, которое имеет такую последовательность – заимствованное обозначение курительной трубки. Каков всё-таки был в селькупском языке нормальный рефлекс прасамодийской последовательности **wä-* (т.е. в моём варианте прасамодийской реконструкции **wa-*) ?

***Попутное замечание, которое скорее было бы уместно в рецензии: в немецком словоуказателе к словарю вообще нет слова *hier* «здесь».

***А нет ли в селькупском языке явления, напоминающего нганасанскую нунацию? Суффиксы причастий *-tal'*- и *-ntal'*-, соответственно *-pəl'*- и *-npəl'*-, похоже, используются в современном тазовском как варианты. Во всяком случае, я не отмечал каких-то особых различий между ними. У меня однако создаётся впечатление, что старые материалы, например, у Кастрена, обнаруживают некоторую тенденцию к использованию вариантов без носового, если предшествующий согласный не носовой и варианта с носовым, если в слове носовой предшествует. В частности, показательное слово, которое и у Кастрена, и в словаре *Erdé lyi* записано только с суффиксом *-ntal'* – это слово «сладкий» *n'u:n'əntal'*. Неплохо бы проверить, насколько часты и регулярны примеры такого распределения.

ГХ = *Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского* / Обработка и издание Е. Хелимского. Hamburg, 2007, 225 стр. (*HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta*, Bd. 4).

СРДС = Селькупско-русский диалектный словарь. Под редакцией проф. В. В. Быкони, Томск, 2005.

ССС = Е. Хелимский. *Северноселькупский словарь* (электронная версия). www.helimski.com.

GH = E. Helinski *The Language of the First Selkup Books*. (SUA 22). Szeged, 1983.

SkWb = *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. XXVII, 465 S. (*Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XXX).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Фрагменты незавершенной рецензии на SkWb (для UAJb.).

Die würdigste Tradition der Finnisch-Ugrischen Gesellschaft liegt mit Sicherheit in dem Umgang mit den Sprach- und Folklorematerialien, für deren Bearbeitung und Veröffentlichung die Lebenszeit eines Feldforschers, der diese Materialien gesammelt hat, als nicht ausreichend erwies. Schon Dutzende Bände der „Mémoires“ mit Volksdichtung oder grammatikalischen Aufzeichnungen und der „Lexika“ tragen auf ihrem Umschlag die Zeilen „gesammelt von ..., bearbeitet und herausgegeben von...“ und sind entsprechend als „Karjalainen-Toivonen“, „Karjalainen-Vértes“, „Donner-Joki“, „Kannisto-Liimola“ usw. bekannt

Jetzt ist es zu einem Sölkupischen Wörterbuch gekommen, daß zukünftig als DA („Donner-Alatalo“) oder DSA („Donner-Sirelius-Alatalo“; der Anteil der von U. T. Sirelius stammenden Angaben ist jedoch im Wörterbuch relativ gering) bezeichnet werden kann.

Aber die Bedeutung dieses neuen Wörterbuchs weit übertrifft die der Tatsache, daß die von Kai Donner in den Jahren 1911-1914 sowie die von U. T. Sirelius in den Jahren 1898-1900 gesammelten Wortmaterialien aus den sölkupischen Mundarten endlich in ihrem vollen Umfang zugänglich gemacht und mit Alatalos eigenen südsölkupischen Aufzeichnungen (1996-1998) ergänzt worden sind.

Der Index der Lexeme auf S. 405-439 fasst einen Teil der Angaben des SkWb zusammen (im Format Nummer – Stichwort – Etymologischer Hinweis – Dialektale Verbreitung) und beinhaltet insgesamt 2925 Stichwörter². Diese Stichwörter sind in einzelnen Dialektgruppen wie folgt vertreten:

Dialekt(gruppe)	Stichwörter, die in dieser Dialektgruppe belegt sind		Anzahl der Stichwörter, die ausschließlich in dieser Dialektgruppe belegt sind
	Anzahl	%	
P (pohjois-, Tundra-Dialekt = Nordsölkupisch)	1420	48,5	209
T (Tym-Dialekt)	1936	66,2	514
H (h-Dialekt, d.h. Narym/Vasjagan/Parabel'-Sölkupisch zusammen mit Ivankino/Kolpaševo-Dialekt)	1072	36,6	24
O (Obere-Ob-Dialekt)	1367	46,7	136
K (Ket'-Dialekt) ³	1631	55,8	394

² Im Hauptteil des Wörterbuchs sind die Stichwörter von 1 bis 2911 und von 3000 bis 3018 nummeriert, aber infolge der im Prozess der Edierung vorgenommenen Korrekturen (Teilung und Zusammenlegung der Wortartikeln) gibt es sowohl Lücken wie auch Zusätze (25b usw.) in der Numerierung. – An dieser Stelle möchte ich mich bei Jarmo Alatalo für die Zusendung des Indexes der Lexeme in Form einer Datei, die die statistische Auswertung der Angaben ermöglichte, speziell bedanken.

³ Die Dialektklassifikation bei Alatalo stimmt im großen und ganzen mit der in meinen Veröffentlichungen verwendeten Klassifikation (Nord – Tym – Narym [oder Tym + Narym] – Ob – Ket', s. Helimski 2000: 68-81, 1998: 549-550) überein. Bei der Gruppierung der Ivankino/Kolpaševo-Mundarten zusammen mit dem h-Dialekt (obwohl eigentlich ist der Lautübergang $s > h$ diesen Mundarten fremd) folgt Alatalo die Klassifikation von

Die Zusammensetzung des Materials im SkWb nach dieser Tabelle (vgl. insbesondere die letzte Spalte) spiegelt in erster Linie die Forschungsgeschichte wider. Donner hat die meisten Angaben von den Tym- und Ket'-Sölkupen aufgezeichnet. Hauptsächlich vom Ket' Fluß stammt auch der Großteil der von Alatalo selbst gesammelten Materialien – nicht zuletzt deshalb, daß in 1990er Jahren waren die immer noch hochkompetenten, fließend sprechenden Südsölkupen nur in diesem Teil des ehemaligen Sprachraums zu finden). Die Aufzeichnungen aus dem Narym/Vasjugan/Parabel'- und Ivankino/Kolpaševo-Mundarten wurden umgekehrt von Donner und von Alatalo nur gelegentlich und unsystematisch gemacht (meistens wurden dabei nur die häufigsten Wörter gefragt und keine Textaufzeichnungen gemacht).

719 Stichwörter (Stämme) sind in allen 5 Dialektgruppen belegt, von den restlichen mehr als 900 Stämmen kommt jeder in zwei bis vier verschiedenen Dialektgruppen vor.

kleine Buchstaben

Vergleichendes Wörterbuch der sölkupischen Dialekten. Vor einigen Jahren bedauerte der Rez. das Fehlen : “Despite this variety of sources, even today only the materials by M. A. Castrén (Castrén & Lehtisalo 1960) give a cross-dialectal coverage of the Selkup lexical stock. The need for a detailed comparative and dialectological dictionary of the Selkup language (for which the DEWOS could serve as a model) is evident and growing” (Helimski 2001: 200). Besonders wichtig wird die Existenz solch eines Wörterbuchs durch den Umstand gemacht, daß die Unterschiede zwischen sölkupischen Dialekten ungefähr ebenso groß (wenn nicht größer und chronologisch nicht tiefer!) sind, wie die zwischen den Dialekten der Lappischen oder der Ostjakischen (die nicht selten als Gruppen der nah verwandten, aber verschiedenen Sprachen betrachtet sind) oder zwischen Tundra- und Waldnenzischen, so daß kein Dialekt allein, nicht einmal das relativ gut lexikographisch erfasste Nordsölkupische, als repräsentativ für das ganze Sölkupische gelten kann. Mit der Veröffentlichung des SkWb wird diese Aufgabe exemplarisch erfüllt.

Man muß jedoch in Betracht ziehen, daß als Stichwörter sind im SkWb nur diejenigen Stämme aufgenommen, die in seinen Hauptquellen belegt sind (aus mehreren Dialekten oder nur in einer Mundart), sowie eine kurze (und unvollständige, s. unten\$\$\$) Liste der Wörter, die in diesen Hauptquellen nicht vorkommen, aber sonst aus zumindest zwei verschiedenen Dialektgebiete bekannt sind (S. 403-404, Nr. 3000-3018). Die in anderen Quellen gut belegten, aber in ihren dialektalen Verbreitung eingeschränkten Wörter/Stämme, sind vom SkWb nicht umfasst. Diese Einschränkung kann man sehr gut verstehen: Der dialekt spezifische Wortschatz des Sölkupischen ist so umfangreich, daß ohne dieser Einschränkung wäre die Gesamtzahl der Stichwörter zumindest doppelt so groß wie jetzt (und die zahlreichen einzelmundartlichen Hapax-Belege, insb. wenn diese aus weniger

zuverlässigen Quellen stammen, hätten dem Verf. mit jeder Menge Rätsel versorgt). Es ist nichtsdestoweniger schade, daß z.B. Vorhandensein/Abwesenheit eines nordsölkupischen Wortes nur von einem zufälligen Kriterium – ob dieses Wort von Donner während seiner relativ kurzen Reise nach Turuchansk und zum Tas-Fluß mal gehört und aufgezeichnet wurde – abhängig ist. Eine entsprechende Erweiterung des im SkWb umfassten lexikalischen Materials und die Behandlung dieses Materials aufgrund der im SkWb benutzten lexikographischen Prinzipien ist deshalb ein dringendes Desideratum der zukünftigen Forschung. Selbstverständlich ist niemand besser als Jarmo Alatalo zur Wahrnehmung dieser anspruchsvollen Aufgabe geeignet.

Ursölkupische Rekonstruktion. „Die Formen sollen nicht als „protosölkupisch“ aufgefaßt werden, weil sie auch für Wörter angegeben sind, die erwiesenermaßen späterer Ursprungs sind, bzw. deren Form als solche nie existiert haben muß“ (S. XV). Anderswo bezeichnet der Verf. selbst diese Formen als „ursölkupisch“ (S. XIX)

Archigrapheme. In den Fällen, „in denen die Rekonstruktion einer ursölkupischen Form in vielfältiger Gestalt möglich wäre [...], wenn die Angaben widersprüchlich sind, wenn die Transkription zwischen verschiedenen Phonemen nicht differenziert, oder wenn notwendige Deklinationsformen fehlen“ (S. XIX), werden die archigraphemischen Bezeichnungen (z.B. \underline{o} für o oder u , \underline{c} für \check{c} oder \acute{c}) verwendet. Leider ist Alatalos Archigraphematik in einigen Punkten mangelhaft oder inkonsequent. Z.B. erklärt er in derselben Tabelle auf S. XIX die Bezeichnung $\underline{ü}$ sowohl als „ $\underline{ü} \sim i \sim i\$$ “ wie auch als „ $\underline{ü} \sim i\$$ “: was soll dan gelten? Für die Fälle „ $m \sim w \sim \eta$ “ und „ $\acute{n} \sim l' \sim j$ “ sind w bzw. j als Archigrapheme verwendet, was z.B. keine Unterscheidung zwischen einem eindeutigen j (wie in 518 **paja** ‚Weib‘ oder in 2562 **saji** ‚Auge‘) und den wirklich unklaren $\acute{n} \sim l' \sim j$ -Vertretungen ermöglicht; differenzierende Bezeichnungen (\underline{w} , \underline{j} o.ä.) wären in diesen Fällen besser geeignet. Die archigraphemischen Schreibungen \hat{a} (steht offensichtlich für $\bar{a} \sim \acute{a}$), wie in 2097 **qâka** ‚Verstorbener‘, 2583 **šâqol'a** ‚Kuckuck‘) und $\underline{ä}$ (steht vermutlich für \$\$\$) sind in der Tabelle unerklärt geblieben

Sölkupische Etymologie.

Samojedische Etymologie.

Interpretation der Aufzeichnungen Donners. Eine der schwersten und zeitaufwendigsten Aufgaben Alatalos bestand in der „Leider benutzte Donner einen größeren Zeichenbestand als jenen, dessen er mächtig war“ (S. XI).

Als Beispiel kann ich hier meine Bemerkungen und Ergänzungen zu zwei Wortartikeln am Anfang des SkWb anführen.

1 \bar{a} Interj. (,так, niin, vai niin, ja'): (A) Das Wort kommt auch im Norden („P“) als aa' ‚да‘ (OSJa I: 153, 330, 332) vor. (B) Das Stichwort sollte eher als **a'** oder **aa'** angeführt werden: der Glottalverschlusslaut [ʔ], der eigentlich zum „normalen“ Phonemsystem des

Sölkupischen nicht gehört, stellt – wie die Angaben zeigen – einen ständigen Bestandteil dieser Interjektion (s. dazu OSJa I: 153). (C) NA *a* [und] wäre als ein separates Stichwort zu behandeln: es ist eine Entlehnung (< russ. *a*), die sporadisch in mehreren sölkupischen Mundarten als Konjunktion verwendet wird (vgl. Katz 1979: 185, Helimski 1983: 56).

13 *ī* ‘Sohn’: (A) Unter den Ableitungen wird “**īŋa** ode **īl’a** Dim. ‘Kind’“ angeführt. Richtig wäre **īa** (> **īŋa**, **īja**, mit Konsonantenepenthese) ‘Kind’. Das **-a** ist kein Dim.-Suffix, sondern wahrscheinlich mit dem Stammbildungselement (Suffix) der Nomina animata **-a** (s. \$ \$\$) identisch. Die unter diesem Stichwort angeführten zahlreichen Formen mit Hiatus (TyM *īa*, TaU Akk. *īam* usw.) sollen primär, und die Formen mit *-ŋ-* oder *-j-* (aber nie mit einem *-l’-*, auch in den Dialekten denen der Übergang *l’ > j* fremd ist! Vgl. auch die echte Dim.-Form: Tas *ījal’a* ‘Kind, Baby’) sekundär sein. (B) Keine Ableitungen von diesem Stamm sind **il’mat** ‘Kind’ (Tas: ‘Jugendlicher’), **il’matəl’** ‘jung’, vgl. auch Tas *il’matəl’ pŋŋrə* ‘Jugend’, Gr. *инма□дымъ а□съ ко□кудъ* ‘неплодная женщина’, *инма□дыргу* ‘забеременоть о жив[отных]’, *ийма□тла* [дети]). Es handelt sich um eine Entlehnung aus ev. *ilmakta* ‘молодой; юный; только что вставший’ (~ even. Armin. *elamat* ‘подросток, юноша’, weiter zu tung. *īl’-* ‘aufstehen’, s. TMS I 302-303, Benzing 1955: 21). Eine sekundäre (volksetymologische) Annäherung zum Stamm *ī* kann jedoch nicht ausgeschlossen werden.

Es ist mir klar, daß die Fortsetzung dieser Liste, mit weiteren dialektalen Beispielen und benötigten Erklärungen, wird sich zu einem Text verwandeln, der in seinem Umfang